

2024

ТОМ: 5

■
ГОМЕР: 2

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том V. № 2. 2024.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том V. № 2. 2024.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том V. № 2. 2024.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), *Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Евдокименко А.С. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России*

Кетс де Врис Манфред (Франция), *Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).*

Кранц Джеймс (США), *Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Кречмер Томас (Германия), *Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Лейкина А.С. (Россия), *канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Лонг Сьюзан (Австралия), *Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Мамедов Шираз (Россия), *Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Медведев В.А. (Россия, Эстония), *канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра*

Мерски Роуз (США, Германия), *Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), *Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рафаелли Дерек (Великобритания), *Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рингер Мартин (Новая Зеландия), *Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Россохин А.В. (Россия), *д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования*

Сиверс Бурхард (Германия), *Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Стрижова Е.А. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Таккер Саймон (Великобритания), *Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Уорд Грэм (Великобритания), *директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шенкман А.И. (Россия), *Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Хиршорн Ларри (США), *Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Саппа Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шаповалова Е.В. (Россия), *ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)*

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том V
№ 2.2024**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ТРАВМЫ

Дени Рибас

Травматизм, повторение, расщепление и противопоказания
к стандартному лечению

6

Барке К. А.

Отклик травматического: восстановление социальной связи в контрпереносе

20

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Саетова А. Ш.

Любовь в психоанализе

32

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Терехова Е. И.

Особенности проведения психоаналитического первичного интервью

54

ПСИХОАНАЛИЗ ГРУПП

Дадька А. В., Шаповалова Е. В.

Возможности метода SDM в изучении социального бессознательного
и его влияние на проведение тематических групп

77

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Этова О. И.

Психоаналитический подход в сопровождении сделок слияния
и поглощения на примере компании

108

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Бакаева И. А.

Психоаналитические аспекты влияния личности лидера
на корпоративную культуру компании

130

ПСИХОАНАЛИЗ И КУЛЬТУРА

Бурмистров В. В.

Психоанализ моды

155

Изотов Н. И.

Создание неязыческого культа как защита от реальности

168

Никитин И. Ю.

Введение в психоанализ художественного творчества

187

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ТРАВМЫ

Травматизм, повторение, расщепление и противопоказания к стандартному лечению

Дени Рибас

(Пер. с фр.: К. А. Барке, Н. А. Красавина)

Дени Рибас – психиатр и психоаналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества, экс-президент Парижского психоаналитического общества.

Травма привела к построению второй топика и теории влечений, которая сопровождала ее, вводя дуализм между влечением к жизни и влечением к смерти. Влечение к смерти успешно участвует в катексисе объекта, благодаря антинарциссизму, смене объекта сублимации и трауру. Аналогично принуждение к повторению придает временную основу сознанию, примитивную непрерывность бытия аутистическим стереотипам и обеспечивает подлинность переноса в классическом анализе. Обсуждается обращение к мазохизму – фактору, который тем не менее благоприятствует слиянию. Повторение травмы, бессознательное чувство вины и прежде всего расщепление также становятся серьезными препятствиями для эффективности психоанализа. Опираясь на работу Рашель Розенблюм о жизненной опасности говорить или писать о травме, автор рассматривает в статье два клинических случая Сидни Стюарта, чтобы выявить факторы, которые противодействуют классическому анализу.

Ключевые слова: травма, влечение к смерти, принуждение к повторению, расщепление, противопоказания к психоанализу, катастрофа.

«Можно повторять по-другому».
Д. Брауншвейг

Вторая топика и вторая теория влечений отчасти порождены травмой: повторяющиеся кошмары военного невроза оттесняют удовлетворение желаний как единственную движущую силу сновидений. Становится необходимым заглянуть «по ту сторону принципа удовольствия». Война также убедила Фрейда в способности цивилизованного мира к саморазрушению. Влечение к смерти – это не просто неограниченная агрессия. Фрейд пошел дальше, предположив, что оно действует внутри человека и внутри живых существ, возвращая их к неодушевленному. Однако Фрейд с сомнением воспринял статью Сабины Шпильрейн «Деструкция как причина становления». Хотя она была первой, кто показал связанный характер влечений: уничтожение как единицы каждой из гамет необходимо для развития нового живого существа, а значит, и для выживания вида, – именно Фрейд осмыслил другую сторону: развязывание также возможно. Как спустя сто лет после «По ту сторону принципа удовольствия» психоанализ рассматривает травму? Вначале я остановлюсь на некоторых элементах моей работы об «Опасных развязываниях» (2017) и степени психической свободы, которую обеспечивает взаимодействие процессов развязывания и повторного связывания на службе жизни. Затем я попытаюсь обрисовать последствия с точки зрения противопоказаний к психоанализу на основе недавно опубликованной работы Рашель Розенблюм «Умереть от письма?» (*Mourir d'écrire?*, 2019) и ее ранее опубликованной статьи «Можно ли умереть от слова?» (*Peut-on mourir de dire?*, 2000). Жизненно важный риск, который не может не волновать любого психоаналитика.

Восхваляя влечение к смерти и повторение

С ними метапсихология обретает возможность осознать процесс дезинвестирования, что необходимо для смены объекта сублимации – в 1915 году это было неразрешимой загадкой, – и, главное, открывает дорогу к горю. С влечением к смерти все психическое функционирование получает свободу изменения инвестирования, а аффективная жизнь – свободу снова любить. Вводя понятие «антинарциссизм», Франсис Паш (1965) описывает способность инвестировать объект, любить при обязательном сопутствующем дезинвестировании Я.

Что касается навязчивого повторения, вспомним также вначале о его положительном аспекте, прежде чем рассмотрим угрозы, которые он несет. Этот инстинкт инстинкта (*Pasche*, 1956, р. 86–87) закладывает более биологическую основу влечений, а также является основой, вводящей ритм и темпоральность. Эта темпоральность – еще не распавшееся время психики (Грин), но, напротив, физическое время, которое, как я предположил, может быть энергией, которой Оно наделяет влечение к смерти, психологизируя энтропию (*Ribas*, 1989). Таким образом, мы наблюдаем аутистические стереотипы, патологическая природа и отчуждающий характер которых очевидны. Но ничто не говорит нам о том, что в таком

наброске круговой внутренней темпоральности, которая для Дональда Мельтцера (1975) сопутствует двухмерному пространству, это повторение субъективно будет восприниматься как таковое. Возможно, напротив, оно обеспечивает аутичному ребенку некую первичную непрерывность бытия и психического выживания, которая порождается сама собой и через сенсорно-моторное вмешательство осуществляет либидинальное со-возбуждение, обеспечивающее базовое связывание влечений. Когда мускулатура руки, проходящей перед глазами, одновременно стимулирует проприоцептивность лучезапястных суставов и клетки сетчатки, возникает полимодальная сенсомоторная артикуляция, которая поддерживает некий психический набросок. Однако, по мнению Жерара Швека (1993), это повторение также может быть наделено функцией самоуспокоения. В стремлении к спокойствию мы обнаруживаем стремление к смерти, а стремление «добровольных галерщиков» к выработке эндорфинов перекликается с нейрофизиологическими наблюдениями.

Но аутисты не единственные, кому повторение помогает обеспечить непрерывность бытия. На это указывают и ребенок, поправляющий нас, когда история, которую мы рассказываем ему вечером, немного отклоняется от текста, и наше удовольствие от повторного прослушивания любимой музыки, и очарование, которое мы испытываем, когда снова оказываемся в определенных местах, и ностальгия умеренного невротика. Я даже слышал, что некоторые терапевты укладывают пациентов в строго установленное время три раза в неделю на протяжении нескольких лет, придерживаясь незыблемого протокола... чтобы те изменились! И действительно, мы можем рассчитывать на то, что благодаря навязчивому повторению в переносе вновь проявятся прошлые инвестиции и перипетии ранних объектных отношений. И этому способствует нейтральность кадра и аналитика, дающая им пространство и время для того, чтобы развернуться, и обеспечивающая надежность метода, с тем чтобы именно внутренняя конфликтность пациента могла проявиться, спроецироваться на аналитика и воплотиться. Напротив, навязчивая ритуализация нашего личного или институционального расписания является менее приятным проявлением и также может быть одним из факторов склероза, усугубляющегося с возрастом. Психоанализ не миновала угроза защитного спокойствия рутины, мешающая появлению чего-то нового.

Повторение, однако, выявляет то, что ускользает от нас в жизни, и, хотя раскрытие бессознательного уже не столь модно, сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что одно из главных показаний к психоанализу – освободить субъект от мешающих ему повторений. После третьего развода пациент хорошо это понимает... Однако в 1920 году психоанализ также обнаруживает и новые препятствия на пути своей спасительной работы освобождения...

Повторение травмы, отрицание, расщепление, бессознательное чувство вины

Приводя в пример случай Доры, с тем чтобы убедить нас, что освобождение через анализ может быть в лучшем случае «условным», Лоранс Кан (2017) напоминает, что первые шаги анализа в этой сфере не были триумфальными, и к этому мы могли бы добавить человека с волками, который всю свою жизнь оставался зависимым от своего «невроза» и своих психоаналитиков. Травматический невроз, похоронным колоколом звонящий по влеченческому здоровью сновидения, тем самым создает предпосылки для провала всех терапевтических попыток по причине повторения. Об этом свидетельствует негативная терапевтическая реакция. Конечно, мы многому научились, в частности тому, что в качестве приоритета здесь необходимо определить совладание с вызванной катастрофой, с тем чтобы никогда больше, доверившись, не быть захваченным врасплох и не оказаться полностью пассивированным таким вторжением, даже если это означает постоянную настороженность. Аналитики научились разоблачать идентификацию с агрессором в переносе, уже описанную Фрейдом как нормальный механизм и, безусловно, безнравственный и эффективный выход для спонтанного высвобождения травмы. Но здесь мы имеем в виду случаи, когда в анализе возникает путаница языков (*Ferenczi, 1933*) и перенос через обращение (*Roussillon, 1999, p. 14*).

Бессознательное чувство вины становится нашим противником, неуловимым по определению, потому что оно бессознательно. Но давайте не будем забывать о двух достижениях 1924 года: первое, клиническое заключается в том, что, в то время как бессознательное чувство вины остается таковым по определению, потребность в наказании таковой не является. Вспоминается, как один мужчина удивился, почувствовав что-то похожее на счастье, когда обнаружил на лобовом стекле штраф: за несколько месяцев до этого он потерял отца...

Второе – теоретическая гипотеза: природа морального мазохизма, с которым мы так часто сталкиваемся, на самом деле является природой эрогенного мазохизма. Этот подлинно психоаналитический процесс, требующий от аналитика способности выносить многочисленные упреки в несправедливости, жертвой которой себя чувствует пациент, не давая ему при этом взамен никакого мазохистского удовлетворения, позволяет, где это возможно, достичь подлинного освобождения от того, что казалось навязанным исключительно судьбой и что, согласно интерпретации Фрейда, в конечном счете скрывает в себе родительские имаго. Здесь мы имеем дело с рядом определенных организаций характера. Последнее ценное замечание касается экономической проблемы мазохизма: удовлетворение, найденное в мазохизме Я, свергает и ресексуализирует Сверх-Я в инцестуозном ключе. Если некая высшая сила доставляет мне наслаждение, это уже не высшая сила.

Расщепление

Именно оно создает серьезную проблему на пути терапевтических амбиций. Подобно тому как архитекторы называют «нарушением целостности» разрыв непрерывности материалов, расщепление, как подчеркивает Андре Грин, устанавливая разделение – влечение к смерти – между расщепленными частями Я, также определяет тип отношений между ними. Разрыв может существовать только в некоей целостности. Но когда вытеснение возникает в результате контринвестирования, когда вытесненное подпитывает новые точки притяжения в процессе, породившем вытеснение, оно, таким образом, остается доступным для аналитической работы через *via dilevare* («путем убиения лишнего»).

Современные пациенты менее подвержены неврозам в результате общественных изменений в условиях образования – изменений, в которых психоанализ, возможно, сыграл свою роль... К сожалению, нельзя с уверенностью утверждать, что они стали свободнее, иногда они менее уверены в своей идентичности, иногда подвержены депрессии или пограничным состояниям. В таких случаях аналитик будет стремиться содействовать созданию психической конструкции, опирающейся в качестве идентификации на аналитическое Сверх-Я аналитика и возможной благодаря надежности его инвестирования без каких-либо ответных действий. Работа аналитика развивается в направлении нового вызова: вместо того чтобы смягчать и уменьшать слишком жестокое Сверх-Я, как мы можем поспособствовать его функциональному появлению?

Происходящие при этом расщепление и отрицание породят одну относительно недооцененную жертву – самоанализ (*Ribas, 2020*). Все аналитики не прочь видеть сны, и сновидения о пациенте больше не являются, как это было в прошлом, признаком недостаточного мастерства, который должен был заставить аналитика немедленно пересмотреть какую-то часть анализа! Напротив, это скорее признак хорошего психического здоровья с точки зрения возможности доступа к контрпереносу, основа которого является бессознательной. Все аналитики интерпретируют через инсайты, полученные благодаря истерической идентификации со своими пациентами, и, конечно, внимательны к ответным зеркальным эффектам, проливающим свет на них самих. Но никто уже не может быть уверен, что не использует отрицание, чтобы сохранить определенное равновесие или удержать психическую угрозу на расстоянии. И когда аналитик не справляется и может сказать себе и другим: «С пациентами все в порядке», в каких случаях он сохраняет способность объектно инвестировать свою работу, немного забывая о себе ради их блага, а в каких, напротив, он меняет направление аналитического поля, прося своих пациентов поддержать его и помочь ему игнорировать этот факт? В силу эдипальных, скрыто инцестуозных причин пациенты часто соглашаются. Иногда именно сновидение открывает пациенту несостоятельность аналитика. Та же проблема возникает по мере старения аналитика... (*Ribas, 2007*).

Таким образом, самоанализ расщепления невозможен. Изменения возможны только в отношениях с объектом, часто потому, что на первом этапе расщепление у аналитика может затянуться, и осознает он это уже в апреку. Это наполняет новым смыслом интерес, который может представлять аналитическая работа частями, особенно с разными аналитиками, с тем чтобы уменьшить эффект сговора и передачи слепых пятен, описанных Луиз де Уртубей (1994).

Связывание через мазохизм

Здесь важно прояснить одно недопонимание. Связывание влечений, являющееся хранителем жизни (*Rosenberg, 1991*), главным образом может достигаться через двувлеченческое инвестирование объекта и мазохизм, объектный садомазохизм или, во внутренней плоскости, эрогенный мазохизм.

Таким образом, нетрудно понять, что инвестирование своего психоаналитика сразу дает пациенту первую составляющую, поскольку, как говорил Жан Фавро, подбадривая пациентов, «анализ – это долго, дорого и трудно».

Этот мазохизм может быть необходим, и Дениз Брауншвейг (1971) подчеркивала его необходимость для осмысления реальности и совладания с ней в анализе.

Когда пациенты оказываются втянутыми в садомазохистские отношения или устанавливают их, мы видим, насколько они прочны и как трудно им освободиться от этих железных уз. Как мы можем утверждать, что психический прогресс и свобода находятся на стороне связывания влечений, а значит, и мазохизма, если он ведет к рабству, тем более если он затрагивает эрогенный уровень? Направлен ли тогда анализ на отчуждение в перверсии?

Нет, прежде всего, потому, что выявление потребности человека в отчуждении позволяет не удовлетворять эту потребность, не осознавая этого. Кроме того, слово «субъект», которое для многих аналитиков представляет собой идеал будущего пациента, является результатом перевертывания смысла выражения «подданный короля» (по фр. *sujet du roi* – дословно «субъект короля». – *Прим. пер.*), подчиненный, над которым король имел абсолютную власть жизни и смерти. И именно через освобождение, революцию... этот термин станет, напротив, критерием личной свободы. Заметим, что эта эволюция отчасти воспроизводит путь, ведущий от первоначального примитивного обладания архаическим материнским имаго к введению третьего и Эдипа для одних, к сепарации и депрессивной позиции для других.

Но прежде всего нет потому, что объектный садомазохизм сам подлежит анализу в его защитной позиции отрицания инаковости. Конечно, страдающая истерией и депрессией женщина будет полностью принимать своего первертного партнера, но при одном условии: она должна быть единственной, кто это делает, и она должна быть для него совершенно незаменимой. А значит, обладать им в той же степени, что и он ею. Мазохист

приковывает себя к любовнице на том же условии исключительности. И даже если ненависть усиливает любовь, защищая от безразличия, и даже если она более цепка, ничто не защитит от того, что раз другой человек является другим, он может передумать, умереть или уйти.

Какие существуют противопоказания для разговорной терапии, учитывая, что можно «умереть от слова», как напоминает нам Рашель Розенблюм (2000, 2019)?

Крупные травмы, о тяжести которых, в том числе и для последующих поколений, нам поведал холокост, по-прежнему происходят. Это еще раз показали недавние теракты в Париже, по всему миру продолжают вспыхивать войны, иногда сопровождающиеся геноцидом.

Недавняя публикация книги Рашель Розенблюм, ставшая продолжением ее статьи 2000 года и распространяющая затронутую в ней проблематику на самоубийства писателей, ставших свидетелями холокоста, убедительно демонстрирует важность вопросов жизни и смерти в выживании после тяжелых травм и поднимает вопрос об ответственности аналитика, если тот предлагает классический психоанализ, лежа на кушетке, или даже соглашается слушать пациента лицом к лицу. С одной стороны, какое право мы имеем лишать пациента, который просит нас его выслушать, его воли не только выжить, но и жить дальше? С другой стороны, осознание того, что анализ может ослабить и разрушить защитные механизмы расщепления, подвергая риску психическое или физическое здоровье пациента или даже его жизнь, представляет собой настоящую этическую проблему. Работа Рашель Розенблюм способна поставить под сомнение винникоттовское убеждение применительно к ранней травме о том, что «страх распада», который способен разрушить строящееся Я, необоснован в случае взрослого Я¹.

Я отметил, что психосоматики показали нам опасность укладывания на кушетку пациента, находящегося в процессе дезорганизации. Иногда они это делали довольно жестко, как, например, Пьер Марти, спросивший меня: «Вы хотите ее убить?» (Ribas, 2018) в отношении близкого человека, которого я в юности направил к нему на анализ! Парадокс предупреждений наших коллег заключался в том, что нужно быть психосоматиком, чтобы понять, когда можно быть просто психоаналитиком. К счастью, они научили нас определять признаки нарушения психического функционирования: оператуарное мышление, недостаточная толщина предсознательного или исчезновение тревоги при эссенциальной депрессии.

¹ Я хотел бы поблагодарить Рашель Розенблюм за то, что она приняла мое приглашение и приняла участие в моем семинаре, ответив на вопросы по своей работе.

Что должно нас насторожить в случае пациентов, переживших тяжелую травму?

Прежде всего, давайте подумаем, какой подход представляется подходящим для работы с травмированными людьми. Предоставить пациенту, обычно наблюдаемому на более позднем этапе после травматического события, свободу говорить – что сложнее для окружающих – или не говорить – в отличие от активных техник, направленных на абреакцию. Ограничить выражение аффектов фиксированным временем сеансов с установленной повторяемостью. Таким образом способствовать работе с малыми количествами, которую я сравнил с локализатором взрыва, который используют саперы, подрывая заряд внутри него, с той разницей, что обращение к кадру все равно возлагает функцию контейнирования на психику аналитика.

Наша задача остается: как аналитическая работа может вернуть из изоляции, восстановить вытесненное так, чтобы мнестические следы не привели к немедленному замыканию психической работы, как в случае, когда травматические образы автоматически возникают в течение дня или кошмары повторяются каждую ночь? Мне кажется, что связывание влечений, достигаемое благодаря инвестированию аналитиком того, что переживает пациент, и его экономической поддержке – которая неизбежно задействует садизм и опирается на мазохизм – будет способствовать восстановлению психического пространства. Ева Вейл отмечает важнейшую роль инвестирования аналитика, называя его страстным инвестированием (2020).

Я предлагаю вслед за Рашель Розенблюм обратиться к работе Сидни Стюарта 1991 года «Травма и психическая реальность»². Стюарт отличался тем, что прошел через японский концлагерь во времена Второй мировой войны. В статье представлены три случая, Рашель Розенблюм берет первые два из них: случай доктора Эстер увенчался полным успехом, а случай Карла закончился психотической катастрофой.

Доктор Эстер

Доктор Эстер, известный исследователь, очень хотела пройти анализ именно с ним, с удовольствием узнав, «что во Франции есть психоаналитик, который не является ни французом, ни евреем и при этом является одним из немногих выживших в концлагере». Сама будучи депортированной и единственной выжившей в своей семье, едва не погибшей из-за того, что была еврейкой и атеисткой, она уточняет: «...Я думаю, что буду более свободна в этом предприятии с кем-то, кто не является евреем. Я также хочу, чтобы этот человек был двуязычным, потому что мне нравится переходить на английский и иногда использовать английские слова».

² Я хорошо запомнил этот удивительный по своей искренности текст, опубликованный в первом номере Французского журнала психоанализа (*Revue française de psychanalyse*), в котором я вместе с Жаном Бегуаном выступал в качестве соредатора: боль и психические страдания.

«Не французский» может указывать как на отдаление от семьи, так и на невинность соучастия в истреблении.

Она приходит, потому что неумолимо теряет память, она завалена маленькими блокнотами, при помощи которых она борется за то, чтобы не потерять то, что знает. Является ли этот яркий симптом, порождающий тревогу – признак жизни, – дезорганизацией или контринвестицией, расширение которой становится калечащим? Чрезмерная защита – одно из самых классических показаний к анализу.

Первые два года анализа показали, что у нее сохранились точные воспоминания об убийстве отца и дороге депортации вместе с матерью и сестрой, от ужаса и жестокости которых не удалось скрыться. Но что-то ускользает. Пациентка впадает в депрессию и не может больше работать, а вскоре «...убеждается, что ее выбор аналитика был катастрофически ужасным, худшим из всех, что она могла сделать». «Ее аналитик сам впал в депрессию и был склонен согласиться с ней в этом вопросе», – комментирует Стюарт.

В какой-то момент сновидение вернуло Стюарта к пережитому в лагере опыту: он стал безучастным свидетелем того, как его друг украл у умирающего драгоценную порцию еды – несколько зерен риса, кишаче-го личинками. Он помнит и стыд, и зависть, которую он испытывал по отношению к этой добавке еды, которую друг получил, вырвав из пальцев умирающего жестяную банку, а он наблюдал за этим.

После долгих колебаний Стюарт решил поделиться этими воспоминаниями со своей пациенткой: «Подобное отыгрывание всегда несет в себе некие элементы желания соблазнить пациента и может принести больше вреда, чем пользы. Тем не менее мой рассказ вызвал у Эстер взрыв воспоминаний, которые она до этого отчаянно пыталась заглушить. Ее страх перед воспоминаниями разрушал ее память». (1991, р. 961). Эта интервенция имела решающий эффект: пациентка «...смогла вспомнить, что она незаметно ускользнула со своего места в движущейся очереди, позволив сестре занять ее место, в результате чего сестра и мать бок о бок пошли к газовой камере, оставив ее позади живой. Это воспоминание наконец прорвало плотину и позволило вылиться всему, что она пыталась вытеснить» (р. 961–962). Работа, ставшая таким образом дозволенной, в основном была сосредоточена на горе, которое наконец стало возможным, и на ее упорном стремлении вернуться к своему детству. Автор поясняет, что «медленное восстановление внутри аналитического кадра вкупе с отношениями переноса/контрпереноса помогло ей реинтегрировать некоторые диссоциированные и измененные представления о самой себе» (р. 962).

Если плотину прорвало, то личность устояла и смогла восстановить себя – или построить – в аналитических отношениях.

Рашель Розенблюм подчеркивает, какую роль в этом успехе сыграло ференцианское измерение взаимного анализа и экономики обмена. Свидетельство коллеги, который присутствовал на конференции, которую Стюарт как-то проводил в провинции и которая была посвящена этой работе, подтверждает это. Рассказав о краже еды, он вынужден был

замолчать, переполненный эмоциями. Затем он добавил: «Это я украл еду».

Отметив неспособность Я поддерживать вытеснение перед лицом травмы и обращение к другим средствам защиты, которые раскрывают травму в форме повторения/компульсивного расстройств, автор переходит к случаю Карла.

Карл

«Карл – это тот, кого я никогда не должен был брать в анализ», – говорит нам Стюарт, который тем не менее не обнаружил никаких психотических следов во время первичных интервью и в начале анализа этого красивого, хорошо интегрированного молодого американца, который изменил свое имя и о чьем еврейском происхождении из Центральной Европы никто не подозревал. Он женился на своем идеале женщины – высокой, антисемитски настроенной немке. Она знает, что он был депортирован, но считает, что это произошло из-за политических взглядов его родителей. Освобожденный из лагерей в возрасте 15 лет, он последовал за своими освободителями в США, вступил в армию и стал американским гражданином.

Жена садистически мучила его, рассказывая о прошлых изменах, но это также возбуждало его. Она называла его «мой маленький еврейский мальчик», чтобы унижить его из-за обрезания, – он думал, что она уйдет от него, если узнает, что он действительно еврей. В результате появились приступы импотенции, а также страх оказаться гомосексуалистом.

Пациент сообщил об аллергии на рыбу: у него опухали губы и периодически возникала рвота. После пяти месяцев терапии появились жестокие кошмары об эпизодах в концлагере. После одного сновидения, в котором на него напала огромная рыба, пациент проснулся с распухшими губами, и аналитик, упрекая себя в этом в момент написания статьи, решил попытаться выяснить, что означает рыба в связи с аллергией³.

После некоторого молчания пациент начинает рыдать и возвращается к травматической сцене. Ему было 10 лет, он играл с карпом, которого мать держала живым в ванне, собираясь приготовить его на праздник, когда в квартиру ворвались нацисты. «Карл вспомнил крики матери, когда сам он вбежал в гостиную. Комната была залита кровью. Солдаты только что закололи штыком его отца и избивали мать. Его забрали солдаты, и он больше никогда не видел свою мать и сестру» (1991, р. 965).

В конце сеанса пациент кричал и бил кулаками по стенам, и его пришлось госпитализировать. Затем у него развился параноидальный бред. Его репатриировали в Соединенные Штаты, где он прошел долгий и болезненный курс восстановления и длительную госпитализацию. Стюарт пишет: «...быстрое воскрешение в памяти Карлом воспоминаний,

³ Являясь спутником жизни Джойс Макдугалл, Сидни Стюарт, возможно, как и она, занимал позицию, отличную от позиции Парижской школы, в отношении психосоматического симптома.

которые маленький мальчик в нем не мог вынести иначе, кроме как полностью эвакуировав из своей психики весь этот чрезвычайно травматичный опыт: единственным немедленным "решением»" в его противостоянии с этими воспоминаниями, похоже, было создание бредовой системы» (р. 966).

Обсуждение

Прежде всего, воспользовавшись искренностью автора, мы можем отметить радикальное расщепление Карла с его прошлым, детством и травмами. Поначалу кажется, что все следы устранены: имя, акцент, национальность и история службы в армии (ценой лжи о его юном возрасте, также внутренне отрицаемой) – все это превратило пациента в подлинного американского героя. В наших поисках критериев опасности аналитического лечения здесь мы имеем дело с очень четким таким критерием: такое полное расщепление может привести только к взрывному пересмотру, потому что он тотален.

Однако некоторые элементы отделены менее радикально, показывая, как мы отмечали ранее, что расщепление также является нарушением непрерывности целостности. Выбор антисемитской арийки неоднозначен: перешел ли он полностью на сторону врага, став немцем по доверенности, что является радикальным предательством и отождествлением с агрессором? Или, напротив, он взял реванш, соблазнив немку в качестве победителя? В обоих случаях прослеживается связь с травмой прошлого. Еще один элемент – сексуальное использование расщепления в его эротическом мазохизме с этой женщиной, которая унижает его, как маленького еврейского мальчика. Сексуальная связь, связывающий мазохизм, сопровождающийся фантазией об измене жены, которая вызывает в памяти первосцену. Прошлое не исчезло полностью и связано эротически, но следует подчеркнуть, что это происходит в логике перверсии, что означает еще одно обращение к расщеплению. Однако все это остается в области фантазма, а не агирования. Парадоксально, но именно в реальности – если верить пациенту – и в отношении к объекту разрыв с его прошлым должен быть полным: его жена никогда не должна узнать, что он еврей. Наконец, встает вопрос еще на одном уровне: аллергия на рыбу устанавливает психосоматическую связь с карпом. Ценой дementализации, которая откроет путь к психозу? Или, напротив, через симптом, который не является «глупым», как называют его психосоматики, но который вбирает в себя и инкапсулирует травму? Даже в случае Карла существовала психическая организация, связывающая расщепленное с субъектом несколькими способами. Как с помощью процессов, считающихся надежными – перверсии, мазохизма, так и с помощью более двусмысленной психосоматической связи – аллергии. Поэтому мы должны помнить, что, несмотря на эти связи с расщепленным, полное сознательное устранение прошлого должно являться противопоказанием к классическому лечению.

Рашель Розенблюм предполагает, что случай Карла демонстрирует несостоятельность модели Ференци: травма удваивается, а реальность отвергается. На первое место выходит кошмар, «гнетущее присутствие призрака, с этимологической точки зрения». Защитная тревога сменяется ужасом. Возвращаясь к толкованию сновидений (*Traumdeutung*), согласно которому в кошмаре «как правило, представлены наиболее сильно подавленные желания», нападение рыбы сталкивает Карла «с различными формами мести, которые мог вообразить брошенный ребенок (отцеубийство, убийство матери), и с мстью, которой он боится от тех, кого в свою очередь предал, отрекшись от своей личности и идентифицируя себя с особенно жестоким агрессором в ходе своих первертных игр» (2019, р. 71). Однако кажется, что позиция Карла была скорее мазохистской: вторичный мазохизм, недостаточно защищающий или несущий смертоносный аспект? Если так, то указаний на это не хватает.

Противопоказания к анализу

Один из случаев демонстрирует плодотворность ференцианской модели, другой – ее опасность. Как это часто бывает в психоанализе, решающим фактором оказывается экономическая интенсивность. Рашель Розенблюм также напоминает нам о предостережении Грина о том, что многочисленные травмы могут вступить в резонанс, если затронуть одну из них.

В заключение, и со всей скромностью, которой требуют от нас сложность клиники и уникальность индивидуальных судеб, мне кажется, что мы можем предварительно предложить четыре элемента, которые требуют осторожности в предписании аналитической терапии:

- прежде всего, интенсивность и степень расщепления, как в случае Карла, несмотря на все нюансы, которые нам удалось выявить. Вся его актуальная жизнь – жизнь американского героя-победителя – находилась на расщепленной стороне. В то время как доктор Эстер повесила над дверным звонком своей квартиры маленькую медную пластинку с выгравированным номером депортированного, который она также хранила на своей коже и показывала своему психоаналитику;

- отсутствие защитных механизмов контринвестирования или вытеснения, а также интенсивность и частота ночных кошмаров;

- отсутствие тревоги или ее диффузный характер, как в случае Карла, свидетельствующий о том, что Я было перегружено и оказалось не способно сдерживать предрасщепление (*Rosenberg, 1997*) сигнальной тревоги, или, напротив, массивная травматическая тревога, которая сама по себе была бы противопоказанием;

- из личного опыта, основанного на обнаружении тяжелых травм во время анализа, я бы добавил видимое исчезновение ненависти, сопровождаемое здравомыслящей человечностью и «добродушной» способностью к депрессии перед лицом разочарования – все вместе это обычно вызывает восхищение. В то время как доктор Эстер не хочет разговаривать с французами, Карл любит свою антисемитскую жену-немку и

боится потерять все, если его истинное расщепленное Я станет ей известно, при этом его декомпенсация имеет параноидальные аспекты.

Опыт показал мне, что расщепленная ненависть все же может быть реинтегрирована в негативный перенос, так чтобы психоанализ и два его главных протагониста при этом выжили.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Braunschweig D.* (1971). *Psychanalyse et réalité*. Rev Fr Psychanal 35(5-6): 655–800.
2. *Ferenczi S.* (1933/1982). *Confusion de langue entre les adultes et l'enfant: le langage de la tendresse et de la passion*. *Psychanalyse* 4: 125–138. Payot.
3. *Freud S.* (1915c/1988). *Pulsions et destins de pulsion*. OCF.P, XIII: 163–185. Paris, Puf.
4. *Freud S.* (1920g/1996). *Au-delà du principe de plaisir*. OCF.P, XV: 273–338. Paris, Puf.
5. *Freud S.* (1924c/1992). *Le problème économique du masochisme*. OCF.P, XVII: 9–23. Paris, Puf.
6. *Freud S.* (1940e [1938]/2010). *Le clivage du Moi dans le processus de défense*. OCF.P, XX: 219–224. Paris, Puf.
7. *Kahn L.* (2016). *Libération conditionnelle. La liberté en psychanalyse*. Paris, Puf.
8. *Meltzer D. et coll.* (1975/1980). *Explorations dans le monde de l'autisme*. Traduit par G. Haag, M. Haag, L. Iselin, A. Maufras du Chatellier, et G. Nagler. Paris, Payot.
9. *Pasche F.* (1956/1969). *Autour de quelques propositions freudiennes contestées. À partir de Freud: 79–94*. Paris Payot.
10. *Pasche F.* (1965/1969). *L'anti-narcissisme. À partir de Freud: 227–242*. Paris, Payot.
11. *Ribas D.* (1989/2017). *Pulsion de mort et temps*. Rev Fr Psychanal 53(2): 669–680. Repris dans: *Les déliaisons dangereuses: 61–66*. Paris, Puf.
12. *Ribas D.* (2007). *Quelle éthique pour l'analyste malade ?* Rev Fr Psychanal 71(4):1101–1109.
13. *Ribas D.* (2018). *Vous voulez la tuer?* Rev Fr Psychosom 54: 85–94.
14. *Ribas D.* (2020). *Enjeux actuels de la terminaison d'une cure analytique. De l'objet palliatif aux limites de l'autoanalyse*. Rev Fr Psychanal 94(3): 653–664.
15. *Rosenberg B.* (1991). *Masochisme mortifère et masochisme gardien de la vie*. Paris, Puf. Monographie de la Revue française de psychanalyse.
16. *Rosenberg B.* (1997/2014). *Le moi et son angoisse: entre pulsion de vie et pulsion de mort*. Paris, In Press.
17. *Rosenblum R.* (2000/2019). *Peut-on mourir de dire?: Sarah Kofman, Primo Levi*. Rev Fr Psychanal 64(1): 113–137. Repris dans *Peut-on mourir d'écrire? Shoah, traumas extrêmes et psychanalyse des survivants*. Paris, Puf.
18. *Rosenblum R.* (2019). *Peut-on mourir d'écrire? Shoah, traumas extrêmes et psychanalyse des survivants*. Paris, Puf.
19. *Roussillon R.* (1999). *Agonies, clivages et symbolisation*. Paris, Puf.

20. *Spielrein S.* (1912/1981). La destruction comme cause du devenir. Traduit par P. Rusch dans Sabina Spielrein, entre Freud et Jung. Paris, Aubier.
21. *Stewart S.* (1991/2009). Trauma et réalité psychique. Rev Fr Psychanal 55(4). Repris dans Mémoire de l'inhumain: du trauma à la créativité. Paris, Campagne Première.
22. *Szwec G.* (1993). Les procédés autocalmants par la recherche de l'excitation. Les galériens volontaires. Rev Fr Psychosom 4.
23. *Urtubey L. de* (1994). Le travail de contre-transfert. Rev Fr Psychanal. 58 (spécial congrès): 1271–1372.
24. *Weil E.* (2020). Lieux du traumatique, le génocide: le nouage collectif-individuel. Bulletin de la Société psychanalytique de Paris 1.
25. *Winnicott D. W.* (1975/2000). La crainte de l'effondrement. Nouvelle Revue de psychanalyse. Figures du vide. Gallimard. Repris dans La crainte de l'effondrement et autres situations cliniques. Paris, Gallimard.

Face au traumatisme, répétition, clivage et contre-indications de la cure type

Denys Ribas

Per. from French K. A. Barke, N. A. Krasavin

Denis Ribas, psychiatrist and psychoanalyst, titular member of the Paris Psychoanalytic Society, ex-president of the Paris Psychoanalytic Society.

Trauma led to the construction of the second topography of the drive theory that accompanied it, introducing the drive dualism between life drives and death drives. The death drive participates successfully in the cathexis of the object, thanks to anti-narcissism, to the change of the object of sublimation, and to mourning. Likewise, the compulsion to repeat gives a temporal basis to the mind, a primitive continuity of being to autistic stereotypy, and ensures the authenticity of the transference in classical analysis. The recourse to masochism, a factor that nonetheless favours fusion, is discussed. The repetition of the trauma, the unconscious sense of guilt and, above all, splitting, also become daunting impediments to the efficacy of psychoanalysis. Drawing on the work of Rachel Rosenblum on the vital danger of speaking about or writing about trauma, two clinical cases of Sydney Stewart are taken up in order to identify the factors that would counterindicate a classical analysis.

Keywords: trauma, death drive, compulsion to repeat, splitting, contraindications to psychoanalysis, catastrophe.

Отклик травматического: восстановление социальной связи в контрпереносе

К. А. Барке

Барке Ксения Андреевна – клинический психолог, магистр психологии (НИУ ВШЭ), аспирант МГППУ.

Различные теории травмы и трансгенерационной передачи травматического опыта позволили получить обширное количество ценных клинических знаний, что в конечном итоге привело к появлению ряда эмпирически обоснованных подходов к диагностике и лечению пациентов, переживших травму. Ограничения, наблюдаемые в этих подходах, побудили некоторых исследователей и клиницистов, ориентированных на работу с психической травмой, изучить роль не только симптомов и важности работы с ними, но и необходимость включить анализ психоаналитических отношений «пациент – психоаналитик» как ключевой элемент в психоаналитическом лечении. И речь идет не про школу объектных отношений, а про нахождение отклика бессознательного аффекта в психике другого. На наш взгляд, изучение переноса и контрпереноса является основой современной теории передачи психической травмы, хотя и в настоящее время исследования и клинические вмешательства, касающиеся психической травмы, в значительной степени оторваны от представлений современной теории контрпереноса и переноса в психоаналитической работе.

В данной статье предлагается расширенное понимание психоаналитических отношений «аналитик – пациент» с учетом исторического контекста. В статье также предпринимается попытка акцентировать внимание на необходимости рассматривать психоаналитическую работу с последствиями психической травмы с точки зрения диады «психоаналитик – пациент» и психоаналитических отношений и рассматривается значимость для работы с психической травмой (как индивидуальной, так и коллективной) анализа переноса и контрпереноса, возникающих в ходе психоаналитического лечения.

Ключевые слова: травма, перенос, аффект, исторические события, постпамять, трансгенерационная передача, бессознательное, травматическое.

Накопление открытий и научных данных в исследовании травмы позволяет окончательно определить объект исследования, а именно что психическая травма – широкий комплекс внутриспсихических, когнитивных, поведенческих, эмоциональных, социально-аффективных и экзистенциальных нарушений, взаимосвязанных и переплетенных между собой.

Все большее число психоаналитиков пытаются объяснить, как масштабные травмы, сталкивающиеся с психикой извне, вызывают состояние шока и нарушают отношения субъекта со временем, разрушая защитные барьеры. По мнению Андре Грина, эти ужасающие события могут заставить внутреннее психическое пространство и внешнее пространство событий взаимодействовать таким образом, что психический аппарат перестает «выполнять свою функцию контейнера» (*Green, 1999, p. 155*). Тогда мы видим то, что Клод Жанин называет «коллапсом» внутренней топологии, приводящим к потере чувства реальности и нормального хода событий (*Janin, 1996*). Сезар и Сара Ботелла (*Botella and Botella, 1988, p. 1466*) предложили модель, в которой «травма должна пониматься негативно: резкое и насильственное отсутствие топологии и динамики, которое разрушает первичный и вторичный процесс».

В последние годы другие авторы, например Винар (*Vinar, 2005*), подчеркивают связь между общественной сферой и личным пространством, с одной стороны, и семейными и историческими травмами, которые «сопротивляются» работе горя (*Volkan, 1972*) или остаются несимволизированными, и бессознательными психическими трудностями – с другой стороны. Каждый из этих авторов, а также Болебер (*Bohleber, 2007*) по-своему подчеркивают влияние истории на субъект и индивидуальную и бессознательную передачу коллективных травм. С другой стороны, это показали Леви (*Levy, 2010*) и Зальцман (*Zaltzman, 1998*), в чьих более поздних работах рассматривается вопрос о концентрационных лагерях и ужасах геноцида. Эти авторы утверждают, что психоаналитическое лечение должно включать в себя работу, которая учитывает уникальность человеческой психики и одновременно обращает внимание на то, что происходит исторически. Такая работа ведется как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, при этом не игнорируется даже то значение слов, когда речь приостановлена или замолчана. Айерман (*Айерман, 2016, с. 3*) в связи с этим в работе «Культурная травма и коллективная память» пишет: «...средства и способы репрезентации... стирают границу между отдельными людьми и ликвидируют разрыв между происшествием и воспоминанием о нем».

Как мы знаем, развитие психики невозможно без участия другого субъекта, так же как и развитие речи невозможно без Другого. Когда происходит травма, психическая или физическая, первая реакция на произошедшее часто выражается в сбивчивой речи либо во временной потере способности говорить или выговаривать слова. Когда происходит «взлом» психики, складываются новые, другие, специфические отношения с речью и языком. Травма, с одной стороны, как событие локализована во времени (во временном промежутке), с другой стороны, она процессуальна, так как продолжает оставлять свой след на будущих поколениях.

Травма является тем, что/кто диктует повествование истории, и биография и идентичность покоряются травме в ходе этой истории.

У травмы нет своего языка, потому что опыт травмы – невысказанный и невозможен к осмыслению, и тогда психика вынуждена использовать те средства, которые есть в ней самой, и перед нами встает задача распознать, увидеть язык, на котором «говорит» травма, и какие репрезентации травма использует, чтобы заявить о себе; найти способы, посредством которых травма ищет способы интерпретироваться, «уместиться» в психике посредством репрезентаций.

Долорес Эрреро и Соня Баэло-Аллуэ концептуализируют травму как «открытую и неразрешимую», утверждая, что мы никогда не должны думать о травме как о «стабильном и неподвижном понятии» (*Herrero, Baelo-Allue, 2011*).

Эрнст ван Альфен объясняет, что проблема травмы – это не природа события, не внутреннее ограничение представления; скорее это раскол между живым событием и доступными формами репрезентации, с которыми / в которых может происходить событие (*van Alphen, 1997*).

Именно благодаря Фрейду и Лакану мы понимаем, что у травмы нет своего собственного языка и субъект, переживший травму, вынужден использовать те речевые конструкции, которые есть у него в арсенале; но эти конструкции не позволяют и не способны в полной мере отразить травмирующий опыт. У травмы нет возможности быть вербализованной, и тогда за травму говорят вещи – например, фотографии, какие-либо артефакты. Когда человек рассказывает свой биографический нарратив, это предполагает преобразование болезненного содержания травмы в символ, в речь, и таким образом возникает перспектива преодоления влияния травмы на психику.

В психиатрической и психоаналитической литературе почти каждое диагностическое образование этиологически связывается с травмой. Последствия травматического опыта не всегда легко понять. Но травматический опыт очень часто повторяется субъектом для того, чтобы овладеть им. Эта рекапитуляция может привести не к абреакции и ассимиляции, а к фиксации травмы, в которой доминирует компульсия повторения.

Если же мы говорим про отрицание, то у жертв холокоста именно механизм отрицания позволил адаптироваться к чрезвычайно травмирующим условиям. Фрейд рассматривает отрицание как защиту, которая «позволяет системе, функционирующей по принципу удовольствия, отключиться от стимулов реальности» (*Freud, 1964*).

Фрейд помогает нам осознать различие между объективным историографическим фактом, который неизбежно подавляет множество перспектив, и личным опытом историчности, который разворачивается как множество перспектив. В своей поздней работе «Моисей и монотеизм» Фрейд, противопоставляя традицию и историю, подчеркивает это различие для понимания как индивида, так и сообщества (*Freud, 1964*). История, так называемое объективное повествование о прошлом в письменной форме, по мнению Фрейда, содержит «искажающие влияния» стремления конкретизировать прошлое и как таковое менее соответствует жизни, чем

традиция, в которой подавленные воспоминания переносятся в будущее и всплывают или исчезают из общественного сознания в изменчивом взаимодействии с прошлым, которое трансформируется с течением времени и сменами поколений.

Память и забывание всегда действуют в одном и том же жесте, направленном на ассимиляцию разрозненных смыслов и событий; прошлое и настоящее взаимно влияют друг на друга таким образом, что текущие события влияют на прошлое и определяют его, даже в потоке знаковости, который опирается на прошлый опыт, чтобы интегрировать текущие события в память.

По словам Кэти Карут, травма проявляется «в том, что сама ее неассимилированная природа – то есть то, что она не была известна в первый момент, – возвращается, чтобы преследовать выжившего впоследствии» (*Caruth, 1996, p. 4*). В связи с этим Бистоен, Ванхейле и Крэпс заявляют: «Травма может быть понята как неспособность "закрыть или завершить событие" и, таким образом, проявляется как повторяющийся вопрос, ожидающий завершения, способного вписать его в исторический нарратив субъекта» (*Bistoën, Vanheule, Craps, 2014, p. 678*).

Дженифер Гаммаж пишет о том, что травму нельзя просто принять, интерпретировать, аргументировать и убрать в архив; заявляя о себе, травма одновременно и бросает вызов, и требует свидетельства. Именно через сложные аналитические отношения **переноса** травма впервые обретает выражение и смысл и тем самым открывает новую историю, отрицаемую по меньшей мере дважды – сначала в начальном латентном периоде, а затем через симптоматические повторения, пытающиеся донести невообразимую трагедию до выражения и понимания в историческом контексте, который отрицает их, хотя бы для того, чтобы спасти свою собственную жизнь (*Gammage, 2016, p. 407*).

Давуан и Годийер ставят аналитику задачу привести травматическую историю к выражению и признанию: травма не происходит в социальном вакууме, и с ней нельзя столкнуться в одиночку (*Davoine, Gaudillière, 2004*). Работа Давуан и Годийера в книге «История вне травмы» крайне важна, поскольку она подчеркивает роль аналитика в свидетельствовании травматической памяти, которая дискурсивно запрещалась для вхождения в историю, и предлагает путь, по которому перенос может преодолеть герменевтический разрыв, оставшийся после травмы, признавая социальную природу травматической истории. Авторы утверждают, что мы не можем разделить травму и безумие, не потеряв при этом важный аспект травматического опыта – тот факт, что ужасным воспоминаниям, о которых свидетельствует травма, регулярно отказывают в месте в коллективной истории и они остаются в маргинальном пространстве безумия. Они пишут: «[Травматическое] безумие требует изменения собеседника, на которого оно обрушивается и которого оно заставляет падать вместе с его симптомами. Оно отправляется на поиски отголоска в этом невероятном другом того, что официальная история маргинализировала или тривиализировала» (*Davoine, Gaudillière, 2004, p. 11*). Вместо того чтобы рассматривать невроты как повторение эмоциональной разрядки, Давуан

и Годийер предлагают аналитику признать травматические повторения как «заикания своей истории», которые еще не нашли своего места в нормативных социальных дискурсах (*Davoine, Gaudillière, 2004, p. 164*). Однако этот процесс требует изменений не только от пациентов, но и от аналитиков, поскольку от них требуется пересмотреть свои собственные представления об истории, включив в них те ужасные события, о которых сообщают травматические воспоминания; таким образом, анализ становится свидетелем истории ужаса. Создавая общую историю через перенос, аналитик и пациент тем самым рожают новую историю, в которой травматическое прошлое может стать значимым и войти в герменевтический порядок интерпретативного дискурсивного поля.

Келли Оливер в книге «Свидетельствование: за гранью узнаваемости» напоминает нам: мы обязаны оставаться открытыми для свидетельства других, даже и, возможно, особенно когда мы не в состоянии понять их боль. Оливер также пишет, что в мире, где мы признаем, что «если реальность можно купить и продать, если отдельные люди или группы людей могут быть лишены права на саму реальность, мы обязаны реагировать на реальность или реальность опыта другого человека, несмотря на то, что мы можем не понимать его» (*Oliver, 2001, p. 107*). Оливер опирается на примеры институционального, исторического насилия, чтобы проиллюстрировать нормативную работу исторического забвения, которая отказывает в свидетельстве тем голосам, которые находятся на периферии истории. «Вместо того чтобы отрицать или забывать прошлое, – призывает она, – мы должны постоянно переосмысливать его», чтобы стать свидетелями других способов видения и страдания (*Oliver, 2001, p. 131*).

Благодаря размышлениям Гаммаж и Оливер мы понимаем, что фрейдовское описание латентности травматического опыта позволяет нам получить возможность осмыслить нашу ответственность перед пережившими травму в терминах совместного проекта по переписыванию прошлого через открытие новых социально-исторических нарративов – историй, которые, возможно, не являются нашими собственными, но которые тем не менее мы должны написать.

Здесь мы хотели бы показать идею Давуан о том, что «травма говорит только с травмой. И фрагменты вырезанной Истории могут быть выговорены лишь тогда, когда в самом аналитике будет активирована аналогичная область; в этот момент психоаналитик и может осуществить полный перенос, открыто придав такому столкновению форму слов». Языком, который выбрала для себя травма, является бессознательный аффект, передающийся от психики к психике и который не обусловлен исключительно семейным родством (*Барке, 2023*). Далее мы постараемся проиллюстрировать на примерах работ аналитиков с пациентами, которые чувствовали, как в переносе и контрпереносе происходит передача бессознательного аффекта, момент узнавания Другого, который был необходим для работы с последствием травмы. Это общее поле, которое Огден называл «аналитическим другим» и которое является чем-то большим, чем пара «психоаналитик – пациент» (*Ogden, 1994*).

Также Уолкердайн задается вопросом: что посылает аналитика или исследователя на определенный исторический путь? Она пишет: «Важно то, что история дает возможность выйти за рамки двухмерного мышления, в котором представлены сложные и разрушительные отношения... Для Давуана возможность символизировать событие позволяет мышлению стать трехмерным, вывести его с рискованной арены разрывов в двухмерном отношении к трехмерному пространству договора. Аналитик и пациент формируют альянс с историей – историей, которая охватывает пациента, так, что теперь пациент знает путь, с помощью которого можно осмыслить». Уолкердайн пишет: «То, что передается, передается через тела и, как мы пытались предположить, в аффектах, пожеланиях, желаниях, воспитании детей, гендерных и сексуальных практиках, способах и фантазиях о мужественности и женственности. Таким образом, то, что передается, оседает в культурных практиках» (Walkerdyne, 2013, p. 289).

Карут пишет о том, что травма – «это всегда история раны, которая кричит, обращается к нам в попытках рассказать о реальности или истине», и этот голос раны передается бессознательно через различные тексты (Caruth, 1996, p. 17). Вслушивание в эти тексты становится решающим в «пробуждении», о котором пишет Карут: пробуждение как то, что возобновит нормальное течение внутреннего времени и хода событий.

Моор утверждал, что травмированный субъект не может знать, что произошло травматическое событие, пока Другой не предоставит ему нарратив. Человек может знать свою историю только тогда, когда он рассказывает ее «внутреннему другому» (Moore, 2005, p. 56).

Далее мы попытаемся проиллюстрировать идею потребности в Другом, который откликнется и «даст голос» травме, двумя примерами работ известных психоаналитиков, которые описывают случаи работы с пациентами, делая акцент на психоаналитических отношениях и переносе и контрпереносе.

Психоаналитик Стюарт в своей статье под названием «Trauma et réalité psychique» описывает случай из практики с пациенткой, которая проходила у него анализ в течение нескольких лет, и этот случай он приводит в контексте демонстрации типов защитной адаптации к прошлому травматическому опыту. Стюарт, рассказывая о пациентке, пишет, что до первой их встречи в кабинете не был с ней знаком, но она была известным ученым и ее имя часто бывало в СМИ. Когда он впервые ее увидел, перед ним была миниатюрная женщина лет 45, больше похожая на практичную мать большего семейства, чем на известного ученого. Эта пациентка выразила свою твердую готовность начать свой личный анализ именно с ним. Стюарт был удивлен этим, так как не считал себя очень известным аналитиком, но позже пациентка рассказала, что она прочитала его статью, в которой он рассказывал о своих переживаниях в годы пребывания в концентрационном лагере (Stewart, 1991, p. 967).

«Мне было приятно узнать, что во Франции есть психоаналитик, который не француз и не еврей и который был одним из немногих выживших в концлагере», – сказала Эстер.

"Не еврей?" – переспросил я.

Эстер протянула левую руку, и я увидел номер, который был вытатуирован на ней во время ее собственного пребывания в концлагере (Stewart, 1991, p. 968)».

Через какое-то время пациентка сообщила истинную причину ее обращения к аналитику – она боялась потерять память. С каждым годом ее состояние ухудшалось, и она больше не могла работать и функционировать, не используя постоянно маленькие блокноты для записи, куда записывала детали, чтобы не забыть.

Стюарт пишет, что во время первых сеансов анализа он был пойман в ловушку ее отличной памятью на различные перемещения из одного лагеря в другой; на отчаянные попытки ее матери удержать трех членов семьи вместе; на детали ужасного страха, который грыз ее; о жестокости их мучителей и муках голода (Stewart, 1991, p. 969).

Вот что пишет Стюарт: *«Но в те первые два года анализа я пытался услышать не то, что помнила Эстер, а скорее те моменты, когда острота ее памяти, казалось, заслоняла другие, еще более болезненные воспоминания. Не то чтобы это были экранные воспоминания в том смысле, который придавал этому термину Фрейд, но я чувствовал, что сама их интенсивность заслоняет факты, которые слишком невыносимы, чтобы всплыть на поверхность, воспоминания, которые грозили в любой момент появиться и захлестнуть ее сознание» (Stewart, 1991, p. 971).*

Пациентка через некоторое время была убеждена, что ее выбор аналитика был катастрофическим, самым худшим из всех, что она могла сделать. Ее аналитик сам впал в депрессию и был склонен согласиться с ней в этом вопросе.

Стюарт пишет: *«Примерно в это время я проснулся однажды ночью от сна, в котором мне приснились фрагменты реального происшествия, случившегося во время моего собственного пребывания в концентрационных лагерях. Инцидент произошел следующим образом. Мы находились в Маньчжурии в середине зимы. В ту зиму сотни заключенных умерли от диареи и дизентерии. Мы были полузамерзшие и голодные. Я едва мог ходить, так как голова кружилась от голода. Однажды вечером нам выдали наш скудный паек: небольшую горсть теплого риса, кишашего личинками. Один мужчина, мой сосед, получил свой паек в старой ржавой жестяной коробке; затем он упал обратно на свою циновку, слишком слабый даже для того, чтобы есть. Другой человек, который был его лучшим другом, подполз к нему. Глаза умирающего были широко открыты. Он был еще в сознании. Его друг сел рядом с ним и стал ждать, когда он умрет. Через некоторое время он больше не мог ждать. Он наклонился, отцепил пальцы умирающего от жестяной коробки, проглотил крошечную порцию риса и уполз. Умирающий ни на секунду не отрывал глаз от лица своего друга. Многие из нас наблюдали за этой сценой без протеста. Мы были низведены до такого состояния. Нам было стыдно,*

и в то же время мы завидовали другому человеку за то, что он взял дополнительную порцию еды.

Я хотел бы показать, что бывают случаи, когда мы, психоаналитики, откладываем в сторону наши традиционные психоаналитические методы, потому что интуитивно чувствуем необъяснимую потребность пациента. По очевидным причинам контрпереноса я размышлял в течение нескольких дней о том, чтобы вбросить в поток анализа моего пациента историю, взятую из моего собственного опыта. Такое разыгрывание всегда содержит элементы желания соблазнить пациента и может принести больше вреда, чем пользы. Тем не менее мой рассказ вызвал у Эстер взрыв воспоминаний, которые она до этого отчаянно пыталась подавить. Ее страх перед воспоминаниями разрушал ее память.

В конце концов она смогла вспомнить, что тайком ускользнула со своего места в движущейся очереди, поставив сестру на свое место, так что ее сестра и мать бок о бок или в газовую камеру, оставив ее в живых. Это воспоминание наконец прорвало плотину и позволило всему, что она пыталась подавить, вырваться наружу.

Трудности выживания в лагере не оставили места и времени для траура. Как правило, человек проходит через траур, восстанавливая, укрепляя, трансформируя смысл отношений с потерянным человеком или людьми, а не отказываясь от них. **Травматическое состояние не позволяло ни размышлять, ни вербализировать.**

В процессе траура, который происходил сейчас, Эстер пыталась найти свое детство в нашей психоаналитической работе. Медленная реконструкция в аналитических рамках, вместе с отношениями переноса/контрпереноса, помогла ей реинтегрировать некоторые диссоциированные и измененные представления о себе» (Stewart, 1991, p. 974).

Здесь мы видим, как аналитик бессознательно чувствует потребность в слышащем «переводчике», в котором нуждается пациент, и видим, как пациент находит такого аналитика, который был бы способен активировать в себе ту часть, о которой пишет Давуан, часть, знающую, что такое травма; часть, способную разобрать «слова» травмы.

Схожую работу с переносом и контрпереносом описывает Давуан: она описывает случай с пациенткой, в ходе работы с которой благодаря анализу переноса пациентки и контрпереноса аналитика удалось осознать историческую правду семейной истории, которая до этого момента замалчивалась и скрывалась семьей пациентки. Благодаря анализу аналитических отношений устанавливается новая связь, социальная связь, создающая возможность для совместного исследования аналитиком и пациентом того, что замалчивалось, не проговаривалось и из-за чего была разорвана эта связь.

Используя теорию двойника, взятую из работы Арто (Artaud, 1958), Давуан утверждает, что некий аспект ее самой становится двойником, двойником, который резонирует с историей пациентки. Самой Давуан это позволило стать ближе к пациентке, а историческая правда была разограна здесь и сейчас во взаимодействии двух разумов. Следовательно,

личная/историческая травма должна была быть пережита в переносе, прежде чем ее можно было вспомнить (*Winnicott, 1974*). Или, как сказал Арто, иногда сценарий должен быть исполнен, прежде чем текст станет известен. Уолкердайн, психоаналитик и последовательница Давуан, пишет: «Если в нашем анализе что-то и есть, то прошлое находится в настоящем и не может быть проработано до тех пор, пока вновь не будет создана социальная связь и не перезапущено время» (*Walkerdine, 2013, p. 280*). Более подробное описание данного случая можно найти в работе Давуан (*Davoine, 2007*) под названием «The character of madness in the talking cure», здесь же мы выделили ключевые моменты для нашего исследования.

Бесспорно, мы имеем очень мало материала о данном случае, о контрпереносе психоаналитика, о нюансах работы и многом другом. И мы можем увидеть, что данная историческая призма переноса и контрпереноса только начинает входить в поле исследования психоаналитиков. Но мы имеем яркий пример, яркий случай – фрагмент, описанный психоаналитиком в контексте его работы с человеком, имеющим травматический опыт и выжившим в концлагере. И именно эта пациентка, Эстер, как мы видим в описании случая, искала того, кто, как она чувствовала, может ее услышать. Она искала того Другого, кто мог бы откликнуться на ее аффект. Стюарт пишет о том, что он интуитивно чувствовал необъяснимую потребность Эстер, потребность в том, чтобы Другой услышал.

Эти размышления заставляют вернуться к работе Давуан и Годийера. В своей статье «История по ту сторону травмы», посвященной передаче психической травмы, они пишут: «...мы понимали, что терапевтический процесс – с точки зрения переноса – ставит под вопрос нейтральность психоаналитика во время особых сеансов. Психоаналитический опыт продемонстрировал нам, что травма говорит только с травмой, и фрагменты вырезанной истории могут быть выговорены лишь тогда, когда в самом анализе будет активирована аналогичная область; в этот момент психоаналитик и может осуществить полный перенос, открыто придав такому столкновению форму слов» (*Ушакин, 2000, с. 134*).

Мы предполагаем, в описанной работе Давуан и Стюарта нам встречается именно это – именно это «требование» отклика от Другого, и лишь благодаря возникновению этого отклика от психоаналитика происходит возобновление течения времени, то, о чем пишет Давуан: «...травма всегда останавливает бег времени, и суть анализа состоит в том, чтобы возобновить его течение» (*Davoine, 2007*).

Сон или воспоминание, описанное Стюартом и рассказанное пациентке, является «продуктом» этого отклика, является продуктом бессознательного Эхо-аффекта (*Барке, 2023*). Мы можем также назвать этот сон-воспоминание, приснившийся аналитику, ревери Биона (*Bion, 1970*) – процесс, трансформирующий сырые ощущения младенца в переносимые чувства, которые можно интроецировать, то есть то, что рождается в психоаналитике при встрече с пациентом.

Далее, мне хотелось бы вспомнить еще раз работу Уолкердайн, в которой она с коллегами пишет: «...очень важно понять, что это относится к

событию, находящемуся в истории, и работа – перенести эту историю в настоящее, поняв, как она присутствует в "здесь и сейчас" аналитической сессии» (*Walkerline*, 2013, p. 288). Здесь мы можем размышлять о том, что семейную историю мы не можем рассматривать в отрыве от Большой истории, от исторического опыта, в котором была «рождена» эта семейная история. И тогда задача, стоящая перед аналитиком, заключается также и в том, чтобы работать с тем, что воплощается пациентом «здесь и сейчас», на психоаналитической сессии, и попытаться понять, что может быть передаваемым событием, которое сейчас на сессии воплощает пациент. На наш взгляд, мы можем размышлять не только о трансгенерационной передаче травмы через поколения, но и размышлять также о том, как травматическое в психике пациента ищет «схожее» в Другом; схожее, которое способно помочь расшифровать тот самый «язык» травмы, о котором мы писали выше. И работа психоаналитиков Давуан и Стюарт – яркий тому пример. Именно этот Другой необходим, чтобы дать голос тому, что ранее не имело голоса. Как будто Эхо бессознательного аффекта передается Другому в обход символического, оно в поисках того, кто «переведет» язык травмы. Именно благодаря анализу психоаналитических отношений, переноса и контрпереноса, психоаналитическая работа позволила пациентам в тех примерах, которые мы рассмотрели в этой статье, восстановить разорванную социальную связь, воссоздать внутреннюю логику истории и заново запустить время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айерман Р.* Культурная травма и коллективная память / Пер. с англ. Н. Поселягина // Новое литературное обозрение. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/ (дата обращения 25.06.2023)
2. *Андерсон Р.* Клинические лекции по Кляйн и Биону / Пер. с англ. Л. В. Топоровой. М.: Когито-Центр, 2012.
3. *Барке К. А.* Эхо бессознательного аффекта: передача психической травмы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2023. № 02. С. 32–38. (Серия «Познание»).
4. *Ушакин С., Трубина Е.* Травма: пункты: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
5. *Alphen van E.* (1997) *Caught by History. Holocaust Effects in Contemporary Art, Literature and Theory.* Stanford University Press.
6. *Artaud A.* (1958) *The Theater and Its Double.* New York: Grove Press.
7. *Bion W.* (1970) *Attention and Interpretation.* London: Tavistock Publications.
8. *Bistoën G., Vanheule S., Craps S.* (2014) “Nachträglichkeit: A Freudian Perspective on Delayed Traumatic Reactions. *Theory and Psychology* 24 (5). 668–87.
9. *Bohleber W.* (2007) *Remémoration, traumatisme et mémoire collective: Le combat pour la remémoration en psychanalyse.* *Revue française de psychanalyse* 71. 803–830.

10. *Botella C., Botella S.* (1988) Trauma et topique: Aspects techniques de l'abord du trauma en séance. *Revue française de psychanalyse* 52: 1461–1477.
11. *Caruth C.* (1996) *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History.* Johns Hopkins University Press.
12. *Davoine F., Gaudillière J-M.* (2004) *History Beyond Trauma.* New York: Other Press.
13. *Davoine F.* (2007) The character of madness in the talking cure. *Psychoanalytic Dialogues*, 17(5), 627–638.
14. *Felman S.* (1992) *Testimony: Crisis of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History.* New York, 224.
15. *Freud S.* (1964) Moses and Monotheism. In *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XXIII (1937–1939).* London: Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis.
16. *Gammage J. O.* (2016) Trauma and Historical Witnessing: Hope for Malabou's New Wounded. *Journal of Speculative Philosophy* 30 (3), 404–413.
17. *Green A.* (1999) *The Work of the Negative.* London: Free Association
18. *Herrero D., Baelo-Allué S., eds.* (2011) *Between the Urge to Know and the Need to Deny: Trauma and Ethics in Contemporary British and American Literature.* Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 413.
19. *Janin C.* (1996) *Figures et destins du traumatisme.* Paris: PUF.
20. *Lacan J.* (1973) *Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse.* Paris: Seuil.
21. *Levy G.* (2010) *L'ivresse du pire.* Paris: Campagne Première.
22. *Moore R.* (2005) Traumatic Shutdown of Narrative and Symbolization. *Contemporary Psychoanalysis* 41, 26–307.
23. *Ogden T.* (1994) The analytic third: working with intersubjective clinical facts. *Int J Psychoanal.* №75. P. 3–19.
24. *Oliver K.* (2001) *Witnessing: Beyond Recognition.* Minneapolis: University of Minnesota Press.
25. *Stewart S.* (1991) Trauma et réalité psychique. La douleur et la souffrance psychiques. *Revue française de psychanalyse.* Vol. 55. № 3 P. 957–978.
26. *Vinar M.N.* (2005) The specificity of torture as trauma: The human wilderness when words fail. *International Journal of Psychoanalysis*, 311–333.
27. *Volkan D.* (1972) The linking objects of pathological mourners. *Archives of General Psychiatry*, 215–221.
28. *Walkerline V., Olsvold A. & Rudberg M.* (2013) Researching Embodiment and Intergenerational Trauma using the work of Davoine and Gaudilliere: History walked in the door. *Subjectivity* 6, 272–297.
29. *Winnicott D. W.* (1974) Fear of breakdown. *International Review of Psychoanalysis* 1. 103–107.
30. *Zaltzman N.* (1998) *De la guérison psychanalytique.* Paris: PUF.

Responding to trauma: restoring social connection in countertransference

K. A. Barke

Barke Ksenia A., clinical psychologist, Master of Psychology (National Research University Higher School of Economics), postgraduate student of Moscow State University of Psychology & Education.

Various theories of trauma and transgenerational transmission of traumatic experiences have provided a wealth of valuable clinical insights, ultimately leading to a number of empirically grounded approaches to the diagnosis and treatment of patients who have experienced trauma. The limitations observed in these approaches have led some trauma-oriented researchers and clinicians to explore the role of not only symptoms, and the importance of working with them, but also the need to include an analysis of the psychoanalytic patient-psychoanalyst relationship as a key element in psychoanalytic treatment. And it is not about the school of object relations, but about finding the response of unconscious affect in the psyche of the other. In our view, the study of transference and countertransference is the foundation of contemporary theory of psychic trauma transmission, although even at present research and clinical interventions dealing with psychic trauma are largely disconnected from the insights of contemporary countertransference and transference theory in psychoanalytic work.

This article proposes an expanded understanding of the psychoanalytic analyst-patient relationship, taking into account the historical context. The article also attempts to emphasize the need to view psychoanalytic work with the effects of psychic trauma from the perspective of the psychoanalyst-patient dyad and the psychoanalytic relationship, and considers their relevance to work with psychic trauma (both individual and collective) by analyzing the transference and countertransference that arise in psychoanalytic treatment.

Keywords: trauma, transference, affect, historical events, post-memory, transgenerational transmission, unconscious, traumatic.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Любовь в психоанализе

А. Ш. Саева

Саева Альбина Шамиловна – магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), психоаналитически ориентированный специалист, бизнес-консультант.

Каждый человек имеет свое субъективное представление о любви, оно может зависеть от гендера и возрастной группы, претерпевать качественные изменения во временном континууме. Однако характеристика представления о любви у индивида не может гарантировать ее наличие в жизни, так как способность к любви, а тем более способность к зрелой любви не являются данностью и зависят от качества взаимоотношений с первичными объектами. Представление о любви и поиск объекта любви основаны на бессознательном выборе, базирующемся на инфантильных переживаниях субъекта. Отношение первичных объектов к ребенку пробуждает в нем сексуальные влечения и дает базу для дальнейшего развития. Фрустрирующий инфантильный опыт взаимодействия с первичными объектами может стать причиной неудовлетворительных любовных отношений во взрослом возрасте. Знание аспектов любовной жизни индивида и взаимоотношений в паре может помочь определить бессознательные конфликты (страх зависимости, вина, зависть, отрицание идеализации и т. д.), стоящие на пути к удовлетворительным, зрелым любовным отношениям. Психоаналитически ориентированная работа может помочь сформировать и развить способность к любви и качественно углубить любовные отношения индивида.

Ключевые слова: любовь в психоанализе, первичный объект, другой, представление о любви, способность к любви, зрелая любовь, эдипальный конфликт, доверие, уважение, принятие, забота.

*«Не быть любимым – это всего лишь неудача,
не любить – вот несчастье».*

А. Камю

«Фрейд утверждал, что конечной целью психотерапии является способность любить и работать» (Мак-Вильямс, 2015b, с. 50). Запросы на тему личной жизни и любви – одни из самых распространенных, наряду с профессиональным самоопределением и поиском идентичности. Порой за проблемами и конфликтами в профессиональной жизни стоят другие, не менее актуальные конфликты, связанные с любовной жизнью индивида и вызывающие множество противоречивых эмоций. Глубокое понимание механизмов бессознательных конфликтов и стремлений в любовной жизни является необходимым условием для любой психоаналитической работы.

В рамках данной работы были изучены теоретические концепции о любви многих авторов, включая А. Грина, К. Смаджу, Д. Винникотта, Н. Мак-Вильямс, Э. Перель, В. Тэхкэ, Ш. Ференци, Д. Э. Шарффа, но автор глубоко сфокусировалась на теоретических концепциях З. Фрейда, Э. Фромма и О. Кернберга, чтобы показать эволюцию психоаналитических представлений сквозь столетие через авторов, чьи работы стали ключевыми для практиков начала века, середины и на рубеже веков.

Любовь, возможно, является самой загадочной и притягательной из всех наших эмоций. И наша потребность выразить ее, описать и понять наложила отпечаток на поэзию, драму и литературу во всем мире. Однако только благодаря работам Фрейда любовь стала предметом постоянного научного исследования (Perlman, 1999).

З. Фрейд (1886–1939) фокусируется на телесности, телесном опыте и переживаниях, на любви, которая сопровождается прикосновением, проникновением, реализацией желаний. Однако в целом он довольно мало говорит о самой любви (Фрейд, 2017). Тогда какой же была и существует ли теория Фрейда о любви?

Для того чтобы любить, нужны три составляющие:

- 1) тело;
- 2) наличие значимых других;
- 3) возможность инвестировать свое либидо в объекты.

Именно на этих трех китах базируется психоаналитическая концепция любви (Фрейд, 2019b).

Благодаря телу у желания есть пространство для его обитания. По Фрейду, удовольствие – это мгновение совпадения психического и биологического, момент удовлетворения потребности. Фрейд полагал, что мы любим телом. Однако органы любви не имеют точных границ, более того, они имеют дополнительные символическое и метафизическое измерения. То же самое справедливо и для детей – акт сосания имеет целью удовлетворение физической потребности. Ребенок постепенно учится понимать свое тело, оно открывается как источник множества ощущений, которые порождают влечение к жизни или влечение к смерти.

Любовь – «это бесконечное лавирование, преодоление рассогласований, поиск совпадений, нахождение более широких условий, которые могут объединить жизнь тела и отношения людей, включить пассивные, мифологические фигуры раннего детства в реальное сообщество людей, которому принадлежит субъект. И в этом смысле отношения

любви – это школа совместного бытия и основной путь становления субъекта» (Фрейд, 2019b, с. 13).

После оральной и прегениальной стадий в ходе пубертатных процессов устанавливается примат генитальности, а в психике происходит нахождение объекта. Подготовка к данному процессу шла с раннего детского возраста. Нахождение объекта идет двумя путями:

- 1) опора на ранние инфантильные образы;
- 2) нарциссический, когда человек ищет и находит себя в другом.

После отделения сексуальной деятельности от процессов питания начинается подготовка к выбору объекта, чтобы вновь обрести утраченное блаженство. Латентный период характеризуется тем, что ребенок учится любить других людей. Людей, которые о нем заботятся, удовлетворяют его потребности. Образцом любви для ребенка выступает его младенческое отношение к матери или материнскому объекту. Тот, кто заботится о ребенке, – это источник нескончаемого наслаждения, сексуального возбуждения, удовлетворения. Нежное отношение матери к ребенку пробуждает у ребенка сексуальное влечение и готовит условия для его дальнейшего развития. Мать своим отношением к ребенку учит его любить, что позволит ему вырасти полноценным человеком, способным удовлетворять свои влечения.

Человек выбирает сексуальный объект дважды, а запрет на инцест разделяет одну ситуацию выбора от другой. Окончательный объект сексуального влечения никогда не может быть изначально выбранным объектом, таким образом являясь всегда всего лишь суррогатом первичного выбора. Изначальный сексуальный объект, который представлен родительской фигурой или фигурой, его замещающей, вытесняется и заменяется чередой объектов-суррогатов, однако они всегда остаются сами по себе недостаточными, так как являются суррогатом. Фрейд полагал, что нормальные отношения любви всегда имеют в основе бессознательный поиск человеком эдипова объекта и желание идеализировать этот объект любви.

Фенихель, основываясь на трудах Фрейда, писал, что удовлетворительная и бесконфликтная сексуальная жизнь во взрослом возрасте требует, чтобы мальчики и девочки справились с инцестуозным подтекстом, порожденным инфантильными влечениями к родителю противоположного пола (Fenichel, 2006).

Одним из условий возможности любви является возможность инвестировать свое либидо в объекты. Либидо – сила количественно и качественно непостоянная, которой можно измерить процессы и изменения в сфере сексуального возбуждения (Фрейд, 2017). Энергия либидо отграничивается от остальных видов психической энергии. Источником сексуального возбуждения являются все органы, не только половые. Фрейд вводит понятие Я-либидо – количество представленного в психике либидо. Я-либидо должно найти себе применение и стать объектным либидо, когда обращается к сексуальным объектам. Когда объектное либидо возвращается в сферу Я, оно вновь становится Я-либидо. Я-либидо является нарциссическим и представляется неким большим резервуаром, из которого вытекают, а затем возвращаются стремления к объекту. Нарциссическое

Я-либидо является первоначальным, оно формируется и реализуется в раннем детстве и концентрируется на собственном Я, впоследствии часть его переносится на объекты и в более зрелом возрасте уходит в тень, таким образом уступая место другим проявлениям либидо, но никуда не уходит само по себе. Использование Я-либидо обедняет объектное и наоборот. Высшим развитием объектного либидо является состояние влюбленности, которое способствует отказу от собственной личности в угоду привязанности к объекту. В состоянии нарциссизма энергии слиты во едино, и только после привязанности к объектам становится возможным отделить сексуальную энергию-либидо от влечений Я.

Э. Фромм (1900–1980) – один из основателей неофрейдизма – был первым, кто предложил рассматривать любовь как искусство, требующее усилий и знаний для ее осуществления и проявления. Фромм считал, что для большинства людей любовь заключается именно в том, чтобы быть любимым. Все хотят ее получить. Женщины – посредством своей внешности, привлекательности и сексуальности, мужчины – посредством внешних достижений, финансовых успехов. Таким образом, люди ждут, что их кто-то сможет полюбить.

Одной из ошибок любви Фромм считает смешение понятий влюбленности и постоянной любви: «впадать в любовь» – to fall in love и пребывать в любви – to be in love. Влюбленность ошибочно принимается за любовь. Близость, момент слияния и единения, сексуальное влечение – все интенсивные чувства, сопровождающие данный процесс, недолговечны. Интенсивные чувства из-за увлечения друг другом принимаются за доказательство любви (Фромм, 2020).

По Фромму, любовь – это искусство прежде всего, такое же искусство, как и сама жизнь. Если человек хочет научиться любить, то он должен изучать это искусство так же, как если бы он изучал музыку, живопись, медицину. Для этих целей понадобится приложить усилия для усвоения теории и практики, но чтобы стать мастером данного дела, необходимо посвятить себя делу полностью.

И любить – это прежде всего давать, а не брать. Отдавать же в созидательном ключе – «в высшей степени проявлять свою состоятельность» (Фромм, 2020, с. 45). Это проявление силы, богатства, власти и радости. Отдавая, мы испытываем больше радости, чем получая, потому что отдавать – подтверждать факт, что ты жив. Ярким примером того может послужить половой акт, когда мужчина отдает свое семя, и этого не могло бы произойти, если бы мужчина не обладал потенцией и не был бы жив. При этом женщина отдает не только при акте любви, но и в качестве матери, отдающей свое тело плоду, который в ней растет, отдает свое молоко появившемуся на свет младенцу. Все эти примеры подтверждают, что человек жив, в нем есть достаточно либидинозных сил для того, чтобы отдавать. Не отдавать было бы страданием. Отдавая и делаясь своими чувствами и эмоциями, интересами, знаниями, мировоззрением, радостью и печалью – различными проявлениями своей жизни, человек получает обострение ощущения, что он жив. Возможность отдавать приносит радость и рождает отклик в другом человеке.

О. Кернберг (1928-н.в.) вносит большой вклад в изучение любви и отсылает нас к понятию зрелая (сексуальная) любовь. Зрелая любовь подразумевает отношения с объектом любви, где есть эротическое желание, где «бессознательная активация отношений из прошлого опыта и сознательные ожидания относительно будущей жизни пары сочетаются с формированием совместного Эго-идеала. Зрелая сексуальная любовь подразумевает некие соглашения и обязательства в области секса, эмоций, ценностей» (Кернберг, 2018, с. 42).

Сексуальный объект – это всегда запретный эдипов объект, а сексуальный акт – это символическое повторение первосцены. Зрелая сексуальная любовь включает в себя амбивалентность интимных отношений с объектом: любовь, нежность, полиморфные перверсии, садомазохизм – бессознательные и сознательные эротические фантазии и желания.

Самые интенсивные переживания человек испытывает при крушении границ между Я и другим. Одна из ситуаций крушения границ – ситуация любви. Чувство любви и слияния с другим делает возможным преодоление ограничения Я и открытия другого.

Зрелая сексуальная любовь характеризуется наличием следующих аспектов:

- 1) сексуальное возбуждение, направленное на другого человека;
- 2) нежность, преобладание любви над агрессией; терпимость к амбивалентности;
- 3) генитальная идентификация с другим (интересы, желания, чувства и даже недостатки партнера важны как свои собственные), принятие половой идентичности партнера;
- 4) зрелая идеализация партнера и наличие обязательств;
- 5) страсть.

Задаваясь извечным вопросом «чего хотят женщины и мужчины?», Кернберг отвечает следующим образом: мужчины хотят женщину в ролях матери, маленькой девочки, сестры-близнеца и как взрослую сексуальную женщину. Ожидания женщин немного отличаются, так как в жизни женщин присутствует ранний сдвиг от первичного объекта, что обуславливает желание женщины видеть мужчину в роли не только отца, но и матери, также маленького мальчика, брата-близнеца и взрослого сексуального мужчины.

Понимание любви как субъективного переживания, которое связано с другим человеком, в психоанализе традиционно рассматривалось очень обобщенно и охватывало все формы либидинальной привязанности, вне зависимости от возраста и зрелости субъекта. Лишь позднее стали доступны работы, исследующие именно способность к любви, которая требует определенного эволюционного развития индивида (Тэхкэ, 2021).

Кернберг выделяет следующие аспекты, характеризующие способность к любви:

- 1) влюбленность;
- 2) заинтересованность в жизненном проекте другого;
- 3) базовое доверие;
- 4) способность к искреннему прощению;

- 5) смирение и благодарность;
- 6) общий Эго-идеал как общий проект жизни;
- 7) зрелая зависимость;
- 8) постоянство сексуальной страсти;
- 9) принятие утрат, ревность и защита границ;
- 10) способность к гореванию.

Далее мы рассмотрим ограничения, психологические трудности, стоящие на пути к зрелой сексуальной любви.

Способность влюбиться есть неотъемлемое требование для построения пары и любовных взаимоотношений внутри нее. Для развития значимых объектных отношений нужна способность к идеализации, соединения эротического желания и нежности, способность выдерживать амбивалентность. В состоянии влюбленности мы идеализируем человека, очаровываемся его личностными, физическими и сексуальными качествами, проявляем глубокую заинтересованность к жизни человека, к его ценностям, стремимся к эмоциональной и сексуальной близости, испытываем страстные переживания.

Со временем идеализация, присущая периоду влюбленности, делает шаг в сторону осознания и принятия недостатков партнера, когда могут быть приняты как хорошие, так и плохие аспекты взаимоотношений. Появляется чувство благодарности за полученную любовь вследствие накопления удовлетворяющих переживаний в сексуальной и эмоциональной жизни, в системе ценностей. Это способствует чувству собственной важности, эмоционального и физического благополучия, что трансформирует влюбленность в стабильные любовные отношения.

Но не для всех способность влюбиться является свободной возможностью. Для пациентов с патологиями структуры личности данная способность является психологическим достижением. Нарциссические пациенты склонны к «анализу рынка», «поиску за и против» (*Кернберг, 2021, с. 320*) характеристик потенциального партнера. Недостаточная способность влюбиться – характерная черта нарциссической личности. Невротические пациенты или пациенты с легкой патологией могут развить способность к длительным и стабильным любовным отношениям при разрешении бессознательных конфликтов, в основном эдипальных.

Влюбленность включает в себе и элемент горевания, она связана со взрослением человека, с уходом детства. Это процесс сепарации, подтверждение хороших интернализированных объектов; человек понимает, что может получать и давать любовь, а также испытывать сексуальное удовлетворение, что не было доступно в детстве из-за конфликта между любовью и сексом. Все это позволяет человеку трансформировать влюбленность в длительные и стабильные любовные отношения, где нежность, забота, эмпатия, идеализация, чувство ответственности в отношении объекта любви соединяются с идентификацией с этим объектом.

Любопытство к жизни партнера, заинтересованность в его переживаниях, личной жизненной истории, ценностях, стремлениях – это все бесконечный источник обогащения и развития своего собственного опыта. Этот аспект способности любви требует времени для своей реализации.

Интерес к жизни, эмоциям, планам человека, которого любишь, углубляет любовь и рождает чувство благодарности за общность, за то, что можно разделить внутри пары. Все это присуще зрелым и глубоким любовным отношениям, когда возможна идентификация с партнером, его интересами и ценностями, которые в результате становятся частью жизни и стремлений человека (*Kernberg, 2011a*).

Доверие партнеру, возможность принимать его эмпатию и хорошее расположение делают возможным открываться партнеру с разных сторон, показывать свои слабости, уязвимость, пороки, страхи, выражать потребность в любви, принятии и понимании, не боясь отвержения и негативных последствий. Доверие основывается на чувстве внутренней безопасности, без которого оно является очень хрупким.

Способность просить прощения, прощать другого, начинать заново после больших конфликтов, когда агрессия доминировала над любовью, – один из показателей зрелой любви. Партнер готов и может говорить об уязвимости, о непонимании со стороны партнера, выражать свое недовольство, не пытаясь при этом вызвать чувство вины в другом (*Kernberg, 1991*). Умение сказать о своих уязвленных чувствах без обвинения другого отражает открытую коммуникацию между партнерами, которая не может быть без взаимного доверия.

В зрелой любви проявление гнева не повлияет на любовь внутри пары, и оба партнера об этом знают. Способность прощать – это пребывание в депрессивной позиции, признание своей агрессии и возможности восстановить отношения, подвергшиеся агрессивной атаке.

Одними из аспектов зрелой любви являются смирение и чувство благодарности за присутствие другого человека, за любовь и возможность зависеть от другого человека, а также принятие неопределенности, возможности осуществления событий, которые могут повлиять на судьбу отношений. Человек может честно признать и принять, что для полноценного счастья и удовлетворяющей жизни ему нужен партнер, но при этом сможет расстаться с ним, если обстоятельства изменятся.

Посвящение себя любовным отношениям как проекту жизни, который встроен в повседневную жизнь, – еще один аспект зрелой любви. Общий Эго-идеал, который выстраивается на протяжении некоторого времени, – это основа для длительных отношений, для защиты границ этих отношений и их выживания (*Кернберг, 2021*). Одним из важнейших условий любви является понимание себя и умение определять свои ценности, которые должен уважать партнер, ровно как и знание ценностей другого, проявление терпимости и уважения, готовность подстраиваться при необходимости. Ориентация на совместную жизнь при наличии зрелой любви делает возможным достижение компромиссов при конфликтных ситуациях, что приносит ощущение удовлетворенности и ценности.

Не менее ценной является возможность коммуникации и выражения любви партнеру, разделение удовольствия от присутствия другого и наличия любви – это все говорит о том, что партнеры осознают общий жизненный проект. Все это дополняется способностью выдерживать разлуку – временную и географическую, что является отыгрыванием

амбивалентности любовных отношений и нарушением их непрерывности, которая важна для подтверждения индивидуальности и различий партнеров (*Кернберг, 2021*).

Часто пациенты испытывают эдипальную вину, которая не позволяет им наслаждаться зрелыми любовными отношениями и быть счастливыми в паре, так как опыт их родительской пары был неудовлетворительным и человек не допускает того, чтобы его супружеские отношения были более счастливыми (*Kernberg, 1991*).

Зрелая зависимость в отличие от мазохистической напрямую связана с чувством благодарности за любовь, которую мы получаем от партнера. Зрелая зависимость позволяет воспринимать отношения как дар, а не как данность. Любовь к другому включает в себя чувство ответственности за партнера, за совместную реализацию жизненного плана и счастье партнера. Зависимость от другого может выражаться в способности принимать заботу от другого, не испытывая чувство вины и собственной неполноценности. Более того, любовь другого может быть источником силы при сложных жизненных обстоятельствах.

Бытует мнение, что первоначальное интенсивное сексуальное желание ослабевает; однако аналитическая работа доказывает обратное – в долгосрочных отношениях яркие сексуальные отношения не обязательно исчезают и притупляются. Ослабление сексуального желания скорее свидетельствует о бессознательных или реальных конфликтах в отношениях пары. Обоюдное сексуальное удовлетворение в паре может быть знаком наличия чего-то большего внутри отношений и говорить о том, что отношения являются «достаточно хорошими» (*Шарфф, 2019, с. 160*), наполненными эмоциональной составляющей.

В отношениях зрелой любви присутствует идеализация тела партнера, и она не подпадает под влияние перемен во внешности вследствие возрастных изменений или изменений в результате болезни. Человек может принимать недостатки другого и также быть принятым со своими недостатками и несовершенствами. Принятие и терпимость к несовершенству и старению тела партнера, как и своего, является преобладанием любви над агрессией, что возможно благодаря стабильной идеализации поверхности тела партнера.

В любовных отношениях нормально ожидать взаимности, но если человек не способен на ответную любовь, то партнер должен быть в состоянии такой выбор принять и пройти через процесс горевания. Когда же в паре кто-то чувствует уязвленность, ущемление его прав другим, то должна быть возможность поговорить об этом без стремления вызвать чувство вины, но с ожиданием, что разрешение конфликтов является обоюдным стремлением.

Ревность является нормальной функцией защиты границ пары, она появляется, когда начинает доминировать эдипальный конфликт. Но, например, при нарциссических расстройствах человек может быть абсолютно не подвержен ревности. Отсутствие ревности может свидетельствовать об отыгрывании эдипальной вины при удовлетворительных сексуальных отношениях.

Амбивалентность, присущая отношениям, подразумевает, что эпизоды агрессии внутри пары неизбежны, но возможность их решения дает возможность к дальнейшему укреплению и углублению отношений. Но если один из партнеров больше не может ожидать преданности и любви, логичным будет признать и принять этот факт. Принятие завершения отношений – это ответственность человека перед самим собой, чтобы было возможно ожидать в зрелых отношениях взаимной эмоциональной и сексуальной преданности.

Кернберг полагает, что любые супружеские отношения представляют из себя несколько браков, так как разрешение конфликтов меняет отношение в ту или иную сторону, они позволяют отношениям и каждому в паре расти (Кернберг, 2021). При завершении отношений преобладание депрессивной позиции и печали вкупе с проработкой сепарации делает возможным построение более зрелых отношений в будущем, в отличие от преобладания параноидальных механизмов, когда человек испытывает ненависть, фрустрацию и желание мести.

Даже после утраты партнера вследствие расставания или смерти и прохождения процесса горевания можно надеяться на позитивное продолжение. Осознание ценности потерянных отношений и процесс нормального горевания могут подтолкнуть развитие способности к любви с новым партнером. Способность к любви может и должна быть поддерживающим механизмом собственной ценности.

Далее рассмотрим ограничения способности к зрелым любовным отношениям в ракурсе типов личности, которые приводят к патологиям в романтических отношениях. Способность влюбляться и поддерживать длительные и стабильные романтические отношения основывается на зрелости объектных отношений, эмоциональной зрелости и свидетельствует о нормальном сексуальном функционировании. Личностные расстройства той или иной степени ограничивают эмоциональные способности.

В рамках данной работы мы рассматриваем только два типа личности – мазохистический и нарциссический, одни из наиболее часто встречающихся в работе с запросами, связанными с темой любви.

Любовные отношения при мазохизме

Женщины с депрессивно-мазохистической личностной организацией склонны к мазохистическим любовным отношениям. Часто в истории их ранней любовной жизни присутствует влюбленность в идеализированный, недоступный объект, который фрустрировал и разочаровывал. Это могут быть бесперспективные романы либо многолетние фантазии о том, как все могло бы сложиться. В норме влюбленность в недоступного мужчину – это эдипов конфликт, который должен со временем разрешиться положительно, с последующим выбором более реалистичного и доступного объекта любви. Однако в случаях мазохизма наблюдается сохранение или усиление любовных переживаний после того, как становится очевидной безнадежность ситуации, отсутствие шансов на удовлетворяющие любовные отношения. Человек зафиксирован на травме и бесконечно проигрывает травмирующий опыт.

Склонность к мазохизму усиливает любовь, когда она не разделена, когда чувства не взаимны. Человек годами влюбляется в недоступных объектов или подчиняется идеализированному объекту, тем самым отказываясь от нормальных, удовлетворяющих отношений. Также партнеры могут быть в бессознательном сговоре, тогда «взаимная проекция требований и запретов садистического Супер-Эго подкрепляется взаимно провоцирующим вину поведением партнеров, идентифицировавшихся с собственными интроектами садистического Супер-Эго» (Кернберг, 2018, с. 239). Может проявляться склонность подчиняться нереалистичным требованиям партнера, что обусловлено иррациональной виной, затем – восстание против этих же требований, что потенциально может быть для них же опасным.

Благодаря рационализации мазохистические отношения возвеличиваются. Человек самоутверждается и чувствует моральное превосходство, оставаясь в отношениях с садистическим партнером или оставаясь в разрушительных отношениях ради детей. Эта мысль возвеличивает его в своих же глазах. В случаях насилия или инцеста проявляется идентификация с агрессором, интернализированным в Супер-Эго, как результат ситуации агрессии воссоздаются, и человек постоянно проигрывает роль жертвы.

Мазохистические пациенты полагают, что эмоциональной покинутости можно избежать, если показывать другому, как сильно человек нуждается в сочувствии, заботе. Одиночество невыносимо, ровно как и разлука с мучителем. Склонность впасть в чувство вины присуща мазохистическому типу личности. В данном случае происходит попытка сместить нападки обвиняющего Супер-Эго на партнера, также может встречаться бессознательная вина из-за счастливых супружеских отношений.

В случаях мазохизма требуются активные интерпретации иррациональных убеждений, чтобы человек понимал, что может сам на что-то повлиять, так как мазохистам свойственно магическое мышление о том, что самоуничтожение приводит к их личному триумфу (Мак-Вильямс, 2015а).

Любовные отношения при нарциссизме

Нарциссические пациенты имеют значительные проблемы в объектных отношениях, они не могут полноценно любить. Им присуща путаница между любовью и идеализацией, что ведет к постоянной критике в адрес других людей, после того как идеализация развеивается (Мак-Вильямс, 2015а). Любовь нарцисса – это идеализация. Предметом идеализации для нарцисса становятся красота, статус партнера, богатство, власть и иные атрибуты успеха. Такой человек влюбляется, но не любит либо вообще не может влюбиться.

Нарциссические пациенты могут активно искать частые сексуальные контакты, но их способность к стабильным и значимым объектным отношениям весьма ограничена. Длительные любовные отношения являются проблематичными, но часто появляются новые страстные увлечения, влюбленность, которые не могут длиться больше нескольких недель или месяцев. Нарциссические пациенты не могут выйти из цикла идеализации и обесценивания. Изначальная интенсивная сексуальная активность и желание быстро проходят, на смену приходят эмоциональная скука

и обесценивание. Кернберг полагает, что данный паттерн больше относится к мужчинам, женщинам свойственен эксплуатационный паттерн поведения (в семье и в социуме).

Эдипальный конфликт нарциссических пациентов, где много фрустрации и обиды, ведет к бессознательному поиску отношений, которые управляются агрессией, а не любовью. Прошлые эдипальные отношения должны быть исправлены сексуальным удовлетворением с новым объектом любви. Бессознательная зависть к эдиповой паре вызывает агрессию и желание ее разрушить, но не вину. На этой зависти основывается зависть к партнеру. Бессознательная зависть и ненависть по отношению к удовлетворяющим отношениям в родительской паре имеют деструктивную направленность против самого человека как части пары.

Нарциссы испытывают к своим сексуальным партнерам зависть и соперничество. Возможность зависимости от объекта внушает им страх, так как зависимость предполагает зависть и благодарность. Зависимость от другого вызывает чувство неполноценности, унижения, при этом ставится под сомнение их собственная независимость, хотя и фантазийная, их чувство превосходства. Поэтому зависимость от другого заменяется повышенными требованиями к объекту, которые ведут к фрустрации, когда эти требования не выполняются. В отдельных случаях человек испытывает удушающее чувство несвободы, когда кажется, что объект преследует и нужно немедленно от него избавиться. Нарциссические пациенты проецируют на партнера бессознательные непризнаваемые аспекты своего Я, что позволяет им сохранить свой Эго-идеал, и таким образом провоцируют партнера на поведение согласно спроецированным на него аспектам Я.

Нарциссы испытывают отсутствие интереса и любопытства к другому, отсутствие эмпатии, что препятствует пониманию другого. У них нет внутренней свободы, которая бы позволила им интересоваться личностью другого человека и инвестировать объект (Kealy, Ogrodniczuk, 2014). Однако предсказуемость в отношениях и мысль о том, что уже невозможно открыть что-то новое в партнере, – это иллюзия. Никто не знает партнера так хорошо, как он думает (Перель, 2020). Таким образом, источников удовлетворения мало, что приводит к скуке в отношениях, агрессии, фрустрации, отношения воспринимаются как тюрьма. В сексуальной сфере идеализация тела другого трансформируется в его обесценивание, сексуальное удовлетворение рассматривается как успех оккупации и инкорпорации объекта.

Нарциссическая личность испытывает чувство зависти к тому, что может дать партнер, но зависимость от объекта любви невыносима, поэтому она отрицается. Благодарность за полученную любовь невозможна, получаемое только вызывает зависть. Обоюдность человеческих отношений также непереносима, она воспринимается как захват и эксплуатация. Желанным является восхищение партнера, нежели любовь; восхищение другого позволяет сохранить свою грандиозность, она подпитывает самоуважение и самоидеализацию. Восхищение заменяет функции регуляции самооценки и защитные функции.

Нарциссы склонны выбирать тех, кто способен восхищаться ими, или тех, с кем можно идентифицироваться и тем самым поддерживать иллюзию своей грандиозности. В качестве партнеров их мало привлекают те, кто потенциально готов заботиться, так как это, с одной стороны, может означать потерю независимости, а с другой – необходимость давать заботу в ответ, что вызывает большие трудности (*Campbell, 1999*).

Еще один важный аспект – отсутствие ревности, которая проистекает от неумения брать на себя обязательства в отношениях, поэтому тема неверности будто не имеет места быть. Также может быть бессознательная фантазия о своей грандиозности и превосходстве, в ходе чего ревность неуместна, потому что у нарцисса не может быть соперников. Но эта ревность может появиться после расставания пары, что свидетельствует о нарциссической травме, если партнер предпочел кого-то другого.

Встает вопрос: действительно ли нарциссическая личность любит только себя? Главный вопрос не в том, происходит ли инвестирование в Я или объектную репрезентацию, а в том, в какое Я инвестируется – это патологическое грандиозное Я или способность интегрировать любовь и ненависть под управлением любви. «Дело не в том, что нарцисс любит только себя, а в том, что он любит себя так же неладно, как и другого» (*Кернберг, 2018, с. 253*).

Итак, на основании проведенного анализа теоретических концепций Фрейда, Фромма, Кернберга мы приходим к выводу, что любовь является субъективным переживанием. О субъективности представления о любви мы можем говорить уже на основании того, что у каждого человека своя жизненная история, свои индивидуальные первичные объекты и способы взаимоотношения с ними. Нет идентичных жизненных сценариев, одинаковых матерей и младенцев. На всем стоит печать индивидуальности, которая далее определяет и представление о любви. Все бессознательные фантазии, связанные с любовной жизнью человека, берут начало от инфантильной сексуальности.

Наши первые любовные отношения определяют то, кем мы являемся. Поэтому поиск объекта любви, как и его понимание, всегда проходят через выбор, сделанный бессознательным (*Rigoni, Pessoti, 2021*).

Через опыт с матерью ребенок понимает, как хорошо быть и жить в этом мире, получать удовольствие от жизни. Фромм полагал, что одной из главных функций матери является не просто научить ребенка любить через свою любовь к нему, но и привить ребенку помимо желания оставаться в живых чувство любви к самой жизни (*Фромм, 2020*). Достаточно хорошая мать – это счастливый человек, способный любить и наслаждаться жизнью. Во взаимодействии с такой матерью возникает базовое умение любить.

Фрейд считал, что зрелая любовь – это генитальная любовь. Любовь, форма которой доступна при успешном прохождении всех стадий психосексуального развития и объединении частичных влечений под приматом генитальности. Узкое физиологическое осмысление любви как полового акта, который должен закончиться генитальным контактом, дает основание полагать, что любой человек способен к любви, за исключением

случаев фиксаций на прегенитальных стадиях и частичных объектах. Однако установление примата генитальности не гарантирует нахождение объекта. Обнаружение объекта доступно не для всех.

Любовь к объекту возможна только при наличии любви к себе, которая развивается через любовь первичного объекта к субъекту. Человек любит себя в той мере, в какой его любил первичный объект. Если любовь объекта к субъекту была дефицитарной, способность к зрелой любви – генитальной, с обнаружением другого, отличного от себя объекта – может быть недоступна. Но если отталкиваться от мысли Фромма, что любить – это искусство и деятельность, то она вполне доступна зрелому человеку, который осознанно готов научиться, если еще не научен этому благодаря первичному объекту.

Практический опыт показывает, что человек вместо любви или в качестве подтверждения любви может искать признание, подтверждение социального статуса, наличие материального достатка и отсутствие обязательств, нарциссическое подтверждение возможности быть лучше других. В парах представление о любви и ожидания от любовной жизни могут существенно отличаться, что ставит под угрозу дальнейшее существование пары.

Дефицитарное инвестирование первичным объектом, невозможность сепарации с материнской фигурой и/или негативно пройденный эдипальные период и иные бессознательные конфликты не дают человеку наслаждаться удовлетворяющими отношениями. Отношения с первичным объектом являются проекцией того, какой тип любовных взаимоотношений будет бессознательно воспроизводиться во взрослой жизни – гармоничные, длительные отношения, основанные на принятии и уважении или неудовлетворительные, деструктивные и фрустрирующие, что бессознательно будет способствовать проигрыванию травмы, полученной в отношениях с первичным объектом.

Некоторые индивиды даже при наличии стремления к любовным отношениям могут бояться воображаемого поглощения, потери автономии. Инвестирование другого может переживаться как истощение своего Я, тогда выбор падает в сторону сексуальности с ограниченными эмоциональными и физическими обязательствами. Кто-то может испытывать беспокойство по поводу уязвимости и возможности быть принятым, что стимулирует контролирующее поведение, которое позволяет контролировать и влиять на партнера, а также справляться с чувством незащищенности. Неспособность к зрелым любовным отношениям связана с внутренними конфликтами и особенностями психического функционирования индивида (Kapusta et al., 2018).

Кернберг полагает, что в ходе терапевтической работы пациент может развить способность к идеализации, которая в свою очередь может развить способность к заботе, обязательствам и эмоциональной включенности, выстраиванию стабильных любовных отношений. Однако не все люди даже после длительной терапевтической работы могут иметь способность к установлению зрелых сексуальных любовных отношений.

Для более глубокого понимания представления о любви было проведено исследование, основанное на онлайн-опросе (анкетирование методом свободных ассоциаций), в ходе которого было собрано 150 ответов. 31% опрошенных – мужчины, 69% – женщины. Наибольшее количество ответов получено от возрастных групп 25–34 и 35–44, что составляет 34% и 48% ответов соответственно.

Полученные данные были рассмотрены и проанализированы следующим образом:

- 1) разбивка ответов на женские и мужские группы;
- 2) разбивка ответов по возрастным группам.

Женские:

- до 24
- 23–34
- 35–44

– 45–55 и более. Так как ответов в возрастных группах 45–54 и 55 и более было в наименьшем количестве, мы объединили ответы данных групп.

Мужские:

– до 25–34. Группа ответов до 24 лет была рассмотрена с группой 25–34 в связи с малым количеством ответов.

- 35–44
- 45–54

Референтных ответов от мужской группы 55 и более не было.

Для визуализации ответов использованы семантические ядра, которые позволяют визуально идентифицировать наиболее часто встречающиеся представления о любви.

Наиболее часто встречающиеся ответы у женщин: **доверие, уважение, забота, принятие, взаимопонимание, другой**. Наиболее часто встречающиеся ответы у мужчин: **чувство, принимать, влечение, страсть, человек**.

Рисунок 1. Ответы женщин всех возрастов

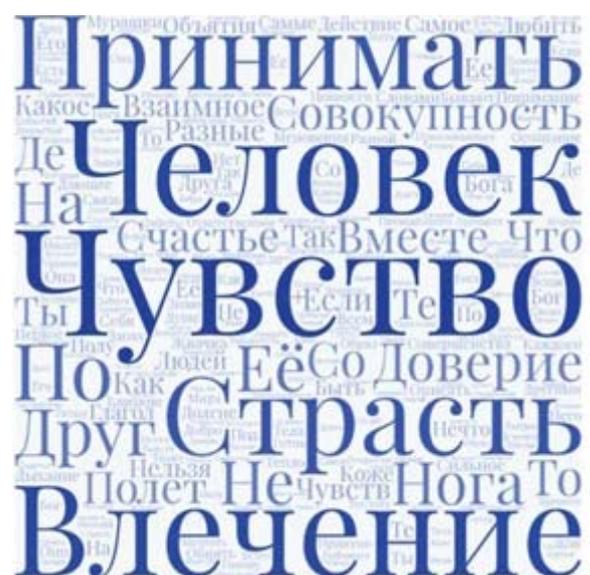

Рисунок 2. Ответы мужчин всех возрастов

Рисунок 3. Ответы женщин до 25 лет

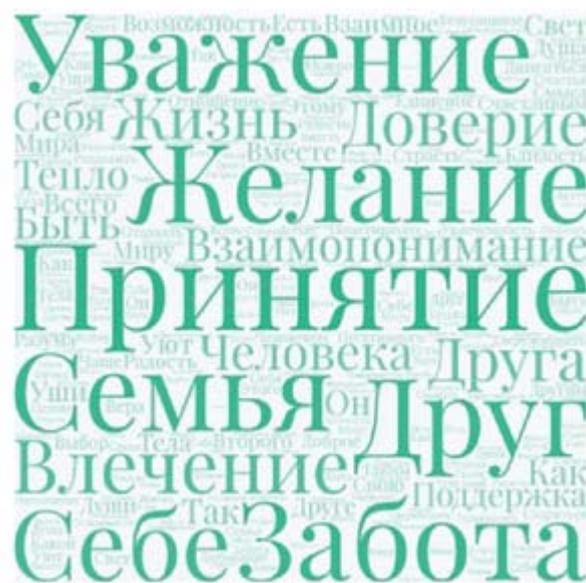

Рисунок 4. Ответы женщин
возрастной группы 25–34 года

Для женской половины респондентов возрастом до 25 лет наиболее важными являются **забота, спокойствие и принятие**.

Ответы следующей возрастной группы очень схожи с ответами группы женщин до 25 лет. **Принятие и забота** остаются главными представлениями любви, наряду с **уважением**.

В возрастной группе 35–44 года на первое место с огромным отрывом по численности выходит **доверие**. **Уважение** сохраняет свою важность, как и в группе 25–34 года, наряду с этим женщинам данной группы кажутся значимыми **забота и взаимопонимание**.

В связи с тем, что ответов в возрастной группе 55 и более оказалось мало, эти результаты будут рассматриваться вместе с возрастной группой 45–54 года. Как видно на рисунке 6, дискурс относительно представления о любви резко меняет свою траекторию. Основной ассоциацией на тему любви у женщин указанной возрастной группы является слово **жизнь**, также в ответах фигурируют слова «энергия», «таю», «радость», «счастье», «очень» – все эти слова практически не встречались в других возрастных группах.

Вторым блоком рассматривались ответы мужчин. Основными представлениями о любви возрастной группы до 24 и 25–34 года являются слова: **человек, разные, чувство**.

По мере взросления у мужчин на первый план выходит **влечение**. Наряду с этим словом встречаются, хоть и не в существенном количестве, слова: **страсть, вместе, счастье, чувство**.

Последняя группа респондентов небольшая, однако даже такая выборка показывает, что, как и в случае с женщинами, дискурс о любви кардинально меняется. Появляется слово «полет», так же как и у женщин появляется слово «жизнь».

Рисунок 5. Ответы женщин
возрастной группы 35–44 года

Рисунок 6. Ответы женщин
возрастной группы 45–54 года и более

Рисунок 7. Ответы мужчин
возрастной группы до 24–34 года

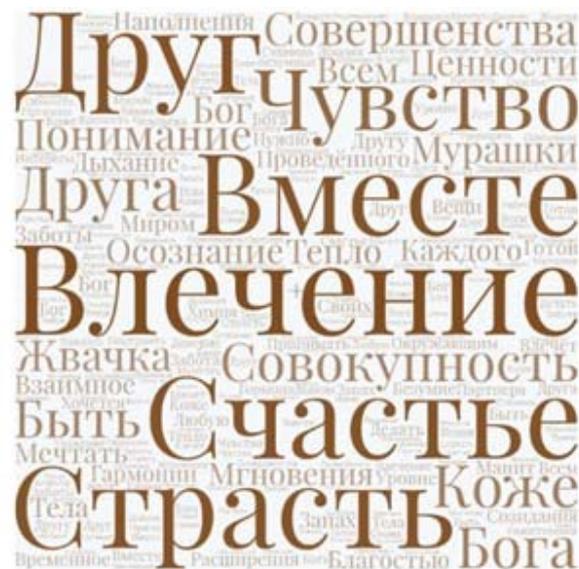

Рисунок 8. Ответы мужчин
возрастной группы 35–44 года

Рисунок 9. Ответы мужчин
возрастной группы 45–54 года

Анализ ответов 150 респондентов показал, что представление о любви каждого человека индивидуально; однако есть отдельные репрезентации, которые являются доминирующими в рамках общей базы ответов. Данный факт дает основание говорить о том, что есть некие базовые составляющие, которые формируют ядро понимания любви. Данное ядро представлено словами: **доверие, уважение, принятие, забота** – это то, без чего не существует зрелой любви. Из этого можно сделать вывод, что представление о любви в общем является представлением о зрелой любви, а не влюбленности или догенитальной любви. Ядро понимания любви варьируется в зависимости от гендерных и возрастных групп, на основании данного ядра можно понимать динамику представления о любви в жизненном континууме человека.

Исследование выявило отличия в представлениях о любви женщин и мужчин. Гендер влияет на восприятие и ожидания от любви, что логично, учитывая различные социальные роли, и в первую очередь особенности психосексуального развития человека. Пожалуй, ответы говорят сами за себя, и по выборке слов можно определить гендерную группу, которой принадлежат ответы. Представление о любви женщин имеет явную материнскую составляющую. В психическом каждая женщина вне зависимости от возраста и наличия реальных детей является матерью и имеет сильную идентификацию с матерью. Мужские ответы отличаются от женских своей динамичностью, стремлением к активному действию, наличием влечения и страсти.

Представление о любви меняется с возрастом, что свидетельствует о том, что оно не является ригидным, а идет в связке с психологическими и физиологическими процессами жизни человека. Потребности и ценности человека на протяжении жизни, как правило, меняются, вместе с ними меняются и представления о любви. Это дает основание полагать, что любовь доступна для всех возрастов, однако в каждом возрастном отрезке она своя, отражающая специфику мировоззрения и жизненных ситуаций.

На каждом этапе жизни мужчины и женщины стремятся что-то получить от любви и дать что-то взамен. Любовь подразумевает некий недостаток, но вместе с тем и ресурсы (*Henderson, 2013*). Отказ от другого и вера в фантазийное всемогущество скорее проявление нарциссизма. Каждый человек нуждается в объекте, без наличия значимых других человек отчужден и имеет скудную эмоциональную жизнь. Похоже, что недостаток и ресурс, которые человек готов вложить в отношения, на каждом этапе жизни качественно меняются.

Заключение

По нашему мнению, вопрос любви является одним из самых основных в психоанализе и в какой-то степени жизнеопределяющим в судьбе человека. Наличие или дефицитарность любви определяют во многом то, каким будет развитие ребенка, каким человеком он станет в будущем, каковы будут его предпочтения, как сложится его сексуальная жизнь и будет

ли он удовлетворен своей любовной жизнью. Наличие и качество взаимоотношений с первичными объектами – это проекция взаимоотношений взрослого человека с другими объектами. Первый человек, с которым мы отождествляемся, – это наша мать. Любовь ребенка к матери становится прототипом всех последующих любовных взаимоотношений человека. Любовь отражает в нас ребенка, соответственно, мы любим как дети, но выражаем свои чувства как взрослые.

Способность к любви определяется нормальной стадией симбиотического слияния с материнской фигурой, последующей стадией сепарации и индивидуации ребенка. Происходит переход от ранних нарциссических идеальных отношений с объектом любви к эдипальным отношениям. Утраченный эдипальный объект далее стремится быть найденным в отношениях любви с другим человеком, что подчинено желанию исправить эдипову травму. Архаическое симбиотическое слияние с идеальным материнским объектом толкает на попытки слияния с другим объектом любви.

Анализируя материал кейсов (не представленных в данной статье) и ассоциации участников опроса на тему любви, мы видим, что в ответах присутствуют все три составляющие: тело есть у каждого, наличие значимых других прослеживается в словах *другой, человек*, возможность инвестировать свое либидо в объекты – в словах *забота, страсть, принятие, уважение, влечение*. Тем не менее практический опыт показывает, что представление о любви часто не совпадает с тем, что человек имеет в реальной жизни. В некоторых случаях даже сама возможность дать определение любви является затруднительной. Представления, ожидания и реальность порой лежат в различных плоскостях, что свидетельствует о внутренних бессознательных конфликтах.

Любовь есть субъективное переживание, мы имеем дело с бессознательными фантазиями, которые коренятся в инфантильной сексуальности. Партнеры в отношениях заново проигрывают свои бессознательные переживания и фантазии прошлого через взаимную проективную идентификацию. Способность влюбляться и любить – ядро парных отношений, благодаря которому возможны идеализация партнера, сексуальное влечение и потенциал для глубоких, стабильных и удовлетворяющих отношений. Для пары становится возможным соединить нежность, сексуальность, Эго-идеал и, что немаловажно, выдерживать агрессию.

Однако установление близких отношений также подталкивает к восстановлению конфликтных отношений с первичными объектами, желанию их повторить и отыграть. Партнеры путем проективной идентификации вызывают друг в друге характеристики доэдипальных и эдипальных объектов, по отношению к которым проживались конфликты. Пара бессознательно бросает вызов зависти и гневу исключенных других, становится возможным преодолеть эдипальный конфликт – запрет сексуальной связи с любимым объектом противоположного пола. Это шаг к идентификации себя с эдипальной парой и одновременное ее преодоление.

В зрелой сексуальной любви человек находит реализацию своих инфантильных сексуальных фантазий. В свою очередь, способность влюбляться

и находиться в длительных удовлетворяющих романтических отношениях отражает зрелость объектных отношений.

Любовь к объекту возможна, только когда объект воспринимается как индивидуальность, вне контроля и обладания субъектом. Только в таком случае будет место заинтересованности, любопытству к объекту, к желанию его лучше узнать и понять. Осознав, что любовь несамоочевидна, ребенок перейдет от страха потерять объект к страху потерять любовь объекта, что подталкивает к стремлению нравиться объекту, вниманию к нему, нормальной вине. Понимание того, что объект может выбирать любовь или нелюбовь, порождает чувство благодарности (Тэхкэ, 2021).

Только те индивиды, которые благоприятно прошли через процесс психологического развития, связанный с формированием способности к любви, обладают способностью к зрелой любви. Это означает, что опыт любви на предыдущих этапах развития был преимущественно приятным, создающим комфорт, а не наоборот. Такие люди готовы отдавать и брать через динамику отношений, что позволяет обогащать и себя, и других. Это подразумевает зрелость не только в отношениях с партнером, но и во всех других отношениях.

Переживания в период раннего психологического развития могут либо способствовать последующему спокойному и здоровому психологическому развитию, либо замедлять его или препятствовать. Неудача на этом этапе может нарушить способность ребенка к зрелой любви. Однако у каждого человека есть потенциал для изменений. Если в результате неблагоприятного жизненного опыта у него не сформировалась способность к любви, он может обрести ее позже благодаря хорошему опыту общения с другими людьми или через психоаналитическую работу (Milivojevic, Ivezic, 2004).

В современном мире секс стал очень доступным, в то время как способность к любви, кажется, только снижается. В одной из своих работ Ю. Кристева пишет о том, что любовь стала более непристойной, чем секс (Oliver, 2015). Найти сексуального партнера стало просто как никогда, однако полюбить, кажется, становится роскошью. Зрелая сексуальная любовь имеет много преград на своем пути: развитие эмоциональной зрелости, способность брать на себя ответственность, истинное знание себя и своих потребностей в современном мире с трендом нарциссического индивидуализма (Levy et al., 2011) становятся все сложнее и сложнее. Знание механизмов формирования способности любить и основных составляющих зрелой сексуальной любви может помочь психоаналитически ориентированным специалистам находить правильные подходы в работе с пациентами, что даст шанс в дальнейшем пациентам иметь удовлетворяющую и стабильную любовную жизнь.

Материалы и результаты данной работы могут быть полезными как для психоаналитически ориентированных специалистов, так и людей, интересующихся психологией и вопросами взаимоотношений. Психоаналитически ориентированный специалист может помочь пациенту изменить представления о себе, которые повлекут за собой изменения в представлениях о значимых других. Улучшение рефлексивной

способности и способности к ментализации поможет лучше осознавать свои желания, потребности и лучше заботиться о себе (*Werbart et al.*, 2020). Одной из важнейших целей психоаналитически ориентированной работы является укрепление идентичности человека, развитие самоуважения и принятия, умение осознавать свои чувства, формирование или укрепление способности любить, работать, получать удовлетворение от своей жизни (*Мак-Вильямс*, 2015а). В рамках психоаналитической работы возможно понять препятствия на пути к нахождению другого, а также начать выстраивать длительные удовлетворяющие взаимоотношения с другими людьми благодаря глубокому пониманию в первую очередь себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кернберг О.* Неразделимая природа любви и агрессии. Теория и клиника / Пер. с англ. В. С. Снигура; науч. ред. А. С. Ковалец. М., 2021. С. 320.
2. *Кернберг О.* Отношения любви. Норма и патология / Пер. с англ. В. М. Фролова. М.: Независимая фирма «Класс», 2018. С. 42–253.
3. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. В. Снигура. М.: Независимая фирма «Класс», 2015а. 592 с.
4. *Мак-Вильямс Н.* Формулирование психоаналитического случая / Пер. с англ. К. Немировского. М.: Независимая фирма «Класс», 2015b. С. 50–51.
5. *Перель Э.* Всегда желанные. Как сохранить страсть в длительных отношениях / Пер. с англ. Н. М. Брагиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 336 с.
6. *Тэхкэ В.* Психика и ее лечение: Психоаналитический подход / Пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2021. 464 с.
7. *Фромм Э.* Искусство любить / Пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2020. С. 41–78.
8. *Фрейд З.* Собр. соч.: в 26 т. Т. 6. Любовь и сексуальность. Закат эдипова комплекса / Пер. с нем. Т. Баскаковой. 2-е изд., испр. Спб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2019. С.13.
9. *Фрейд З.* Собр. соч.: в 26 т. Т. 7. Три очерка по теории сексуальности / Пер. с нем. Г. Снежинской. Спб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2017. 224 с.
10. *Шарфф Д. Э.* Сексуальные отношения. Секс и семья с точки зрения теории объектных отношений / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2019. С. 160.
11. *Cavitch M.* (2016) "Do you love me?": The question of the queer child of psychoanalysis [Электронный ресурс] *Psychoanalysis, Culture & Society*. Vol. 21. No 3. P. 256–274. URL: [art%3A10.1057%2Fpcs.2015.22.pdf](https://doi.org/10.1057%2Fpcs.2015.22.pdf) (upenn.edu) (дата обращения 08.11.2021)
12. *Campbell W. K.* (1999) Narcissism and Romantic Attraction. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 77. No. 6. P. 1254–1270.

13. *Fenichel G. H.* (2006) *Psychoanalytic Reflections on Love and Sexuality*. University Press of America. 136 p.
14. *Henderson D.* (2013) Where is love? [Электронный ресурс] JCFAR: Journal of the Centre for Freudian Analysis and Research. 23. P. 57–65. URL: (5) (2013) 'Where is love?', Journal of the Centre for Freudian Psychoanalysis and Research, 23, ISBN 1351-5470 | David Henderson - Academia.edu (дата обращения 10.01.2022)
15. *Kapusta N. D., Jankowski K. S., Wolf V., Guludec M. C.-L., Lopatka M., Hammerer C., ... Blüml V.* (2018) Measuring the Capacity to Love: Development of the CTL-Inventory. [Электронный ресурс] *Frontiers in Psychology*. 9. P. 1–13. URL: <https://doi.org/10.3389/FPSYG.2018.01115> (дата обращения 03.04.2022)
16. *Kealy D, Ogrodniczuk J. S.* (2014) Pathological Narcissism and the Obstruction of Love [Электронный ресурс] *Psychodynamic Psychiatry* 42:1. P. 101–119. URL: <https://doi.org/10.1521/pdps.2014.42.1.101> (дата обращения 28.03.2022)
17. *Kernberg O.* (1991) Aggression and Love in the Relationship of the Couple [Электронный ресурс] *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 39(1):45–70. URL:10.1177/000306519103900103 (дата обращения 28.03.2022)
18. *Kernberg O.* (2011a) Limitations to the capacity to love. [Электронный ресурс] *The International Journal of Psychoanalysis*. 92, P. 1501–1515. URL: 10.1111/j.1745-8315.2011.00456.x (дата обращения 12.03.2022)
19. *Levy K. N., Ellison W. D., Reynoso J. S.* (2011) The handbook of narcissism and narcissistic personality disorder: Theoretical approaches, empirical findings, and treatments [Электронный ресурс], P. 1–13. URL: (PDF) A Historical Review of Narcissism and Narcissistic Personality (researchgate.net) (дата обращения 01.03.2022)
20. *Milivojevic L., Ivezic S. S.* (2004) Importance of Object Relations Theories for Development of Capacity for Mature Love. [Электронный ресурс] *Croatian Medical Journal* 45(1), P. 18–24. URL: (5) Importance of Object Relations Theories for Development of Capacity for Mature Love | Sladjana StrkaljIvezic - Academia.edu (дата обращения 08.05.2022)
21. *Oliver K.* (2015) Psychoanalysis and Deconstruction, A Love Story. [Электронный ресурс] *Journal of French and Francophone Philosophy*. 23(2). P. 35–44. URL: <https://doi.org/10.5195/JFFP.2015.694> (дата обращения 03.04.2022)
22. *Perlman F. T.* (1999) Love and Its Objects: On the Contributions to Psychoanalysis of Martin S. Bergmann. *Psychoanalytic Review*. Vol. 86. No. 6. P. 1–41.
23. *Rigoni M. P., Pessoti A.* (2021) M. Love and Psychoanalysis: A dialogue between Clinic and Literature. [Электронный ресурс] *International Journal of Advanced Engineering Research and Science*, 8 (11). P. 078–089. URL: <https://doi.org/10.22161/IJAERS.811.8> (дата обращения 03.04.2022)

24. Werbart A., Bergstedt A., Levander S. (2020) Love, Work, and Striving for the Self in Balance: Anaclitic and Introjective Patients' Experiences of Change in Psychoanalysis. [Электронный ресурс] *Frontiers in Psychology*. 11. URL: <https://doi.org/10.3389/FPSYG.2020.00144> (дата обращения 28.03.2022)

Love in Psychoanalysis

A. Sh. Saetova

Saetova Albina Sh., Master of Psychology (HSE, Moscow), psychoanalytically oriented specialist, business-consultant.

Each person has his/her own subjective representation of love, it might depend on gender and age group, undergo qualitative changes in the time continuum. However, the characteristic of an individual's representation of love cannot guarantee its presence in life, since the capacity to love, and moreover the capability to mature love, cannot be taken for granted and depends on the quality of relationships with primary objects. The representation of love and the search for an object of love are based on an unconscious choice depending on the subject's infantile experience. Attitude of primary objects towards a child awakens its sexual drives and provides the basis for further development. Frustrating infantile experience of interaction with primary objects can cause unsatisfactory love relationships in adulthood. Understanding different aspects of an individual's love life and a couple's relationships can help identify unconscious conflicts (fear of addiction, guilt, envy, denial of idealization, etc.) that stand in the way of satisfying, mature love relationships. Psychoanalytically oriented work can help to shape and develop the capacity to love and deepen the quality of an individual's love relationship.

Keywords: love in psychoanalysis, primary object, other, representation of love, capacity to love, mature love, Oedipal conflict, trust, respect, acceptance, caring.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Особенности проведения психоаналитического первичного интервью

Е. И. Терехова

Терехова Елена Ивановна – психоаналитически ориентированный психолог, клинический психолог, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации.

Статья посвящена исследованию и описанию особенностей проведения психоаналитического первичного интервью и отвечает на ряд вопросов: что делает психоаналитическую первую встречу «психоаналитической»; что должно произойти на первичном интервью, чтобы психоаналитическое лечение стало возможным; каковы возможные трудности на этом пути. В статье автор предлагает определить достоинства и недостатки различных подходов в проведении первичных интервью и выделить дискуссионные вопросы по касающейся теме, которые продолжают исследоваться в современном психоанализе.

Исходя из понимания, что начало психоаналитической работы – это прежде всего создание аналитической пары, психоаналитическое первичное интервью – это совершенно новая ситуация для обоих участников, это не обычная встреча, но еще и не начало психоаналитической терапии или психоанализа. Несмотря на совершенную неопределенность и ситуацию полной непредсказуемости, два участника интервью должны найти способ встретиться с волнующими и по большей части неосознаваемыми вопросами в жизни пациента. В этой ситуации аналитик должен не только услышать и понять пациента, следуя за ним, но в первую очередь, сдержать то напряжение, «эмоциональную бурю», которая разворачивается на первой встрече; суметь оценить регистр психического функционирования пациента с целью выбора подходящего кадра; создать условия, которые могли бы позволить ангажирование в психоаналитический процесс.

Ключевые слова: психоаналитическое первичное интервью – ППИ, начало психоанализа, начало психоаналитической терапии, диагностика, «эмоциональная буря», контрперенос.

Момент вхождения в психоаналитический процесс очень важен, но на сегодняшний день представлен в психоаналитической литературе не в достаточной мере. Возможно, это связано с тем, что мэтры-психоаналитики не испытывают особых трудностей с тем, чтобы провести ППИ и ангажировать в психоаналитический процесс своих потенциальных пациентов. В этом процессе каждый психоаналитик выбирает свой индивидуальный способ начала построения психоаналитических отношений, согласно которому выполняются цели и задачи первичного интервью. И если установление первичных отношений и было когда-то для них проблемой, в последующие периоды профессионального роста она полностью утрачивает для них свою актуальность, и дальнейшая работа, которая связана с погружением в глубинные слои душевной жизни, представляется им гораздо более важной целью изучения и написания статей. Но тем не менее пример одного из первого описанного ППИ мы находим у Фрейда. В случае Катарини в работе «Исследования истерии» (1895) Фрейд повествует нам о том, как он приехал на юг Вены, находясь в Австрийских Альпах, где к нему подошла 18-летняя девушка и спросила: «Является ли господин врачом?» Фрейд, на тот момент обладавший достаточно глубокими теоретическими знаниями, сразу понял, что девушка страдает от истерических симптомов, о которых она ему сразу поведала: затрудненное дыхание, чувство нехватки воздуха, спазмы в горле и груди. Фрейд начал исследовать обстоятельства, которые бы могли привести к возникновению этих симптомов. Получив объективную информацию о данных пациентки, Фрейд смог подтвердить свою гипотезу о сексуальной этиологии симптомов Катарини. Во время своего первого разговора в горах Катарина благодаря своим неосознанным чувствам к отцу открывается перед Фрейдом, который становится для нее объектом переноса. В этом первичном интервью проявился терапевтический эффект, так как молодая пациентка почувствовала облегчение после того, как раскрыла секрет, скрывающийся за ее симптомами. Фрейд больше никогда не встречался с этой пациенткой (Фрейд, 2020, с. 153–163).

Первичное интервью Фрейда с Катарини демонстрирует нам различия медицинского и психоаналитического подхода, где в психоаналитическом подходе начало пси-отношений уже соответствует целям лечения. ППИ – это возможность встречи, возможность начала процесса, у которого должно быть продолжение. Оценка этого процесса психоаналитиком (или психотерапевтом) позволяет предложить пациенту соответствующий кадр (сеттинг): психотерапию лицом к лицу один, два или три раза в неделю или психоанализ на кушетке.

С одной стороны, психоаналитическое интервью служит главным образом для принятия решения о дальнейшей работе, но этим цель ППИ не ограничивается. Основная цель ППИ, по мнению А. Жибо, состоит в оценке психической экономии пациента в соответствии с критериями, которые предложила Э. Кестемберг (1995):

1. Уровень внутренней свободы пациента или по крайней мере его желание вступить в отношения с аналитиком и как следствие с самим собой. Иногда может казаться, что пациент довольно свободно и охотно говорит,

но это не всегда показатель именно внутренней свободы. Так, например, оператарные или психосоматические пациенты могут вести себя на ППИ довольно скованно в проявлении аффектов и движений, но при этом свободно говорить и даже (нам может казаться) ассоциировать.

2. Возможности психической мобилизации пациента в ситуации ППИ и особого слушания. Вопрос, который мы задаем на ППИ, – «Не могли бы вы рассказать немного о себе?» – для некоторых пациентов может быть довольно фрустрирующим по причине того, что им сложно вступить в отношения с самим собой, говорить о себе (особенно это касается не-невротических пациентов, пациентов с психосоматическим функционированием).

3. Качество донесенной личной истории. Здесь мы отвечаем для себя на вопрос: смог ли пациент донести свою личную историю или нет и каким образом он это сделал? Некоторые пациенты повествуют нам о своей жизни с такой отстраненностью, как если бы они рассказывали не о себе, а пересказывали прочитанную книгу, что может быть следствием диссоциации или слабой ментализации.

4. Фантазматические и онирические возможности. Ответом на вопрос о сновидениях мы получаем информацию о способности к ментализации, ассоциативному мышлению. По мнению А. Грина, у пациентов с ПСФ отмечается центральная фобическая позиция в виде избегания ассоциативности. «Сновидения у таких пациентов либо отсутствуют, либо поражают своей скудностью, пустынной (отсутствием в них самого пациента, людей и живых существ). Часто отмечаются повторяющиеся сновидения – травматические, в которых воспроизводятся реально пережитые травмы. «Сырые» сновидения говорят нам о неприкрытой реализации влечений без малейшей психической проработки» (Фусу, 2021).

5. Обзор распределения нарциссических и объектных инвестиций. Здесь речь идет о том, каким образом пациент строит отношения и образует перенос. Аналитик делает вывод о распределении либидо на нарциссическое и объектное, опираясь на свои контртрансферные чувства, рассказ пациента о его отношениях или их отсутствии. Говоря о нарциссизме, мы имеем в виду концепцию А. Грина о нарциссизме жизни и нарциссизме смерти, где последний связан с разрушительными влечениями, проявляется не в ненависти к объекту, но в стремлении Я к разрушению своего единства и в стремлении Я к Нулю (Грин, 2023). Клинически это проявляется чувством пустоты, которое мы часто наблюдаем у не-невротических пациентов.

6. Присутствие контртрансферных элементов, способных повлиять на интервью в положительном или негативном смысле. Нам следует чутко прислушиваться к своим контртрансферным чувствам, которые образуются с самого первого контакта с потенциальным пациентом еще до того, как он вошел в наш кабинет, обращая особое внимание на такие, как жалость, раздражительность, но также и очарованность пациентом. Как правило, за этими чувствами стоит нечто большее, к чему важно прислушаться, прежде чем предложить психоаналитическую (ПА) терапию или анализ.

Д. Такетт в предисловии к книге «Beginning Analysis», где группа авторов описывает опыт разбора первичных интервью 500 аналитиков со всего мира, пишет: «Авторы пришли к выводу, что для понимания происходящего им необходимо уделять меньше внимания пациентам и больше – аналитикам. В этой книге они описывают, как постепенно фокус их исследования смещался в сторону аналитика, его опыта и вскоре – возможных сопротивлений, с которыми сами аналитики могут столкнуться, принимая новых пациентов, и которые могут заставить их потерять доверие к тому, что они делают» (Reith, Gibeault et al., 2018).

Исходя из вышесказанного, можно дать определение психоаналитическому первичному интервью: это первая встреча (или несколько встреч) психоаналитического психотерапевта или психоаналитика и потенциального пациента с целью исследования и оценки психической экономики последнего. В ходе этих встреч необходимо создать благоприятные условия для дальнейшей работы пары «аналитик – пациент», где могли бы свободно выражаться протекающие в психике интервьюируемого процессы и паттерны. В ходе первичного интервью используется психоаналитический метод (теория и техника психоанализа), в основе которого лежит анализ трансфера и контртрансфера. Интервью предназначено для того, чтобы ориентировать пациента относительно его участия в терапевтическом процессе, тогда как в терапии реализуют то, что было рекомендовано по результатам интервью.

Как сказал аргентинский психоаналитик Хосе Блехер в своей книге «Психологическое интервью» (1971), «интервьюер старается установить такие отношения, которые предоставили бы интервьюируемому большую свободу самовыражения, проявления себя таким, какой он есть, и для этого не подходит формальная структура вопросов и ответов». Далее Блехер подчеркивает различия между сбором анамнеза, опросом и интервью. Опрос преследует более простую цель – сбор информации. Иначе обстоит дело при проведении интервью: оно направлено на то, чтобы понять, как функционирует кандидат в пациенты (Этчегоен, 2020). Еще Фрейд указывал на то, что никто не может предоставить информации *bona fide*¹ о самом себе, однако ППИ основано на ином подходе: раскрыть то, о чем интервьюируемый сам не догадывается.

Таким образом, аналитик в ходе ППИ ставит перед собой следующие задачи:

- получение сведений о состоянии психического здоровья интервьюера и о том, какое лечение подойдет для него наилучшим образом;
- определение диапазона психического функционирования потенциального пациента и его особенностей психической экономики, согласно определенным критериям;
- создание благоприятных условий для проведения первичной встречи, благодаря снижению напряжения с помощью контейнирования собственных аффектов и аффектов пациента, которые неизбежно возникают при встрече с незнакомым человеком.

¹ *Bona fide* – заслуживающий доверие (лат.).

Прежде чем мы более подробно поговорим о первых двух задачах, важно дать теоретическое обоснование необходимости работы с напряжением и снижением «эмоциональной бури», вызванной первой встречей аналитика и анализанта, ведь это прежде всего встреча двух незнакомцев. Многочисленные исследования Рене Шпица (1946, 1965), Джона Боулби и Гарри Харлоу (1957, 1970), Маргарет Малер (1975) и других о так называемой «тревоге восьми месяцев», или «тревоге, вызванной незнакомцами», демонстрируют нам, что существуют индивидуальные различия, многочисленные вариации реакций детей на встречу с незнакомцем, в зависимости от доминирующего эмоционального климата в отношениях мать – дитя в раннем периоде.

Чтобы проиллюстрировать это, Малер в своей работе «Психологическое рождение человеческого младенца» приводит сравнение двух детей, брата и сестру, когда они были в одном и том же возрасте (Малер, 2018). Девочка Линда в возрасте семи-восьми месяцев при контакте с незнакомцами (наблюдателями), осознавая, что это «не мать», начинала тщательное визуальное и тактильное исследование, по выражению Сильвии Броди (1970) – «таможенный досмотр». В тот момент, когда ее брала на руки мать, у нее не было нужды производить этот осмотр, она просто тянулась к ней и крепко повисала на шее. По контрасту с базовым доверием Линды и отсутствием у нее какой-либо выраженной тревоги, вызванной незнакомцами, у ее брата Питера наблюдалась выраженная тревожная реакция в том же возрасте. Питер испытывал удивление, любопытство и опасения по поводу постороннего человека, и эти чувства постепенно начинали его переполнять, даже несмотря на то, что он находился около матери. Эти сравнения демонстрировали исследователям результаты различных стилей взаимодействия матери и ребенка на более ранних этапах развития: если с Питером взаимодействие матери было полно напряжения и непредсказуемости, то с Линдой климат был значительно более благоприятным и гармоничным. Исследователи объясняют более выраженную реакцию на незнакомцев и сопутствующую этому тревогу Питера тем, что он был вынужден рано перейти на фазу дифференциации, освобождая себя от дискомфорта симбиоза с матерью, это стало для него одним из ранних защитных паттернов (Малер, 2018).

Также теоретическое обоснование этим процессам мы находим у Жерара Швека в его работе «Добровольные галерщики», где он утверждает, что мать, которая недостаточно либидинально инвестирует своего ребенка, может восприниматься им как источник его возбуждения. «В определенных случаях поведение ребенка, пытающегося обойтись без "объекта", без материнского объекта сопровождается также и ненавистью к объекту, что поднимает вопрос о возможной проекции», – пишет Швек, описывая поведение ребенка, отказывающегося от еды, которую предлагает мать (Швек, 2016, с. 115). Швек отмечает, что такое функционирование может означать дефект в первоначальной способности к вытеснению, а также что «прогресс в дифференциации Я и объекта не сопровождается контринвестицией "не-матери", отмеченной появлением фобической боязни чужого лица, обычной для этого периода жизни. Вместо

этого данный страх направляется на пищу» (Швек, 2016, с. 116). Швек отмечает, что речь не идет о простом перемещении страха незнакомца, но имеется в виду замена одного процесса – психического, на другой – поведенческий.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что тревога, связанная с первой встречей при ППИ, исходит из раннего довербального опыта объектных отношений. И чем большим количеством травм и низким качеством либидинальных инвестиций отмечен этот опыт, тем будет выше градус прогнозируемой «эмоциональной бури» (по выражению Биона) при первом знакомстве.

Но у этого вывода, пожалуй, есть одно исключение, оно относится к пациентам с симптомами, которые описаны французскими психосоматиками как пациенты с аллергическими объектными отношениями. Пьер Марти дает характеристику таким отношениям, где границы между субъектом и объектом стираются, «вплоть до неразличимой массы», субъект существует в динамике деперсонализации и действия характерной для них проективной идентификации (Marty, 2006, p. 98). Марилия Айзенштейн, описывая свои контртрансферные чувства при работе с молодой девушкой-корейкой, говорит о том, что она испытывала смесь спутанности и беспокойства из-за того, что чувствовала себя захваченной. При этом сама пациентка, казалось, чувствовала себя совершенно уверенно, как если бы проходить первичное интервью у аналитика было для нее чем-то привычным и не вызывало особой тревоги (Айзенштейн, 2023, с. 5).

Именно поэтому, говоря об «эмоциональной буре», мы имеем в виду любые аффекты пары «аналитик – пациент», которые возникают до, во время или после психоаналитического сеанса, где особая роль отводится контртрансферу аналитика как основному инструменту-барометру для отслеживания и «управления» этой «бурей».

Отсутствие вообще каких-либо эмоциональных реакций на ППИ может говорить нам о том, что у нас в кабинете оператуарный или эссенциально-депрессивный пациент. Клод Смаджа назвал такой феномен «аффективной фригидностью» (Смаджа, 2014). Французские психосоматики (П. Марти, М. Фэн, К. Смаджа и др.) объясняют такой феномен «специфическими механизмами иммобилизации, застывания, дезорганизации, репрессии и ликвидации психических репрезентаций влечений» (Смаджа, 2014, с. 63). С такими пациентами аналитику необходимо быть особенно внимательным и осторожным в своих интервенциях, учитывать связь между нарушениями аффективной экономики и соматизацией. К. Смаджа отмечает: «Нагрузка, вызванная аффектами и волнениями, отмечали авторы "Психосоматического исследования" в 1963 году, плохо выраженная и мало или плохо проработанная с помощью психических средств, похоже, быстро выбирает соматический путь» (Смаджа, 2014, с. 63). Такие пациенты могут создавать видимость эмоциональной безучастности, отстраненности по отношению к аналитику и рассказу своей истории, несмотря на то что материал может быть довольно травматическим. Необходимо задать себе вопрос: куда делись аффект и боль? А также обращать внимание

на последующие интервью: не соматизирует ли пациент между встречами? Соматизация пациента после ППИ говорит нам об экономической связи с непроявленными аффектами и, возможно, о неправильно выбранной технике по отношению к таким пациентам.

Вернемся к первым двум задачам ППИ. Согласно французскому подходу проведения ППИ, аналитик не ставит перед собой задачу постановки диагноза пациенту, хотя, по мнению Н. Мак-Вильямс, «грамотная диагностическая оценка снижает вероятность того, что человек проведет чрезмерное количество времени в профессиональных отношениях, из которых извлечет мало пользы» (Мак-Вильямс, 2015, с. 37). Мы, следуя французскому подходу к ППИ, не стремимся диагностировать пациента на первых встречах. Так, по мнению Р. Руссийона, которое он высказал на одном из своих семинаров, раннее диагностирование приводит к «сужению поля взаимодействия с этим пациентом, потому что не бывает психики, в которой только одни способы функционирования. В любой психике сосуществуют разные, параллельные способы функционирования, и на какой мы обращаем внимание, с тем мы и имеем дело» (2023). Кроме того, пациенты могут обратиться за лечением, жалуясь на конкретное расстройство, но их проблемы могут простираться намного дальше этих симптомов. Именно здесь, на пути решения задачи определения способа функционирования пациента, у начинающего специалиста могут возникнуть трудности: с одной стороны, необходимость думать в диагностических рамках, а с другой – необходимость погрузиться в уникальные отношения, которые разворачиваются здесь и сейчас.

Возникающая по ходу работы обеспокоенность диагностическими аспектами часто используется как попытка защищаться от полного присутствия рядом с болью пациента. Озабоченность диагностикой, как и другие теоретические мысли аналитика, могут быть использованы в качестве защиты от тревоги, внушаемой неизвестным. Пациенты чувствуют себя более комфортно, когда специалист держится спокойно и непринужденно. «Терапевтические отношения имеют больше шансов на хорошее начало, если клиент чувствует интерес терапевта, ощущает относительно низкую тревогу и убежденность, что после того, как он будет лучше понят, может быть начато соответствующее лечение. Терапевт, который чувствует потребность быстрее начать проводить терапию, прежде чем прийти к четкому пониманию личностной психологии пациента, подобно водителю без карты, знающему примерное направление движения, будет испытывать напрасные волнения» (Мак-Вильямс, 2015, с. 39). Кроме того, Н. Мак-Вильямс считает, что существуют люди, для которых принятые категории типологии личности попросту не подходят. И тогда ярлык-диагноз скорее затрудняет понимание, чем способствует тому, чтобы положиться на здравый смысл, «подобно заблудившемуся моряку, который выбрасывает бесполезную навигационную карту и ориентируется по нескольким знакомым звездам» (Мак-Вильямс, 2015, с. 42).

Д. Винникотт в 1952 году сделал весьма революционное заявление, что не существует такой вещи, как ребенок. Он имел в виду, что есть межличностная система ребенка и его матери, поскольку ребенок может

существовать лишь в особом контексте заботы и опеки. Подобным образом, говорит Н. Мак-Вильямс, «теоретики психоанализа оспорили предположение, что существует такое явление, как дискретная, стабильная, отдельная личность; они предпочитают думать о серии состояний Я, которые возникают в разных межличностных контекстах» (Мак-Вильямс, 2015, с. 68).

Г. Этчегоен, опираясь на работу Х. Блехера «Психологическое интервью» (1971), отмечает, что интервью формирует поле, это означает, что «между участниками устанавливаются структурированные отношения, от которых зависит все то, что происходит во время интервью» (Этчегоен, 2020, с. 93). Первое правило, согласно Блехеру, состоит в придании формы этому полю, в частности с учетом переменных, которые зависят от интервьюируемого. У Блехера термин «поле» описывает область, в пределах которой интервьюер решает свои задачи, стараясь при этом по возможности минимизировать свою активность, то есть чем меньше его вмешательство, тем лучше поле. Отсюда, конечно, не следует, что он никак не проявляет себя или занимает отстраненную позицию, но это означает, что он передает инициативу другой стороне, интервьюируемому (Этчегоен, 2020). По словам Х. Блехера, «максимальная объективность достигается только в том случае, если наблюдатель включен в поле как одна из его переменных», и если степень нашей вовлеченности выходит за рамки позиции участвующего наблюдателя и мы задаем слишком много вопросов (опрос), предлагаем поддержку или утешение, открыто выражаем сочувствие, высказываем свое мнение или говорим о себе, то тем самым мы утрачиваем смысл интервью, превращая его либо в формальный диалог, либо в обычную беседу (Этчегоен, 2020, с. 94).

Итак, встречаясь с определенной целью, интервьюер и интервьюируемый, для того чтобы выяснить, возможно ли начать психоаналитическую терапию или психоанализ, решают несколько задач. Для аналитика одной из главных задач является оценка психической экономии пациента. Но определенную оценку происходящему процессу ППИ дает и пациент: он может получить надежду, что ему поможет предстоящее лечение, а может быть напуган происходящим процессом. Аналитику необходимо изучить не только теоретические основы проведения первичного интервью, но и понимать тонкие технические моменты, особое значение уделяя тем процессам, которые происходят на бессознательном уровне участников процесса ППИ.

Первичное интервью – это совершенно новая ситуация для обоих участников, это не обычная встреча и еще и не психоанализ или терапия. Пациент и аналитик не знают друг друга; у них еще нет никаких предсказуемых рабочих условий. Несмотря на эту неопределенность, им приходится находить способ встречаться вокруг очень интимных вопросов в жизни пациента. Техника ППИ в первую очередь должна быть направлена на создание условий для появления бессознательных фантазий, переключения уровней от сознательного к бессознательному, что поможет пациенту осознать нечто новое, что раньше было бессознательным. Это позволит аналитической паре перейти от интервью к следующему

этапу развития отношений, к психоаналитической работе. Авторы книги «Beginning Analysis» отмечают, что именно аналитик, а не пациент, ответственен за переключение уровней: «Во время успешной работы в таких случаях именно аналитик открывал внутреннюю дверь, чтобы осознать свое участие в чем-то, что разыгрывалось в динамике интервью» (*Reith, Gibeault et al.*, 2018, p. 63). Очевидно, что техника структурного интервью или опроса не будет способствовать переключению уровней от сознательного к бессознательному, а, напротив, с самой первой встречи фиксирует пациента на сознательном уровне, и в дальнейшей работе пациент, отвечающий на вопросы, будет ждать их от аналитика.

Почему же все-таки структурное интервью пользуется такой популярностью, особенно у начинающих психоаналитических терапевтов? Возможно, эта техника помогает избежать столкновения с «эмоциональной бурей», которая неизбежно начнется в аналитическом поле между парой «аналитик – пациент», как только они столкнутся с бессознательной динамикой, отсылающей к прошлому опыту объектных отношений. Х. С. Салливан советовал обращать внимание на изменения уровня тревоги во время интервью у обоих его участников (*Этчегоен*, 2020), то есть аналитику необходимо в первую очередь справляться со своей тревогой, чтобы помочь с ней справиться пациенту.

Первичное интервью – это встреча с неизвестностью, включая неизвестность того, как отреагирует другой, что может вывести на передний план примитивные тревоги, связанные с поиском «контейнера» (*Bion*, 2013), и/или воспоминания о травматическом опыте. Кроме того, на первой встрече пациентом может быть разыгран бессознательный сценарий, в котором аналитик будет вынужден принять участие, особенно если пациентом будет использована массивная проективная идентификация. На ППИ аналитик сталкивается с многочисленными формами коммуникации: вербальной и невербальной на сознательном уровне и уровне бессознательного психического функционирования, начиная с хорошо символизированных бессознательных фантазий, менее символизированных фантазий объектных отношений с расщеплением и проективной идентификацией до почти необработанных переживаний в поисках контейнера.

Аналитику необходимо проделывать серьезную внутреннюю работу, чтобы справляться с динамикой интервью, «выживать» в качестве аналитика, восстанавливать свою способность думать перед лицом «эмоциональной бури». Антонино Ферро (2012) предлагает метафору «переполнения бессознательного содержания и выпрыгивания за его пределы». Томас Огден подчеркивает, что аналитик – вечный «новичок» (*Огден*, 2020), а в заключение делает тяжелое замечание о том, что «все, что пациент говорит (и не говорит) на первой встрече, понимается как бессознательное предупреждение аналитику (и пациенту) о причинах, по которым пациент бессознательно чувствует, что каждому из них было бы лучше не вступать в эти обреченные и опасные отношения» (*Огден*, 2020).

В своей работе «Извлечение пользы из плохой работы» (1979) Бион описывает, как «буря» возникает всякий раз, когда встречаются два человека: «Когда встречаются две личности, возникает эмоциональная буря.

Если они контактируют настолько, что знают друг о друге, или даже настолько, что не знают друг о друге, то в результате соединения этих двух личностей возникает эмоциональное состояние, и возникающие при этом нарушения вряд ли можно рассматривать как улучшение положения дел, если бы они вообще никогда не встречались. Но раз уж они встретились, и раз уж произошла эта эмоциональная буря, то обе стороны бури могут решить сделать из плохой работы лучшую» (*Bion, 1979, p. 247*).

Уровень тревоги интервьюируемого непосредственно сигнализирует нам о его психических проблемах. По мнению Д. Мельцера (1967), аналитику необходимо модулировать тревогу, когда она достигает критического уровня. «При проведении интервью это может быть вполне уместно, так как в задачу интервьюера не входит анализ тревоги, поэтому в некоторых случаях нам может понадобиться снизить ее уровень для того, чтобы достичь целей интервью», – считает Этчегоен (*Этчегоен, 2020, с. 94*). Что касается тревоги, которая мешает начать говорить пациенту, то аналитику следует оставить ее без вмешательства, дать пациенту время успокоиться и подумать, но при этом не отстраняться. Интервьюируемый сделал первый шаг, явившись для прохождения интервью, так что логично (и гуманно) сделать шаг навстречу, сломать лед начала разговора, задав нейтральный и вежливый вопрос о мотивах обращения за консультацией (*Этчегоен, 2020*).

Авторы книги «*Beginning Analysis*» пришли к предположению, что первая встреча включает в себя процесс «открытия психоаналитического пространства», это необходимо для того, чтобы создать отношения, в которых «буря» может иметь шанс обрести смысл и быть проанализирована в дальнейшей психоаналитической работе (*Reith, Gibeault et al., 2018, p. 75*). Что же мы имеем в виду, когда говорим о создании «психоаналитического пространства»? Концепция психоаналитического пространства имеет долгую историю, начиная с Фрейда. В книге «Воспоминание, повторение и проработка» он описал перенос (трансфер) как «игровую площадку», которая «создает промежуточную область между болезнью и реальной жизнью, из которой осуществляется переход от одного к другому» и которая позволяет «получить часть реального опыта, но такого, который стал возможен благодаря особо благоприятным условиям» (*Фрейд, 2020, с. 511*).

В то время как фрейдовский взгляд на психоанализ можно рассматривать с целью раскрытия бессознательного смысла посредством применения аналитического метода, Видерман (1970, 1979) представил взгляд на аналитическое пространство как на «конструкцию» пациента и аналитика, на которую влияет взаимодействие между кадром, переносом и контрпереносом (*Reith, Gibeault et al., 2018, p. 76*). Функция этого пространства заключалась в создании смысла, в отличие от реконструкции прошлой реальности. Создание смысла в отношениях с психоаналитиком стало центральным понятием во многих психоаналитических моделях, начиная с игровой техники Мелани Кляйн (*Кляйн, 1926, 1930*). У. Бион (1962, 1965, 1967) сравнивал работу аналитика, помогающего пациенту найти смысл и построить собственный разум, способный находить смысл, с работой

матери, принимающей и удерживающей спроецированные протоментальные состояния младенца и трансформирующей их через свои грезы. Д. Винникотт (1971) объединил понятия игрового пространства и промежуточной области между фантазией и реальностью в свою концепцию переходного пространства между матерью и младенцем, которое позволяет расти личности и символическому значению; он распространил эту концепцию на потенциальное пространство между пациентом и аналитиком с аналогичными функциями.

Томас Огден (1986, 1989, 1994a, 1994b, 1997) объединил теории Биона и Винникотта и описал психоаналитическое пространство как разделяемое пространство сновидений, в котором опыт пациента может быть представлен в субъективной встрече двух разумов. Он сравнивал это пространство с «матрицей» (Огден, 2001), в которой развивается «новый разум, который является творением двух людей» (Огден, 2001). Он понимал возникающий при этом субъективный опыт как новое со-творение, «интерсубъективное аналитическое третье» (Огден, 2001), которое у пациента и аналитика общее, но переживается каждым по-своему и к которому они имеют доступ через *reverie* («мечтание»).

Х. Сигал (1997) и Р. Бриттон (1989, 1998a, 1999, 2003) добавили не менее важную и дополняющую концепцию треугольного пространства: это интроспективное пространство необходимо для достижения перспективы взгляда от третьего лица на свой субъективный опыт. Треугольное пространство основано на эдиповом треугольнике, в котором наблюдаются отношения между другими, что позволяет думать о себе как о человеке, имеющем такие же наблюдаемые отношения. Со временем это дает возможность осознать и понять субъективный опыт по отношению к себе и другим – не только субъективный опыт себя, но и других. Интеграция субъективной и объективной перспектив способствует символическому пониманию и личностной идентичности. А. Грин (1975) также описывал триангуляцию с третьим объектом как потенциальную способность психики младенца, но ее развитие зависит от родительской пары. И Грин (1975), и Бриттон (1989) показывают, как неудачная триангуляция приводит к тому, что психическое пространство распадается на преследующие, «все или ничего», формы опыта (Reith, Gibeault et al., 2018, p. 76).

Важно отметить, что психоаналитическое пространство асимметрично: во-первых, потому, что оно сконцентрировано на понимании субъективного опыта пациента, во-вторых, потому, что задача аналитика – вести работу по восприятию субъективного опыта пациента от третьего лица в течение довольно длительного времени, пока пациент не сможет взять на себя эту работу. Многие психоаналитики, включая авторов книги «Beginning Analysis», считают, что самоаналитическая работа аналитика является необходимым условием для роста самоаналитических способностей пациента. Эта работа начинается во время первых интервью и даже во время предшествующих событий до первой встречи.

Ален Жибо в своей статье «Первичное интервью» отмечает, что обычно при невротических организациях личности достаточно виртуального присутствия третьего. При тяжелых расстройствах личности и психозах

Жибо со своими коллегами из Психотерапевтического центра Эвелины и Жана Кестемберг считают необходимым, чтобы этот третий был «объективированным в кадре организации, института, учреждения во время ППИ с консультантом, который в дальнейшем не будет работать с данным пациентом, или же ППИ проводится в присутствии ассистента» (Жибо, 2023, с. 61). Такова особенность консультаций, проводимых в парижских психоаналитических центрах, таких как Психоаналитический консультативный и лечебный центр Жана Фавро Парижского психоаналитического общества (Ассоциация психического здоровья XIII округа Парижа) (Жибо, 2023).

Таким образом, одним из важнейших залогов успеха в дальнейшей психоаналитической работе является создание психоаналитического пространства, в котором взгляд аналитика на себя от третьего лица в форме свободно плавающего внимания позволяет стать этому пространству трансформирующим, для того чтобы потом неосознаваемые аспекты жизни пациента, которые ранее им переживались как «немыслимые вещи-в-себе», не поддающиеся контролю со стороны пациента, смогли быть подняты в аналитических отношениях, обрести символическую репрезентацию и впоследствии быть вновь присвоены пациентом в новых формах, обогащенные смыслом и переживаниями.

Нам хорошо известно, что психоаналитический процесс возможен только при соблюдении кадра (сеттинга). У интервью также есть свой собственный кадр, параметры которого соответствуют задачам интервью. Кадр определен, если некоторые из переменных параметров фиксированы аналитиком как константы (внутренний кадр аналитика). Интервью всегда проводят лицом к лицу, желательно, чтобы участники интервью располагались, сидя в креслах, поставленных под некоторым углом друг к другу так, чтобы они могли смотреть друг на друга или отводить взгляд в сторону естественно и без лишнего напряжения. Интервью может начинаться с просьбы рассказать немного о себе. Разумеется, в процедуре интервью не предусмотрено введение правила свободных ассоциаций, действующего на аналитических сессиях. Г. Этчегоен в главе о сеттинге ППИ пишет, что он не одобряет неопределенного и двусмысленного начала интервью, резко отличающегося от обычных норм общения, принятых в данной культуре: когда интервьюер погружается в молчание, фиксируя свой ничего не выражающий взгляд на интервьюируемом, который может почувствовать растерянность в такой ситуации и не будет знать, что ему делать (Этчегоен, 2020). Но в то же время мы должны дать некоторое время интервьюируемому, для того чтобы он мог успокоиться и обратиться с мыслями в своем ожидании начала разговора.

Не прибегая к методу свободных ассоциаций, так как они требуют много кадра, отличающегося от кадра интервью, мы можем получить нужную нам информацию при помощи недирективной техники, в рамках которой инициатива предоставляется интервьюируемому и допускается сдержанная поддержка в трудные для него моменты. Простая невербальная коммуникация (легкий кивок, благожелательный взгляд, нейтральный комментарий «угу») обычно бывает достаточной для того, чтобы

интервьюируемый продолжил говорить. Иногда, чтобы стимулировать дальнейший рассказ пациента, мы можем повторить его слово или фразу, но при этом она не должна быть негативной или слишком эмоционально заряженной (сексуализирующей, «горячей», или нарциссически ранящей). Аналитик не должен подталкивать интервьюируемого к тому, чтобы «вываливать» сразу много информации, это может быть примитивным способом эвакуации, который дает лишь сиюминутное облегчение, но не решает поставленные задачи ППИ. Ж. Бержере и П. Дюбор обращают наше внимание на то, что ППИ – это «не расспрос, а слушание», предостерегая нас от стиля «охоты за информацией» (*Бержере, 2001, с. 158*). По мнению Бержере, в рамках ППИ нас не интересуют ни сами по себе симптомы, ни их соматическое проявление.

Слишком большая легкость установления контакта свидетельствует не в пользу более высокого уровня психического функционирования пациента. Это свидетельствует о недостатке цензуры, то есть переход от бессознательного к предсознательному происходит слишком легко, между ними нет никакого барьера. Свободный откровенный дискурс пациент может восприниматься как свободные ассоциации, но на самом деле это не так, а свидетельствует о доэдипальной структуре, об отсутствии цензуры и слабом Сверх-Я. Если есть слабость Сверх-Я, энергия деструктивности либо подавляется, либо остается свободной. Жестокость, о которой пациент с легкостью говорит, указывает нам на то, что преобладает подавление аффекта над вытеснением. Не-невротические пациенты склонны к агированию, и это часто заставляет их действовать на сессиях разным способом (пить напитки, смотреть в телефон, вскакивать с кресла), если это повторяется, то допустимо заранее внести правило о том, что здесь (в кабинете) мы только говорим, но не совершаем никаких действий.

ППИ отличается от психотерапевтического процесса, и нам важно, чтобы пациент также увидел эти отличия. До тех пор пока мы не договорились о кадре и правилах, не рекомендуется назначать одно и то же время для первичных встреч, затем, когда у пациента появится его постоянное время, это приобретет ценность в сравнении с тем, когда встречи были нерегулярными. Существенным отличием ППИ от психотерапевтического процесса также является использование интерпретации: мы не прибегаем к интерпретации систематически при проведении первичных интервью. Для того чтобы продемонстрировать метод, «соблазнить» методом, мы можем связать что-то хорошее. Интервьюер должен остерегаться интерпретаций с первых встреч, до того момента, пока у него не возникнет целостной картины об организации и дискурсе пациента. «Не стоит ничего воображать от себя или заранее», – пишет Бержере (*Бержере, 2001, с. 158*).

Некоторые аналитики очень строго соблюдают правило не интерпретировать на ППИ, и у них есть на это свои соображения; однако другие допускают возможность отхода от него и при определенных обстоятельствах используют интерпретацию. Либерман относится к тем, кто строго соблюдает запрет на интерпретации во время интервью, так как он полагает, что кадр (сеттинг) интервью не позволяет использовать интерпретацию

главным образом для того, чтобы интервьюируемый получил контрастирующий опыт, который в конечном счете позволит ему понять различия между интервью и аналитической сессией. Либерман предупреждает, что в случае отсутствия опыта переживания отличий между интервью и аналитической сессией пациент, уже находясь в анализе, может воспринять первую интерпретацию негативного переноса как оценочное суждение аналитика. В целом, идея Либермана о запрете интерпретаций поможет пациенту понять, что взаимодействие в аналитической терапии или анализе выходит за рамки опыта обыденных коммуникаций. Аналитик предлагает возможность инкорпорации другого типа взаимодействия в коммуникации, который приобретает неопределимое значение «контрастного опыта» по отношению к первым интерпретациям переноса, которые он сможет предложить» (Этчегоен, 2020, с. 97–98).

Если Либерман строго придерживается запрета на использование интерпретации при проведении интервью, то Блехер полагает, что в некоторых особых и определенных случаях интерпретация уместна и необходима, «в частности каждый раз, когда в коммуникации появляются разрывы или искажения» (Этчегоен, 2020, с. 97–98). Этчегоен, как и Блехер, также считает, что интерпретация при проведении интервью вполне уместна и оправдана, если только она служит преодолению конкретного препятствия на пути к достижению целей интервью. Но здесь важно отметить, что интерпретация, направленная на решение других задач, не связанных с ППИ, например, чтобы вызвать структурные изменения в личности интервьюируемого (то есть ради достижения инсайта), совершенно неприемлема, и с этим соглашаются все авторы.

Иногда некоторые психоаналитики (Г. Этчегоен, О. Кернберг, Н. Мак-Вильямс и др.) используют простые, поверхностные интерпретации как тест на способность к инсайту, для того чтобы проверить, как будет реагировать на них интервьюируемый. Этчегоен пишет: «Я устанавливаю связь причинного типа между содержанием высказываний интервьюируемого, например: «Как вы полагаете, то, что вы сейчас припомнили, имеет ли это отношение к...» (Этчегоен, 2020, с. 99). На наш взгляд, решение о том, стоит ли делать интерпретацию во время ППИ или нет, следует принимать исходя из многих факторов и всегда индивидуально в каждом отдельном случае, учитывая при этом прежде всего цели и задачи ППИ, особенности сложившегося контакта и доступный материал.

Еще один важный вопрос техники ППИ касается интерпретации переноса, особенно негативного. Перенос пациентом основных элементов своей психической организации на личность аналитика и всю ситуацию в целом, конечно, является обязательным условием психоаналитического понимания. В одной из своих работ по психоаналитической технике, касающейся начала анализа, Фрейд ясно высказывается по поводу интерпретации переноса: «До тех пор пока сообщения и мысли пациента следуют без заминки, темы переноса касаться не стоит, с этой наиболее щекотливой из всех процедур нужно повременить, пока перенос не станет сопротивлением» (Фрейд, 2019а, с. 66).

Авторы книги «Beginning Analysis» наиболее убедительной техникой интерпретации переноса пациента считали необходимость интерпретации переноса на процесс и кадр, тогда как интерпретация переноса на аналитика представляется гораздо более проблематичной на ППИ. «В целом некоторые аналитики предпочитают быть осторожными в своих вмешательствах и не затрагивать трансферентные вопросы на первой встрече, то есть работать с установкой, основанной на «экономической» модели» (Reith, Gibeault et al., 2018, p. 145). Во французском психоанализе значительное внимание уделяется экономической точке зрения, где акцент делается на способности хорошо структурированной психики связывать энергию через репрезентацию, в то время как неудачи в репрезентации со стороны менее хорошо структурированного психического аппарата могут привести к разрядке несвязанной энергии через аффективный или соматический срыв.

То есть, если понимать перенос в терминах способности пациента к репрезентации, он также бросает вызов психической экономике пациента и требует постепенной реорганизации этой экономики, особенно у менее структурированных пациентов. Исходя из тех случаев, когда целью является содействие экономическим изменениям (а для этого требуется долгосрочная глобальная стратегия, в которой аналитик работает над развитием способности пациента к репрезентации), аналитик должен ограничивать свои вмешательства до того момента, когда психическое равновесие пациента будет готово его выдержать и не будет перегруженным. Не рекомендуется интерпретировать перенос слишком рано (Reith, Gibeault et al., 2018, p. 146). Здесь я могу поделиться своим опытом прохождения ППИ у психоаналитического терапевта, работающего в кляйнианской технике: на третьей сессии интервью терапевтом была сделана первая и единственная интерпретация, которая касалась негативного переноса, связанного с моей якобы неоплатой прошлой сессии. Я чувствовала себя неуслышанной, непонятой и обвиненной, как будто моя рассказанная история не имеет никакого значения, а имеют значение только мое отношение к терапевту и оплата (при том что, выйдя из кабинета, я проверила и убедилась, что деньги за прошлую сессию на самом деле я перевела). Наличие у меня уже в тот момент психоаналитического образования и опыта предыдущей терапии позволило мне прислушаться к своим чувствам и не остаться в терапии у этого аналитика, и теперь, вспоминая слова А. В. Россохина о том, что выбор своего аналитика важнее и «судьбоноснее», чем выбор мужа, я вынуждена это признать. Как не вспомнить здесь слова Фрейда из статьи «Воспоминание, повторение и проработка»: «Врач просто забыл, что называние сопротивления по имени не влечет за собой непосредственное его прекращение» (Фрейд, 2016, с. 511).

Французский подход к ППИ отличается от структурного интервью О. Кернберга особым деликатным отношением к пациенту и его защитами. Аналитик на ППИ не задает много вопросов и не интерпретирует, а внимательно слушает пациента, пытаясь понять, как он устроен. Фрейд в своих работах по технике рекомендует нам доверять естественному, спонтанному ходу мыслей пациента и постепенно отказываться от выпытывания

ассоциативного материала, который интересует в первую очередь самого аналитика. Его рекомендацию отказаться от «активной» позиции в начале лечения и довериться развитию психоаналитического процесса можно увидеть в статье «Советы врачу...», где он напоминает о «равномерно палящем внимании» (Фрейд, 2019b).

Многословность аналитика на ППИ чаще всего говорит о его тревоге из-за непонимания, что происходит. Преодолеть эту тревогу невозможно, только имея хорошие психоаналитические знания, хотя они тоже важная опора, необходим успешный личный анализ. О. Кернберг предлагает использовать конфронтацию в своей технике как один из трех шагов на пути к интерпретации. Как и этап прояснения, конфронтация адресуется к сознательному и предсознательному уровням психики пациента, готова почва для интерпретации. Во французском подходе конфронтация считается неуместной, так как она, во-первых, атакует защиты пациента, во-вторых, препятствует построению необходимого рабочего альянса. Это особенно важно, если перед нами не-невротический пациент, у которого в качестве защит преобладает расщепление и он говорит из своих разных частей, – если мы конфронтируем, сталкиваем эти разные части, ничего, кроме негатива (злости, боли, агрессии, критики), мы не получим. И нужно проделать долгий путь работы, прежде чем пациент сам начнет замечать какое-то несоответствие в своей речи, поступках, мыслях.

Интересным аспектом первой встречи может стать «соблазнение личностью» аналитика, то есть когда пациент чувствует, что этот аналитик и, возможно, только этот аналитик будет тем единственным, кто сможет его понять и помочь. Авторы «Beginning Analysis», описывая этот случай, отмечают, что здесь происходит «нарциссический процесс, в результате которого пациент и аналитик оба впадают в убеждение, что они "подходят" друг другу, что они удовлетворяют потребности друг друга» (Reith, Gibeault et al., 2018, p. 142). Однако если этот процесс доминирует, не оспариваясь и не исследуясь, он будет действовать как сопротивление или защита против развития психоаналитического процесса. Жан-Люк Донне считает, что «соблазнение личностью» включает в себя проблему суггестии как «минималистской и дискретной попытки, а потому соблазнительной и убедительной, породить идею или желание в другом», так и возможного «тоталитарного овладения, как это проявляется в гипнотическом подчинении» (Reith, Gibeault et al., 2018, p. 143). Однако в более позитивном ключе идея «соблазнения методом» во французской психоаналитической литературе относится к развитию психоаналитического процесса, в ходе которого пациенту предлагается говорить о своих желаниях, а не исполнять их, и он обнаруживает, насколько это может быть полезно и ценно в качестве средства самопознания. С этой точки зрения «соблазнение методом» означает, что через свой опыт вовлечения в психоаналитический процесс пациент может понять, насколько полезен для него этот подход. Исходя из выполнения задачи на первой встрече – оценить, может ли пациент получить потенциальную пользу от аналитического

процесса с аналитиком в соответствующем психоаналитическом кадре, мы не знаем ответа на вопрос, являемся ли мы этим «правильным аналитиком» для пациента. С точки зрения пациента первое можно рассматривать как «соблазнение методом», второе – как «соблазнение личностью», и всегда есть риск спутать эти два аспекта.

Таким образом, решая важную задачу ППИ – «переключение уровней» от сознательного на бессознательный, что свидетельствует об успешном психоаналитическом процессе, – пара «аналитик – пациент» должна в первую очередь каким-то образом «пережить бессознательную бурю» интенсивной динамики интервью и использовать эту динамику как возможность открыть психоаналитическое пространство, а не спрятаться от «бури». Открытие пациентом того, что аспекты внутренней реальности могут найти репрезентацию и проработку в отношениях с аналитиком, может стать достаточно сильной мотивацией для продолжения этой формы лечения. Способность аналитика терпеть «бурю» и работать внутри нее может быть тем, что дает пациенту некоторую степень доверия и надежды на психоанализ как метод, даже для тех пациентов, которые еще не мыслят символически (*Reith, Gibeault et al.*, 2018).

Исследования, проведенные психоаналитиками-авторами книги «*Beginning Analysis*», наглядно продемонстрировали, что «открытие аналитического пространства», в котором разворачивается каждое новое би-персональное поле, является сложной задачей даже для опытных аналитиков. Они сравнивают это «с возведением палатки в очень плохую погоду или с ее восстановлением после того, как настоящий шторм вырвал колышки из земли» (*Reith, Gibeault et al.*, 2018, p. 146). Вообразив ситуацию со штормом и палаткой, сложно себе представить, что кто-то один будет пытаться справиться со штормом, а второй отстранится и будет только наблюдать, скорее всего, оба начнут что-то делать, и в этой связи нам сложно избежать отыгрывания (*acting out*).

Ошибки, связанные с контрпереносом, возникают тогда, когда аналитик реагирует на своего пациента так, как будто он был значимой личностью в истории (особенно ранней) аналитика. Р. Гринсон подчеркивает, что контрперенос – «это как бы параллель по отношению к переносу – нечто, дополняющие его. Часть "контр-" в слове "контрперенос" означает аналог, дубликат, а не противоположность, как в контрдействии». Контрперенос может привести к продолжительному неуместному поведению аналитика по отношению к пациенту в форме стойкого непонимания или бессознательно вознаграждающему, успокаивающему и разрешающему поведению (*Гринсон*, 2018, с. 367). Т. Джейкобз подчеркивает, что контрперенос является комплексной сущностью, он состоит из проекций пациента, психики аналитика и ситуации переносных взаимоотношений «здесь и сейчас», он состоит из различных элементов, которые могут менять свою форму в процессе развития аналитической ситуации (*Винникотт, Райх и др.*, 2021, с. 189).

Хотя психоаналитический метод основан на репрезентации, мышлении и осмысленных словах, мы также можем предположить, что бессознательный контрперенос аналитика может переходить в действие, когда

ситуация не позволяет достаточно проработать собственные чувства и реакции аналитика, прежде чем вмешиваться. И наоборот, если аналитик умеет прислушиваться к собственным контрпереносным реакциям, он может облечь их в мысль, придать смысл актам и действиям, возникающим при первой встрече. Важно иметь в виду, что контрперенос вступает в игру с самого первого момента общения с пациентом. Соответственно, когда с контрпереносными явлениями не удастся справиться в достаточной степени, результатом могут быть разыгрывания (*enactment*) – как бессознательная коммуникация, которая разворачивается между аналитиком и пациентом, в которой есть что-то, с чем оба не готовы встретиться. Блон описывает этот процесс как «тайный сговор» (1967), который происходит из потребности избегать боли, часто сопровождающей процесс самопознания, когда аналитик бессознательно старается не фокусировать свое внимание на материале, болезненном и проблемном именно для него самого (*Bion, 2013*).

Фрейд ввел общее понятие «повторение» в своей работе «Воспоминание, повторение и проработка» (1914). В отрывке, где он также ссылается на начало лечения, он пишет: «Анализируемый вообще ничего не вспоминает из забытого и вытесненного – он это проигрывает. Он репродуцирует это не как воспоминание, а как действия, он повторяет это, разумеется, не зная, что он это повторяет. К примеру, анализируемый не рассказывает, что помнит, как был упрям и недоверчив к авторитету родителей, а ведет себя таким образом по отношению к врачу <...> Прежде всего пациент начинает лечение с подобного повторения <...> Все время, пока больной проходит лечение, он не будет свободен от этого принуждения к повторению; в конечном счете становится ясно, что это его способ вспоминать» (*Фрейд, 2016, с. 506–507*). Описанные Фрейдом феномены не только связаны с переносом и сопротивлением, но с актуализацией в настоящем своих прошлых объектных отношений здесь и сейчас с аналитиком.

Аналитик играет роль белого экрана, на которой пациент проецирует бессознательные образы своих объектов, аналитику очень сложно избежать вовлеченности, он вынужден вступить в игру. С помощью проективной идентификации пациент создает бессознательную фантазию о том, что он может не просто размещать на аналитике свои проекции, но и контролировать его изнутри. Отщепленная часть личности пациента повторяет давние устойчивые паттерны отношений и тем или иным образом умудряется вовлечь аналитика в драму, разыгрываемую в процессе анализа, в качестве одного из ее персонажей. Это может происходить в той или иной степени без ведома аналитика. Когда проективная идентификация и повторение являются для пациента основным механизмом коммуникации, они опираются на вербальное и невербальное «межличностное давление». Однако довольно часто аналитик может осознать это, наблюдая за своим собственным поведением, реакциями и отношением, проанализировав свой контрперенос только после того, как эти реакции перейдут в действие. Тогда здесь мы говорим о том, что действие замещает мысль, оставаясь вне зоны ментализации аналитика. Контрпереносные

акты (это может быть что угодно, что аналитик неожиданно для себя делает или предлагает сделать в направлении анализанта) предполагают возникновение чего-то неожиданного, но если их потом подвергнуть анализу, они могут стать мощным средством достижения внутренних глубин, диссоциированных от Я, так что они должны быть проработаны аналитиком, чтобы стать полезными в ходе терапевтического процесса и потенциально мощным стимулом и помощью в рефлексии. Ведущая роль аналитика определяется не его абсолютной неуязвимостью, а способностью принимать свою уязвимость и справляться с ней. Если вернуться к вопросу об интерпретации негативного переноса на первичном интервью, то часто начинающие специалисты склонны бессознательно путать негативный перенос пациента со своим негативным контрпереносом, который может привести к ошибкам и разыгрываниям (enactment). В момент первого знакомства аналитика и пациента, когда ни пациент, ни аналитик еще не знают, чего ожидать друг от друга, вопросы, касающиеся контрпереноса, проективной идентификации и разыгрывания становятся особенно актуальными.

В 1963 году специалисты IPSO выпустили пионерскую книгу «Психосоматическое исследование, или первичное интервью психосоматического пациента». Данная методология, разработанная в IPSO, делится на три этапа. На первом этапе аналитик оставляет пациентам место для свободных ассоциаций, не делая никаких интервенций, предоставляя ему возможность представиться в его привычным функционировании. На втором этапе он использует то, что получили на первом, чтобы обозначить проблему или назвать чувства или аффект, которые пациент принес, но не смог выразить. И только лишь на третьем этапе задаются вопросы о тех элементах, которые не выявились на первых двух этапах, но их важно знать. Тогда можно спросить о детстве и о снах. На первом этапе единственное, что интересует аналитика, – это психическое функционирование пациента, о котором он размышляет, забывая о соматической болезни. Потому что не сама болезнь указывает на психосоматическую организацию, а те лакуны, которые существуют в психике пациента. И когда у аналитика уже сложилась идея о его функционировании, он увидел эти лакуны в его психике, можно учитывать болезнь. То есть вывод о психосоматическом функционировании пациента мы делаем не из-за наличия болезни, а из-за наличия недостатка ментализации (Марти, 2014).

Клод Смаджа на одном из семинаров в Институте психологии и психоанализа на Чистых прудах (от 23 мая 2023 г.) указывал на то, что дезорганизация как провал в психосоматическое функционирование может произойти со всеми индивидами, вне зависимости от структуры, – это последняя реакция, которая может случиться абсолютно у всех, это зависит от травмы и способности к ментализации и от проработки травмирующих событий. То есть психосоматическое функционирование – это не психическая структура – это процесс психической дезорганизации, это может произойти при любом типе функционирования. Аналитику, проводящему

ППИ, важно учитывать этот момент, так как ситуация интервью может создавать тревогу и стресс, реактивировать прошлые травмы и запускать соматические защиты, в том смысле, который в это понятие вкладывают французские психосоматики (П. Марти, М. де М'Юзан и К. Давид, М. Фэн и их последователи).

Исходя из всего вышеизложенного о «повторении» пациентом, контрпереносе аналитика и возможных реакциях действия, можно сделать вывод, что успех проведения ППИ связан по большому счету с успехом прохождения личного анализа аналитиком и нахождением в контакте со своими аффектами, бессознательными реакциями и частями. Аналитик должен быть готов к тому, что с самого начала ППИ он будет вовлечен в повторение и реинсценировку центральных проблем пациента. В 1971 году Винникотт описал первую встречу как особый момент, сгущенный чистым переносом благодаря тому, что то, что принес пациент, еще не «загрязнено» аналитиком. Аналитик не всегда бывает готов или способен принять и концептуализировать проекции пациента с самого начала, из-за жесткости и необработанности материала. Но не это определяет, начнется ли аналитический процесс или нет. Это зависит от того, присутствует ли аналитик в своей внутренней аналитической рамке, чтобы начать этот процесс. Как выразился А. Грин, «для аналитика не менее серьезно ошибиться в своих собственных возможностях, чем возможностях пациента» (Green, 2005), и это нам указывает на сложность принятия того решения, которое должен принять аналитик по окончании ППИ: предложить ли психоаналитический процесс интервьюируемому, и если да, то с каким кадром.

Психоаналитическое первичное интервью всегда было для представителей французской школы психоанализа предметом особого исследования, поскольку размышления о возможности предложения пациенту психоаналитического кадра, позволяющего организовать психоаналитический процесс, чрезвычайно важны; такой кадр можно предложить, исходя из оценки психического функционирования пациентов с учетом их способностей к регрессу во фрейдовском смысле работы сновидения.

В ходе нашего теоретического исследования мы увидели, что реакция интервьюируемого на первую встречу зависит от его паттерна ранних объектных отношений, степени дезорганизованности привязанности, уровня травмированности, ригидности психических защит. На первой встрече часто выходят на первый план примитивные тревоги, воспоминания о травмирующем опыте или его аффективное повторение. При этом пациент может использовать примитивные защиты, это чаще всего проекция или проективная идентификация. Все это помещает аналитика перед лицом сложных задач – выживать в «эмоциональной буре», восстанавливать свою способность думать, подвергаясь аффективным атакам, сталкиваясь с неизвестным в другом, претерпевая преходящую потерю идентичности. Одним из главных залогов успеха этой работы является создание психоаналитического пространства, в котором аналитик сможет взглянуть на себя от третьего лица, что позволит стать этому пространству трансформирующим.

Также мы выяснили, что ППИ имеет свой определенный кадр, который соответствуют решению задач интервью, и свои технические характеристики. Из них наиболее важные направлены на то, чтобы бережно обходиться с психикой интервьюируемого, не взламывая его защиты, не рана его нарциссизм, не провоцируя на поведенческие или соматические реакции (или другие привычные способы регрессии). Интерес аналитика к внутреннему миру другого, как встроенный бессознательный механизм, который мотивирует организовать первую встречу с интервьюируемым, крайне необходим. Ведь именно он является тем аттрактором, который запускает механизм интереса пациента к своему внутреннему миру.

А. Грин в своей работе «Аналитик, символизация и отсутствие в аналитическом сеттинге» пишет: «Любой предел будет перешагнут из-за интереса, возникшего к пациенту, возможно, в стоворе, но с желанием отправиться в новое приключение. Лично я не считаю, что все пациенты поддаются анализу, но я предпочитаю думать, что пациент, в отношении которого у меня есть сомнения, не поддается анализу с моей стороны. Я осознаю, что наши результаты не соответствуют нашим амбициям и что неудачи встречаются чаще, чем мы могли бы надеяться» (Green, 2005). Винникотт показал нам необходимость повторения неудач, пережитых в окружающей среде, и мы знаем, какой всемогущий триумф испытывает в результате пациент, независимо от того, становится ли ему лучше после завершения или он продолжает оставаться неизменным. Возможно, единственная неудача, за которую мы несем ответственность, – это наша неспособность привести пациента в контакт с его психической реальностью. И возможно, только благодаря терпению, собственной психической «выносливости» аналитик, несмотря на «эмоциональную бурю», так часто бушующую на первичных интервью, предлагает пациенту начать это сложное путешествие на пути познания своего внутреннего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айзенштейн М. К* вопросу об аллергических объектных отношениях, Зелиг и Хейкенг. Статья, предоставленная к семинару М. Айзенштейн, 22.06.2023 г. [Электронный ресурс] <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-psychosomatique-2018-2-page-129.htm>
2. *Бержере Ж.* Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника / Пер. с фр. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. Серия «Классический университетский учебник». Вып. 7.
3. *Бион У.* Извлекать максимум пользы из плохой работы // Бюллетень Британского психоаналитического общества. Февраль 1979.
4. *Винникотт Д., Райх А., Кернберг О., Сандлер Д. Этчегоен Г.* Эра контрпереноса. Антология психоаналитических исследований (1949–1999 гг.) / Науч. ред.: И. Ю. Романов. Киев: Издательство Ростислава Бурлакова, 2021.
5. *Грин А.* Нарциссизм жизни, нарциссизм смерти. М.: Когито-Центр, 2023.

6. *Гринсон Р.* Техника и практика психоанализа / Пер. с англ. Изд. 3-е. М.: Когито-Центр, 2018.
7. *Жибо А.* Первичное интервью // Уроки психоанализа на Чистых прудах. Сборник статей приглашенных преподавателей. Вып. 2. М.: Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах, 2023, М.: Наука, 2023.
8. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. В. Снигур. М.: Независимая фирма «Класс», 2015.
9. *Малер М. С., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2018.
10. *Марти П.* Ментализация и психосоматика // Журнал Института психологии и психоанализа на Чистых прудах. URL: <https://psychic.ru/mobil/artic/somatics.htm>, 2014.
11. *Огден Т. Х.* Проективная идентификация и терапевтическая техника. Киев: Издательство Ростислава Бурлакова, 2020.
12. *Огден Т. Х.* Мечтание и интерпретация: Ощущая человеческое / Пер. с англ. А. Ф. Ускова. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
13. *Смаджа К.* Оперативная жизнь: Психоаналитические исследования / Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2014.
14. *Фрейд З.* Собрание сочинений в 26 томах. Т. 1. Исследование истерии. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2020.
15. *Фрейд З.* Хрестоматия: В 3 т. Т. 1: Основные понятия, теории и методы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2016.
16. *Фрейд З.* О начале лечения // Собр. соч.: В 26 т. Динамика переноса. Психоаналитическая клиническая теория. Т. 10–11. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2019а.
17. *Фрейд З.* Советы врачу при психоаналитическом лечении // Собр. соч.: В 26 т. Динамика переноса. Психоаналитическая клиническая теория. Т. 10–11. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2019б.
18. *Фрейд З.* Торможение, симптом, тревога // Собр. соч.: В 26 т. Динамика переноса. Психоаналитическая клиническая теория. Т. 10–11. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2019с.
19. *Фусу Л. И.* Особенности сновидений при лиминальном (психосоматическом) функционировании // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. 2(1), 71–80. [Электронный ресурс] <https://psychoanalysis-journal.hse.ru/article/view/12411>.
20. *Швек Ж.* Добровольные галерщики. Очерки о процессах самоуспокоения / Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2016.
21. *Шниц Р., Коблинер Г.* Первый год жизни. М.: Академический проект, 2006.
22. *Этцгоен Г.* Основы психоаналитической техники / Под ред. В. А. Агаркова. М.: Когито-Центр, 2020.
23. *Reith B., Gibeault A., Møller M., Boots J., Crick P., Jaffè R., Lagerlöf S., Vermote R.* Beginning Analysis. (2018) On the Processes of Initiating Psychoanalysis. General Editor: Alessandra Lemma. London and New York: Routledge.

24. *Bion W.* (2013) Los Angeles Seminars and Supervision. Edited by J. Aguayo and B. Malin. London: Karnac Books.
25. *Green A.* (2005) The Analyst, Symbolization and Absence in the Analytic Setting / On private madness. London: Karnac Books.
26. *Marty P.* (2006). La relation objectale allergique. Revue de Psychosomatique.

Features of conducting a psychoanalytic primary interview

E. I. Terekhova

Terekhova Elena I., psychoanalytically-oriented psychologist, clinical psychologist, associate member of the Moscow Psychoanalytic Association.

The article is devoted to researching and describing the peculiarities of the psychoanalytic initial interview, answering a number of questions: what makes a psychoanalytic initial meeting "psychoanalytic"; what should happen at the initial interview to make psychoanalytic treatment possible; what are the possible difficulties along the way. In this article, the author proposes to identify the advantages and disadvantages of different approaches in conducting initial interviews and to highlight debatable issues on the topic that continue to be explored in contemporary psychoanalysis.

Based on the understanding that the beginning of psychoanalytic work is first and foremost the creation of an analytic couple, the psychoanalytic initial interview is a completely new situation for both participants, it is not an ordinary meeting, but it is not yet the beginning of psychoanalytic therapy or psychoanalysis. Despite the perfect uncertainty and the situation of total unpredictability, the two interviewees must find a way to face the exciting and mostly unconscious issues in the patient's life. In this situation, the analyst must not only hear and understand the patient by following the patient, but first of all contain the tension, the "emotional storm" that unfolds at the first encounter; be able to assess the register of the patient's mental functioning in order to select the appropriate frame; and create the conditions that might allow engagement in the psychoanalytic process.

Keywords: psychoanalytic primary interview – PPI, beginning of psychoanalysis, beginning of psychoanalytic therapy, diagnosis, "emotional storm", countertransference.

ПСИХОАНАЛИЗ ГРУПП

Возможности метода SDM в изучении социального бессознательного и его влияние на проведение тематических групп

А. В. Дадыка, Е. В. Шаповалова

Дадыка Анна Владимировна – выпускница магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ «Высшая школа экономики», психолог, психоаналитический коуч, организационный консультант, генеральный директор компании «Комплексное решение».

Шаповалова Екатерина Викторовна – магистр менеджмента (LUBS, Лидс, Великобритания), магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), психодинамический коуч и бизнес-консультант, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solutions, старший преподаватель магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета и сертифицированный профессиональный бизнес-коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

В данной статье предпринята попытка исследовать возможности тематического применения метода социальной матрицы сновидений Гордона Лоуренса для изучения бессознательного контекста социального опыта и мобилизации мыслительных способностей участников матрицы для постижения новых смыслов. Увеличение количества социальных связей посредством современных технологий расширяет поле социального бессознательного контекста, которое ежедневно воздействует на человека. Сон же является вместилищем бессознательного.

В ходе исследования был проведен тщательный обзор теоретических основ метода с последующим более подробным анализом практического применения метода на примере проводимой тематической группы «Устойчивость лидера во время неопределенности». Эмпирическая часть позволяет взглянуть на социальное бессознательное с весьма любопытной для многих стороны, а в завершение статьи приведены выводы, которые могут быть полезны для дальнейшего развития метода SDM (социальная матрица сновидений) и его успешного применения как в организациях, так и в тематических группах.

Ключевые слова: матрица социальных сновидений, социальное бессознательное, рабочая группа, лидерство, сновидения, свободные ассоциации.

Ежедневно человеку приходится взаимодействовать с разными людьми, увеличивать количество социальных связей и налаживать уже имеющиеся взаимоотношения, однако это все очень сильно влияет на внутреннее состояние, в частности эмоционально истощает и приводит к нарастающему психологическому напряжению. Человеку становится все сложнее оставаться в своем «индивидуальном домике» без учета социального влияния, поэтому требуется найти способ постигать и осознавать то, что индуцируется внешней средой. Метод социальной матрицы сновидений предлагает рассмотреть работу с социальным бессознательным, что впоследствии поможет снизить тревогу и восстановить внутренний баланс человека.

Теоретические основы метода SDM

В статье Джулиан Менли «Матрица социальных сновидений Гордона Лоуренса: предыстория, происхождение, история и развитие» отмечено, что идея матрицы социальных сновидений возникла не из тщательно обдуманной теории или идеи, а скорее сложилась в результате ряда обстоятельств, не все из которых были случайными для ее «первооткрывателя», Гордона Лоуренса (*Manley, 2014*). Если говорить о теории, признанным первым источником социальных сновидений была книга Шарлотты Беррадт «Третий рейх снов», из которой Лоуренсу стало ясно, что набор индивидуальных снов, в данном случае записанных немцами между 1933 и 1939 годами, может рассказать общественную (социальную) историю, а не просто личную (*Lawrence, 1998*). Но если говорить именно о практике с данным методом, непосредственным триггером для Лоуренса стал результат его работы с группами в Тавистокском институте, во время которой он заметил, что у людей часто возникают сновидения, однако с ними никак нельзя поработать. По словам Лоуренса, способ работы с группами в тот период в Тавистокском институте делал невозможным рассмотрение сновидения как части групповой работы, поскольку сновидение понималось исключительно в сфере личного, то есть через отношения клинического аналитика и анализанта. Это разочаровало Лоуренса, потому что на интуитивном уровне он понял, что в сновидениях есть нечто жизненно важное для группы, но это нельзя выразить и учесть. Впоследствии это разочарование поспособствовало тому, что в 1982 году он и его коллега Патрисия Дэниел запустили первые матрицы социального сновидения, серию под названием «Проект в области социального сновидения и творчества». Можно сказать, что данное расхождение индивидуального и общественного взгляда на сновидение явилось фундаментальным в развитии метода. В первом отредактированном сборнике эссе Лоуренса на тему социального сновидения – «Социальное сновидение в работе» – рабочая гипотеза состояла в том, что общие сны отражают коллективный культурный продукт, социальное бессознательное, состоящее из диссоциированного и дезавуированного социального, политического и культурного опыта.

Воспользовавшись свободой мысли, которую предоставили ему социальные сновидения, Лоуренс принял как должное природу сновидения в социальном сновидении как относящегося к общему бессознательному. Он не рассматривал возможность того, как может работать фрейдистское предсознание; он также не беспокоился о возможности того, что сновидение, принадлежащее только одному человеку в матрице, может быть передано другим, но при этом будет сохранять статус личного сновидения. Для Лоуренса, оказавшегося в «контейнере» матрицы, сновидение было общим сновидением и больше не принадлежало никому конкретно. Доказательство этого общего бессознательного в социальных сновидениях понимается как частично демонстрируемое воспринимаемым отсутствием людей, связанных друг с другом психодинамически интерактивными способами, которые были бы типичны как для общих, так и для индивидуальных взаимодействий в рамках нормальной групповой работы.

Слово «социальный» использовалось как способ отличить «социальные» сны, представленные в матрице, от «индивидуальных» снов, которые обычно связаны с интерпретацией сновидений в контексте психоанализа. «Социальное» в этом смысле противоположно личному. Акцент в матрице социальных сновидений делается на сновидениях, а не на сновидце, то есть на «социальном», а не на индивидууме.

Рабочая гипотеза утверждала, что можно «видеть сны, которые выходят за рамки личных забот человека и перекликаются с опытом в обществе, на работе, в семье и других системах». Точно так же цель матрицы социальных сновидений была описана как «помочь участникам творчески использовать свое бессознательное, чтобы найти новые способы исследования социальных проблем».

Однако после многих лет практики и развития вместо «исследования социальных проблем» Лоуренс позже стал говорить «новые способы мышления». Другими словами, узкие рамки, подразумеваемые «социальными вопросами», были расширены, чтобы включить более сложные слои значения и возможности. По словам Лоуренса, «социальное» касается общества в целом, окружающей среды космоса (*Lawrence, 2006*).

Эта «космическая среда» явно больше, чем то, что иначе можно понять как «социальное». Если проследить эволюцию Лоуренса от узкого определения «социальное» к понятию «космос», окажется, что под этим он подразумевает общее знание, которое хранится в каждом из бессознательных умов до тех пор, пока оно не может быть преобразовано в сознательную мысль.

Это различие также является частью эмпирического понимания матрицы социальных сновидений многими людьми. «Социальное» становится недостаточным для описания общего понимания матрицы. Для многих участников возникает ощущение общего знания в каком-то другом, трансцендентном царстве, которое кажется более близким к ощущению матрицы. Это ощущение, которое предполагает, что участники матрицы разделяют форму знаний, мыслей и чувств о сложных вопросах человечества, которые трудно экстраполировать в ходе «нормального» осознанного мышления. Это может быть «космос» Лоуренса или более значимые

вопросы: «Значимые вопросы могут быть исследованы в SDM (матрица социальных сновидений) – смерть/жизнь, правда/ложь, бесчеловечность человека по отношению к человеку, экологические проблемы, политика и т. д.» (*Lawrence, 2006*).

Впервые введенная и примененная клиническим психологом Эрихом Фроммом и психоаналитиком Карен Хорни, первыми психоаналитическими культурологами, концепция социального бессознательного, получила более современное определение и была исследована групповыми аналитиками Эрлом Хоппером и Хэймом Вейнбергом. Хоппер предположил, что последствия социальных фактов, скорее всего, будут бессознательными, нежели сознательными. Концепция социального бессознательного относится к существованию и ограничениям социальных, культурных и коммуникационных механизмов, о которых люди не подозревают, поскольку эти механизмы не воспринимаются (являются неизвестными), а если и воспринимаются, то не признаются (отрицаются), а если признаются, то не принимаются как проблематичные (данные), и если воспринимаются как проблематичные, то не рассматриваются с оптимальной степенью отстраненности и объективности (*Hopper et al., 1996*).

У каждого человека есть уникальное личное бессознательное, созданное на основе его или ее личного опыта. Однако оно встроено в бессознательное, разделяемое обществом и культурой, в которых протекает биографическая жизнь. «Социальное бессознательное», согласно Хопперу, можно понимать как три категории социальных явлений, производных от культурных элементов, связанных с обществом и всеми его социальными институтами. Во-первых, это то, о чем люди не подозревают, но о чем они знали раньше, например эдипов комплекс. Второе – это то, чего они не осознают, но частично осознают. Примером может служить фантазийная жизнь, существовавшая до приобретения языка. В-третьих, есть то, о чем люди не знают и чего они никогда не знали. Это информация, которая едва доступна познанию и не может быть познана напрямую. Такое знание может быть архаичным или принадлежать динамическому бессознательному (*Hopper et al., 1996*). Опять же, социальное бессознательное по своей природе имеет бета-элементы, как постулировал Бион, которые доступны для преобразования в альфа-элементы посредством сдерживающей функции матрицы.

Бион придерживался точки зрения, отличной от эдипальной, сосредоточившись на том, как люди приходят к знанию и пониманию из сновидений (*Бион, 1952*). Эта эпистемическая точка зрения прославляет творческий процесс сновидения, результаты которого воплощаются в культуре общества. Культура возникает, когда люди взаимодействуют между известным и неизвестным, конечным и бесконечным. Достижение Биона состояло в том, что он увидел в сновидении соединение разрозненных элементов эмоционального опыта в единое целое, каким бы причудливым ни было содержание сновидения. Это поставило под сомнение теорию Фрейда о том, что сны существуют для того, чтобы скрывать желания и потребности отдельных сновидцев. Сосредоточившись на развитии мышления и знаний, Бион расширил основу для понимания сновидений, освободив их

от привязки к индивидуальной психике. Он назвал эту вершину Сфинксом (Бион, 2010). Социальное сновидение занимает эту вершину познания в понимании сновидения, потому что оно имеет дело с решением загадки познания. Это открывает новые пути к пониманию важности сновидений и снов. Концентрируясь на сне, а не на человеке, которому он снится, обращаются к культурному контексту сновидения. Помимо прочего, говоря о Бионе и его работах, связанных с теориями бессознательного, необходимо отметить, что, основываясь на них, Лоуренс выдвинул предположение, что социальное сновидение было связано с идеей Биона о Сфинксе. В отличие от Эдипа, Сфинкс представлял идею интеллектуальных проблем и знаний, подходящих для групповой работы, в то время как Эдип занимался парами в групповой работе или диадными отношениями в работе аналитик – анализант (Lawrence, 2011).

Открытие Гордоном Лоуренсом социальных сновидений – это революционный поворот и интеграция двух уже революционных идей, предложенных Уилфредом Бионом: полевой теории групповой динамики и работы со сновидениями как ментализации неразрешенного и непереваренного эмоционального опыта. Бион предположил, что процесс сновидения является способом действия человеческой психики (альфа-функцией) для преобразования необработанного, проблематичного эмоционального опыта в элементы для осмысления уникальной знаковой системы, картинок и киноподобных образов, используемых в повествовании о сновидениях (Бион, 1952). Следуя примеру Биона, Блехнер утверждает, что работа со сновидениями или процесс сновидения облегчают доступ к неосознанному опыту, то есть опыту за пределами слов. Он указывает, что свободные ассоциации, из-за их зависимости от языка, не обеспечивают такого исключительного доступа, как сновидения, к неоформленному, несимволизированному, следовательно, бессознательному опыту. Идеи Блехнера, по-видимому, описывают процесс, очень похожий на работу со сновидениями Биона, который происходит как во сне, так и в бодрствовании: сновидение – это процесс, который «преобразует» необработанный эмоциональный опыт в психологическую организацию (альфа-элементы), так что с ним можно осмысленно мыслить.

Бермудес предполагает, что «социальное сновидение» – это разновидность «альфа-работы сновидений» на групповом уровне, которая пытается преобразовать проблемный, неразрешенный опыт в более крупных системах (организации, сообществе, социуме и т. д.) в значимую эмоциональную согласованность (Bermudez et al., 2018).

Теория мышления Биона предполагала, что мысли существуют и что люди развивают аппарат для управления ими, который называется мышлением. Мысль существует генетически и гносеологически до мышления. Мышление – это процедура управления количеством поступающих в психику раздражителей. Мысли – это чувственные впечатления и примитивные эмоциональные переживания, вызванные опытом реальности.

Из этой протоментальной системы знание может быть получено посредством действия мышления. В этом процессе задействуются альфа-функции, необходимые для сознательного мышления и рассуждений,

для преобразования бета-элементов в альфа-элементы. Альфа-элементы являются неотъемлемой частью мыслей сна. Если альфа-функция не может работать, эмоции остаются бета-элементами, которые «не поддаются использованию в мыслях сновидения», остаются неперевавленными фактами и могут быть использованы только для отыгрывания (Бион, 1952). Альфа-функции и альфа-элементы имеют решающее значение для использования в мышлении и сновидениях. Это были гипотезы Биона о связи между эмоциями и знанием.

Достижение Биона состояло в том, что он доказал, что функция сна состоит в том, чтобы синтезировать фрагментарные элементы эмоционального опыта в единое целое.

Бион предположил, что сновидения состоят как из альфа-элементов (необработанный опыт, преобразованный в осмысленную организацию), так и из бета-элементов (неметаболизированный, неинтегрированный психотический опыт) (Бион, 2010). Бермудес же в свою очередь обнаружил, что это полезный способ поразмыслить над эффективной матрицей социальных сновидений и способствовать ей: как фасилитатор ведущий должен быть готов лично сдерживать и помогать матрице содержать, думать, размышлять о часто болезненных, неинтегрированных психотических переживаниях. В то же время ведущий может оставаться менее активным, позволяя матрице участников развивать свое собственное мышление с помощью имеющихся в ее распоряжении альфа-элементов. Изабел Мензис-Лиф проясняет этот момент: «Тонкость интуиции Биона заключалась в выявлении менее очевидных, но чрезвычайно влиятельных психотических явлений, которые возникают в группах, внешне ведущих себя разумно, хотя и немного странно; группах, участники которых являются клинически нормальными людьми или невротиками и работают более-менее эффективно» (Menzies-Lyth, 1981). То есть это не говорит о том, что группа при проведении матрицы должна внешне вести себя неадекватно. Со стороны, а тем более изнутри группе кажется, что все происходящее вполне логично. Как, например, уход в ассоциации и начало рефлексии, вместо того чтобы делиться сновидениями в матрице.

Под влиянием всех вышеперечисленных теоретиков и исследователей складывается следующий взгляд на сны: в целом это метафорические попытки интегрировать, разрешить и отрететировать варианты решения событий (стрессовых или травмирующих, или дезорганизирующих), которые еще предстоит полностью пережить, представить и засвидетельствовать собственному разуму сновидца или другому разуму. Травмирующие и дезорганизирующие переживания нуждаются в другом сознании, чтобы помочь в усвоении, создании смысла и восстановлении психологической согласованности, непрерывности и самоуважения. Добавляя влияние Эриксона и Лоуренса, можно утверждать, что матрица социального сновидения (SDM) обеспечивает контейнер для достижения способности к рефлексии для неформализованного и несимволизированного коллективного опыта групп. SDM – это путь к исцелению коллективной

травмы, если SDM генерирует необходимое общественное признание и свидетельство диссоциированной, лингвистически несимволизированной травмы.

Организация кадра SDM и его влияние на творческий процесс

Первое, на что важно обратить внимание в разрезе особенности мышления, – кадр, за счет которого создается благоприятное поле развития матрицы социальных сновидений. Подобные встречи могут проводиться в онлайн- и офлайн-формате. Количество участников варьируется от 5 до 200. Важным моментом организационного процесса является форма раскладки на время самой матрицы. В офлайн-мероприятиях это форма спирали или снежинки. В онлайн-формате это выключенные камеры во время обмена сновидениями. Стоит отметить, что некоторые ведущие не призывают участников выключать камеры. По нашим наблюдениям, участники чувствуют себя более комфортно, и матрица наполняется большим количеством сновидений и образов, когда участники могут выключить камеры. По времени матрица длится от 40 минут до одного часа. В один день может проводиться несколько матриц, в зависимости от количества участников и формата мероприятий.

Матрица открывается словами ведущего *«Наша задача: трансформировать мышление, через исследование сновидений, следуя методу свободных ассоциаций, амплификаций и системного мышления с целью найти связи и взаимосвязи, открыть новые мысли и новое мышление. Каков же наш первый сон?»* Это творчество, заложенное в «новом мышлении», и есть сама суть матрицы социального сновидения. Если бы матрица была просто пересказом историй и образов из сновидений людей, тогда в ней было бы очень мало смысла вообще и для участников в частности. Франка Фубини в своих статьях указывает на то, что с помощью матрицы сновидений в организации с командами создается библиотека образов, реальных образов корпоративной культуры, не тех, которые из головы придумываются, а реальных образов о том, о чем организация. И это помогает людям через образы далее обсуждать разные сложные вещи, апеллировать к этой библиотеке. Когда зародилось социальное сновидение, «творчество» было такой же частью проекта, как и «социальное сновидение», что было ясно из названия первой матрицы: «Проект социального сновидения и творчества». Интересно, что важность творчества в социальном сновидении также была предметом одной из последних публикаций Лоуренса «Креативность социального сновидения».

Однако следует заметить, что в матрице делается все возможное, чтобы избежать классической динамики групповой работы. Вместо этого поощряется свободная ассоциация. Данное различие отражается в иной роли ведущего социального сновидения. В социальном сновидении потребности участников в основном не связаны с контейнированием или обучением через полученный опыт. Вместо этого им необходимо удерживать некоторое пространство, позволяющее рассказывать сны и связанные с

ними образы посредством свободных ассоциаций. Часто становится заметным, что ведущий вносит свой вклад в матрицу как участник, который имеет больше общего с другими участниками матрицы по сравнению с консультантом по групповым отношениям. Ведущий матрицы достигает этого, воздерживаясь от интерпретации и суждения, при этом связывая и соединяя разрозненные образы сновидения с целью освещения возникающего смысла. Функция консультанта, заключающаяся в связывании и соединении, становится важной благодаря активному использованию свободных ассоциаций в матрице. Давая возможность участникам говорить о своих спонтанных и возникающих ассоциациях со сновидениями и образами, матрица часто становится пространством, которое иногда может напоминать несколько хаотичный поток сознания. Ведущий матрицы пытается подбирать подходящие связи между тем, что другим участникам может казаться несвязанным скоплением различных изображений. В результате иной своей роли ведущий социального сновидения будет предлагать гипотезы, которые могут помочь их большему пониманию, но он никогда не будет говорить о конкретном смысле.

Существуют различные способы проведения постматричных сеансов. Обычно за матрицами следует ведение диалогов. Смещение от фантазийного пространства матрицы к диалоговому пространству сопровождается перестановкой стульев в прямоугольник так, чтобы они не были ни снежинкой, используемой при работе с матрицами, ни круговой рассадкой малой группы, используемой в классическом собрании группы. Раньше такие диалоги состояли из двадцатиминутного обсуждения опыта участия в матрице. Однако практика простого диалога получила свое развитие, и начали предприниматься попытки понять значение матрицы, при этом не попадая в «ловушку» интерпретации. Значение слова диалог в данном контексте тесно связано с использованием этого слова Дэвидом Бомом в его книге «О диалоге», где он говорит о совместном мышлении и неосознанности. Однако в последнее время стала намечаться тенденция попыток возвращения к самим сновидениям, например, путем некоего синтеза образов сновидения в группе отражения сновидения (или системного синтеза) (Bohm, 2004). Эта возможность позволяла участникам с помощью ведущего, выполняющего роль фасилитатора, поразмышлять над образами из сновидения, которые связаны между собой, чтобы сформировать некий «коллаж» образов, из которых выдвигаются одно или несколько рабочих предположений.

Сновидение как «валюта» матрицы

Цель матрицы социальных сновидений состоит в том, чтобы свободно ассоциироваться со снами, которые становятся доступными, чтобы устанавливать связи и находить связи в мышлении. Сновидящее мышление и мысль – это «валюта» матрицы, а не личные отношения ее участников. Концентрируясь на образах и размышлениях, матрица становится творческим источником новых знаний для каждого участника, когда они связываются со снами. «Толкование сновидений» Фрейда было, конечно,

ключом к пониманию свободных ассоциаций. Лоуренс показал, как можно использовать свободные ассоциации применительно к матрицам социальных сновидений. Каждый сон вызывает у участников ассоциации, которые приводят к тому, что матрица становится многогранной смысловой вселенной. Дополнительным методом является амплификация, которую Юнг использовал для понимания сна в терминах коллективного бессознательного. Амплификация подтверждает статус сна, исследуя его социальный контекст и вызываемый им символизм.

В работе Джорджа Бермудеса «Матрица социальных сновидений как способ для обработки имплицитных расовых предубеждений и коллективных расовых травм» предполагается, что теория социальных сновидений и модифицированное применение матрицы социальных сновидений Гордона Лоуренса, метода для группы как целого, не только обеспечивают окно в социальное бессознательное, но и могут служить «контейнером» в бионическом смысле, для обработки и потенциального исцеления «травмы» (Бермудес, 2015).

В отличие от открытого и нетерапевтического подхода Лоуренса, Бермудес упростил матрицу социальных сновидений и сосредоточил внимание на теме интеграции теории групп с современной теорией сновидений. Бермудес предполагал, что этот подход освещает травмированное «групповое я». Основная задача состоит в том, чтобы обнаружить социальный смысл доступных сновидений в матрице.

Есть несколько других фундаментальных предположений: первое – сновидения, созданные в SDM, являются общим достоянием сообщества сновидящих, второе – внимание должно быть сосредоточено на сновидении, а не на сновидце, что способствует созданию безопасного ментального пространства, третье – к выяснению значения сновидения следует подходить с позиции рабочей гипотезы.

Тематическое применение метода SDM

Для исследования уникального переходного пространства социальной матрицы сновидений и его тематического применения как метода совместного исследования коллективного бессознательного нами была организована тематическая группа SDM «Устойчивость лидера во время неопределенности». Всего было проведено девять матриц, встречи проводились раз в неделю онлайн, по времени длительностью один час (40 минут матрица, 20 минут рефлексия). Во время матрицы участники делились сновидениями, ассоциациями и амплификациями, во время рефлексии участники обсуждали сны и образы матрицы, соотносили с собой и предложенной темой. Количество участников варьировалось от пяти до десяти человек, все участники были слушателями магистерской программы НИУ ВШЭ «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование».

Исследование проводилось в рамках написания магистерской диссертации и имело две гипотезы, обе из которых подтвердились в ходе исследования:

– первая гипотеза состояла в том, что тематическое применение SDM Гордона Лоуренса позволяет осмыслить бессознательный контекст социального опыта, мобилизует мыслительные способности участников матрицы и ведет к постижению новых смыслов;

– вторая гипотеза состоит в том, что первый сон задает тон мелодии всей матрицы сновидений.

Линия развития группы в SDM

В предложенном исследовании была описана каждая из проведенных встреч. Вначале описывались чувства и эмоции, о которых шла речь в сновидениях и ассоциациях во время матриц, указаны образы и метафоры, а также мысли, рефлексия, идеи о том, какая связь прослеживается с темой матрицы. В описательной части матрицы приведены только первые сны каждой матрицы, но описаны отсылки и к другим снам.

Матрица 1. Ассоциации как отражение закрытых дверей в сновидениях

Матрица началась со сна, который поразил всех участников и прошел через последующие матрицы. Первая матрица была наполнена расщеплением. Есть черное и белое, хорошее и плохое, имеется двойственность в чувствах и переживаниях. Отсутствие страха и в то же время присутствие страха, желание очистить пространство и при этом не обращать внимания на грязь. Интерес и удивление от происходящего. Чувство силы. Надежда. В снах жизнь и смерть, перерождение. Ощущение между возбуждением и страхом или возбуждением от страха. Имеется большое количество ассоциаций. Участники делились ощущениями бессмысленности, когда в пространстве было много ассоциаций. Смысл возвращался вместе со сновидениями.

«Не могу забыть. Приснился в деталях. Сон в том, что как будто бы я выхожу на улицу и на улице очень много грязи. Иду по грязи, чтобы не наступить на нее. Вижу женщину в белом, она не знает, как пройти, мужчины падают в грязь, и у них изо рта идет грязь. Женщина в белом испугана, и я ей говорю: «Ничего не бойся, просто иди за мной». Нет жалости и сожаления к мужчинам, это как то, что им нужно было пройти. Зашли в дом, в котором мужчина оставил очень много мусора, подожди, нам нужно сначала убрать, начинает убираться. Даже крошки подбирает. Теперь чисто».

Во время рефлексии первой матрицы у участников было много обращений к самому первому сну, рассуждения о женщине в белом платье, которая с грязными мужчинами никаких чувств не имела и не стала иметь. Женщина в белом рассматривалась с разных сторон. Хорошая она или плохая, а если хорошая, то почему? Просто потому, что она белое платье надела? А есть мужчины, которые лежат в грязи и изо рта грязь. А может

быть, это процесс очищения, изменения? Эта грязь должна из них выйти, для того чтобы они куда-то продвинулись. Очевидное не очевидно. Кто же в этом сне лидер? Сновидец или женщина в белом? Должен ли лидер кого-то спасать? Какая роль у лидера, когда происходит неопределенность? Как остаться в лидерской позиции во время неопределенности?

Рассуждения о расщеплении, что-то не может соединиться друг с другом. Мысли отдельно, сны отдельно. Последний сон в матрице:

«Я просыпаюсь, открываю двери спальни, а там нечто, чего не хочется видеть».

Он ассоциировался с отношением участников в матрице к сновидениям. Открываешь дверь в сновидения, а там нечто неприятное. Дверь закрывается, и дальше можно просто ассоциировать более чисто и опрятно.

У участников появляются фантазии о том, что лидерская роль заключается в соединении между собой расщепленных частей, все сны были черные или белые, отсутствовала интегрирующая часть. В процессе рефлексии возник спор между мужчиной и женщиной вокруг сна, где были две женщины и двое мужчин. Ведущий группы связал это с идеей расщепления. Далее участники занимают однозначную позицию относительно того, где правые и неправые, где лидеры, где нелидеры, где те, кого надо спасать, где те, кого не надо спасать. И это связалось у них с другой мыслью, с ощущением, как бы при запланированных девяти сессиях все понять и дать ответ на вопрос прямо уже после первой. То есть проявляется нетерпеливость, преждевременность, вместо того чтобы какое-то время поваляться в этой грязи незнания и непонимания.

Образ мессии, возникший в сновидении, ассоциировался с новым, с темой лидерства во время кризиса как переходная роль: внутренний мессия лидера как рождение нового, чего раньше не было. Создание нового при потере опор.

Особое внимание хочется уделить желанию участников исследовать тему устойчивости лидера во время неопределенности, как бы держа в голове какого-то внешнего лидера и способы устойчивости. Звучала тема ощущения себя бесполезным в толпе, маленьким потерянным ребенком. Возникает мысль, что этому ребенку нужно найти свой способ вернуться в состояние ощущения себя человеком не пустым и бесполезным. Вот про это лидерство идет речь, а не про внешнего лидера. Тема не столько исследовалась с разных сторон, сколько участники пытались рассмотреть одну крайность.

Фантазии о том, что лидерская роль заключается в том, чтобы соединить между собой расщепленные части, привели участников к размышлениям, что для роли лидера крайне важно находить быстрые решения и о том, как лидеру внутри себя совместить мужское и женское. Мужское – жесткое, как принятые решения в деле, в работе, но при этом нужно женские переживания разместить в мужской роли лидера.

Матрица 2. Образы дезинтеграции в коллективном бессознательном, или Игры в маски

Вторая матрица открывает цикл сновидений о перевоплощении женского в мужское. Первые сновидения участников пропитаны страхом, женщине угрожают мужчины. Приходится притворяться. Чувства: страх ошибиться и при покупке выбрать суку вместо кобеля; воодушевление, сила при покупке коня; нерешительность, страх попросить помощи, удивление оттого, что тебе помогают; страх притворства, долгий выбор маски; решительность, воодушевление, сила при переодевании женщины в мужчину.

«Сестре грозит опасность. Этот человек, который угрожает, уходит. Пытаюсь кричать: не надо, не надо. Не могу кричать. Ситуация неминуема. Понимаю, что мне нужно успокоиться, успокаиваюсь и спокойно ему говорю "не делай этого", и он этого не делает».

В процессе сны ассоциировались не с тем, что ты должен быть либо одним, либо другим, женским или мужским, а с тем, что есть желание убежать из женского в мужское.

Участницами ощущалась путаница, будто смешались лидер как функциональная единица в организации и лидерство как авторство жизни. Это защищало участников, потому что размышлять и рассуждать о лидерстве как об авторстве своей жизни и тогда соотносить материал матрицы с собой, со своими переживаниями, со своим опытом – это сложнее, чем рассуждать о каком-то лидере в организации, который других людей неизвестно куда ведет.

В некотором смысле это возможная задача дальнейшего исследования, чтобы для этой интеграции появились образы. Потому что пока образы есть в коллективном бессознательном про дезинтеграцию, про магические переходы одного в другое. Головой лидеры понимают, что нужна интеграция, но их психика эту интеграцию образами сновидений пока не презентует. Это может быть ответ на вопрос одного из участников, во что еще глубже группа не может погрузиться, в ту интеграцию, которая есть дезинтеграция психики, она есть, но страшно в нее погружаться, тем более когда есть знание, что ее нужно интегрировать.

Франка Фубини говорит, что с помощью матрицы сновидений в организации с командами создается библиотека образов, реальных образов корпоративной культуры, не тех, которые из головы придумываются, за все хорошее против всего плохого, а реальных образов о том, о чем организация. И это помогает людям через образы дальше вести обсуждение, апеллировать к этой библиотеке. Это наблюдалось во всех матрицах. Образы матрицы, такие как грязный лидер, щенки, кони, волки, женщина в белом, – реальная библиотека образов, через которые можно сложный опыт, называя этими образами, дальше обсуждать.

Матрица 3. Подступы к интеграции через выгрузку насильственных образов и чувств в сновидениях

Третью матрицу открывает сон о растерянности и страхе, давящем чувстве опасности, с ощущением долгой тягостности происходящего. Только видел одно, оборачиваешься – на том месте уже нечто другое. Хочется совершать действия, но ты не можешь. Женщины, дети, насилие. Все перемешалось. Невозможность рассоединиться с этими чувствами. Они просто есть.

«Взяла деньги, у меня нет карты. Жуткое состояние растерянности, страха. Ты не можешь их обнаружить».

Участники обнаруживали много страха в снах. В матрицу прорвалась годовщина теракта на Дубровке. Люди, погибшие от газа. Связались между собой женщины, мужчины, дети, какое-то незаконное притязание на энергию. Лидер, насилие и налоги. Опыт насилия и как хочется очиститься. Возникали рассуждения о способах выдерживания насилия. То, как выдерживать изнасилование и помогать тем, кто рядом, выдерживать подобное. Если раньше мы жили в период определенности, то сейчас мы живем в период неизвестности. Как будто бы эти чувства просто есть.

Третья матрица оказалась наиболее скудная в описании. О ней не хотелось говорить. Ее не хотелось описывать. Самые сложные переживания матрицы – те чувства, о которых не хочется говорить и обсуждать. Стоит отметить, что в момент подготовки материала к написанию данной работы наиболее сложный анализ возник при работе с материалом третьей и четвертой матриц. Материал был смешан, сложно было разделить матрицы, текст сливался в единый. Наиболее запутанные конспекты. Отсутствовало понимание, где начало, где конец. Создавалось впечатление, что нереально обработать материал, наиболее трудозатратный этап, который стопорил ход всей работы.

Матрица 4. Соприкосновение с грязью как путь к спасению

Четвертую матрицу открывает сон о сокровенном. Это ветхая шкатулка от важного человека, она стара, но ценна. Возникают идеи открытия, творчества, наполнения смыслом. Есть радость от приобретения ценности. Приходит ощущение важного в снах. То, что при пробуждении забывается. Тут же возникает сложность – страх открыться, как шкатулка из сна. Появляется чувство неуместности, препятствия, нерешительности. Страх потери сокровенного, страх обесценивания. Сны участников наполнены нерешительностью и робостью.

«Меня не оставляет сон. Каждую ночь после предыдущей матрицы снились яркие сны. Ко мне тоже во сне приходили учителя, но с другой программой. Мне снилось, что я в доме у своей преподавательницы. Эта женщина – у меня с ней проходит сессия, почему-то там мои

коллеги с работы в этой же квартире, и мы собираемся уходить, и приходит ее дочь, и она мне дарит какой-то подарок. Я ему очень радуюсь. Я не помню, что это за подарок, учительница мне говорит: "У меня еще кое-что для тебя есть". И она дарит мне шкатулку. Эта шкатулка, она такая как для украшений, которая открывается и выдвигается автоматически. Она раскладывается на 5 этажей веером. Она очень старая, со времен Советского Союза далеко до послевоенного времени или может военного. Она еле раскладывается, потому что она заржавевшая, потрепанная, очень старая и еле держится, скрипит. Но она мне так нравится, и в конце, когда ее раскладывают до конца, начинает играть красивая мелодия, как из музыкальной шкатулки. Подарок кажется невероятным, и, самое главное, мне не важно, какая она, эта шкатулка, мне нравится, что она именно такая, старая и дает такой красивый звук».

В начале рефлексивной сессии возникло обращение к самому первому сну первой матрицы, про мужчину в грязи и про двух женщин, которые обходят их. Возник интерес, что они испытывают и что испытывают эти мужчины. Они просят помощи, они очищаются или, может, им уже настолько все равно? Участник вспомнил историю в мифологии про то, как героиня спустилась в ад и там не было ничего. Это просто пространство, полное ужаса, и тьмы, и мрака. Единственное, что она успела заметить, – это грязь под ногтями, и благодаря этой грязи она вернулась на поверхность. То есть как будто бы это была спасительная грязь и это помогло ей выжить. Такое ощущение, что грязь, которая была у нее под ногтями, это было то единственное, что связывало ее не с адом. Идея некой спасительной грязи. Эти мысли увели участников в ассоциацию грязного лидерства как противоположности чему-то белому на белом коне, прекрасному, перекликаясь с историей, когда мужчины падали в грязь поглощенные грязью, – тоже спасение, примкнуть к чему-то.

Это все привело участников к ассоциации с гибкостью: если дерево не очень большое, тогда оно гибкое и оно меньше и слабее, чем какое-нибудь крепкое дерево. Крупное крепкое дерево ломается при определенной нагрузке, а небольшое, слабое может выдержать. Как пример возникла поговорка, что самый крепкий дуб во время урагана ломается. От обстоятельств, в которых мы развиваемся, зависит, какими мы становимся: либо очень мощными, либо гибкими. Либо ломаемся. Когда меняется все вокруг, сложно приспособиться. У нас есть разные доступы к нашему психическому. Когда сопротивляешься ситуации, это значит, как будто бы мы не согласны. В этот момент у участников появились воспоминания о прошлой матрице как о месте, где было много неприятия. В то же время у участников текущей матрицы возникали смешанные чувства, хотелось поучаствовать, но внутри сдерживались. Один из участников делился сложным переживанием своей жизни, где приходится принимать жесткие решения, которые даются очень непросто. Шкатулка ассоциировалась с ящиком Пандоры, представлялось, что это вовсе не ящик, а ларец и его запрещали открывать. Затем оттуда вылетели все невзгоды,

все несчастья, которые только могут быть, и только в последний момент шкатулка закрылась, и по легенде осталась на дне шкатулки Надежда.

В продолжении исследования темы естественной частью переживаний участников являются непонимание и отсутствие связности происходящего и скорее пока появляется больше вопросов. Отсутствует понимание ощущений, вокруг которых возникают вопросы, и при этом контрастирует желание контролировать, понимать, что происходит. Контролировать матрицу и что в нее скидывают сами участники. Возможно, это вопрос принятия внешней ситуации или принятия своей слабости в том, что невозможно проконтролировать. И сами сновидения, и ассоциации можно сопоставить с тем, что матрица смотрится и переживается как некая шкатулка и страшно заглянуть в нее. Возможно, очень много злости и отчаяния, к которому не хочется прикасаться. Что-то спрятано, есть, но, может, есть страх с чем-то соприкоснуться внутри себя. Безопасно здесь, в матрице, или нет? Но, с другой стороны, участники подходят к этому ящику уже в четвертый раз, не уходят, несмотря на все сложные переживания внутри. Возникают разные чувства относительно того, чтобы его открывать, потом закрывать, чтобы дозированно справляться с тем, с чем пока не знаем как справиться.

В процессе проведения третьей и четвертой матриц ощущались наиболее агрессивные и эмоциональные дискуссии. Несколько участников после этих встреч покинули матрицу. Возникал вопрос о сохранении ведущими границ матрицы. Тот момент, когда ведущий намекает, что в матрице чего-то не происходит. А какой-либо участник говорит: «В смысле, что не происходит?! Вы мне скажите, что еще должно произойти?!» И в этот момент вы говорите: «Я не знаю, что должно произойти». Ведущий не может дать обратную связь, что похоже на то, как будто наше отождествление с этими чувствами вызывает злость. Не может просто называть чувство, которое выражает участник. По сути, он ничего не может в принципе, так как это не работа с групповой динамикой коучинговой группы. И ничего с участником и его переживаниями делать не будет. Ведущий может только связать, что выражаемые участником чувства имеют отношения к теме.

Матрица 5. Дихотомия как переходное пространство

Пятая матрица открывается сном про хранителя лодочной станции и дельфинов, в котором ощущается двойственность о том, сохранность это или угроза. Центральной линией слышится жертвенность – ощущение себя жертвой или желание принести кого-то в жертву. Есть напряжение, волна тяжелого страха, ожидание. Возникающие сложности в снах во время проведения матриц добавляют еще больше напряжения на этом «сеансе». С одной стороны, страх, с другой – понимание, что ничего нельзя сделать и изменить ситуацию. Что-то скоро должно закончиться, но никак не заканчивается. Частичное чувство облегчения, но не до конца. Отвращение, бессилие, демоническое чувство удушья. Ощущение грязи и желание от нее очиститься.

«Хранитель лодочной станции, охраняю дельфинов».

Образы, привносимые в матрицу, удивляют своей дихотомией – слово, которое наиболее часто встречается в пятой матрице. Участница вспомнила, что во сне у нее была кровь, пятна крови на белом платье. Пошли ассоциации. Хлеб и вино – это Тело и кровь Христа. Любви и брачной ночи или насилия, знаки Христа или знаки демонического.

Возникают мысли, что когда организация становится грязной, то как же лидеры в ней чувствуют себя белыми на белых конях, как они эту позицию сохраняют в компании? И какое облегчение может принести лидеру осознание, что он тоже часть этого пространства? Далее следуют мысли о непопулярных решениях. Решениях, которые могут быть восприняты группой как плохие, как те, которые сложно принимать. Мысли про полярность – чтобы занять определенную сторону. Дуальность: так сильно хочется навести чистоту и порядок, порядок в хаосе. Только если навести порядок, тогда заработает. При этом умеи выдерживать/удерживать скорость воздуха, земли, воды. А как же огонь? Огонь, ад, кровь, потеря невинности. Запретный плод сладок, страх увязнуть в этих страстях. Также огонь ассоциировался с женской функцией «хранительница очага». Хранительница огня.

Ассоциации в снах – будто поиск способа соединить грязь и чистоту и способа разделить, очиститься. Дихотомия мужского и женского переходит в дихотомию чистого и грязного. Чистота, свет – Христос, пейте кровь мою и ешьте тело мое. Звучит мотив жертвенности. Поиск границы, где заканчивается рай и начинается ад. Если ты страстный, то ты душный. Исторгнуть из себя плохое, очиститься.

Если для этого пожертвуешь другими, то это позволяет сохранить разделение. А если это внутренняя жертва, грязное мертвое внутри, то это про объединение. Извращение реальности: невозможно вернуться в предыдущую реальность, и внутреннюю в том числе. Есть надежда справиться со своими страстями. Жестокости много, агрессии много, но она приписывается кому-то другому.

Пятая матрица наиболее обрывистая, единственная из всех, в которой пропущены сновидения, то есть имеются белые пятна, нечто стерто. Стертое является пограничным пространством перехода матрицы в иное эмоциональное пространство. До пятой матрицы было ощущение сопротивления происходящему, далее ощущалось развитие.

Матрица 6. Новый противоположный взгляд на первый сон. От бесчувственности к чувствам

Шестая матрица открывает чувство опасности, связанное с женскими фигурами и недоверием к мужским. Чувства участников в целом говорят об ощущении страха и угрозы. Глаза говорят одно, сердце другое. Попадаешь не на ту территорию, нужно срочно оттуда бежать. Со стороны кто-то говорит, что ты можешь сделать по-другому. Страх и недоверие к мужским фигурам. Вопрос о том, хотят ли они помочь или навредить,

хотят уберечь или нанести вред. Недоверие к воде, желание укрыться на берегу. Желание бежать дальше от берега. Непонимание от увиденного и происходящего. Смута: перепутаны угроза и ее отсутствие. Страх раскрытия, обвинения. Непонимание, знают окружающие о твоей вине или нет. Страх окончания жизни. Бомба замедленного действия. Отрешенность, спокойствие, отстраненность от событий, которые в обычной жизни вызывают гамму чувств. Отсутствие ужаса там, где обычно он есть. Страх нанесения увечий, женщинам угрожают женщины. Удивление от помощи, которую хочет оказать мужчина. Насилие женщины над женщиной. Вся группа матрицы женская. Возникает вопрос о цене женского героизма. Недоверие к себе и отсутствие веры в себя. В матрице присутствовали резкие, пробуждающие сны страха. Много фаллических символов: нож, змея, гвоздь. Вот один из снов.

«Как будто бы я еду на велосипеде по какой-то дороге, побережью, Юрмала, Фин. залив в СПб., хвойные деревья, солнце пробивается, она навливаюсь. Все колеса истыканы ржавыми гвоздями.

Иду с кем-то. Мужская фигура, но мне отвечают, но ты же едешь, все нормально, колеса-то едут».

В энергиях отношений «женщина – женщина» отсутствовало доверие: одна убийца, другая подозревает. Противостояние. Ожидание подвоха. Нужны ножи, чтобы превратиться или иметь хотя бы атрибуты мужского при встрече с женской энергией. Равнодушие женщины к женщине в момент сложности. Равнодушие к ребенку, который повис на гвозде. Связывается с тем, что было в других матрицах, с женщиной в белом, необходимо себя обелить, сделать святой, чтобы пол был чистый.

На этот раз у участников группы эта женщина не вызывает ассоциаций с прекрасным. Скорее с образом тумана, болота, и эта белая женщина – заманивающая в болото. Страх оттого, что она заманит тебя на смерть. В этот момент одна из участниц поделилась сном, в котором была женщина в белом платье: первая мысль была, что это свадьба, а потом оказалось, что это саван. Свадьба и похороны перепутаны. Все слилось во сне. Действительно, женщина в белом не обязательно невеста, это может быть Смерть. Может, это попытка защититься от плохого внутри? И тогда идея может быть в том, что у женщины тоже рыльце в пушку. Белым прикрываются, чтобы отстраниться от угрожающего. Возникла фантазия о первом сне, что женщина может пройти по мужчине, из которого исторгается грязь, как по помосту, и пойти дальше, подняв подол, в белых туфлях. Может, хотелось думать, что она хорошая? Так как это звучало в других матрицах. Но это было сложно соединить все вместе. А сегодня при всех тех сюжетах, которые озвучены, появилась такая возможность, сложно это не связать. Возникает равнодушие в ощущениях от снов: в матрице было много устрашающих сюжетов сновидений, но при этом не было сопутствующих сильных переживаний, страха. Как будто это все само собой разумеющееся.

В рефлексивном пространстве у группы были ассоциации от сновидения про отщепенную мужскую часть, которая просит быть проявленной, есть страх и недоверие, не разрушит ли это тебя и твое женское. И как будто бы здесь о том, как женщине оставаться в лидерской роли. Или как женскому не погибать и не умирать в любом лидере в момент неопределенности. Возникали вопросы про неинтегрированность. Например, во сне про велосипед недоверие к тому, что ты видишь, что ничего не происходит, нужен кто-то, кто подтвердит, что нужно ехать. Не присваивается себе право считать: что я вижу, то и есть.

В связи с темой самой матрицы говорилось о том, что был привычный взгляд на роль руководителя, что это такая мужская энергия, но в момент неопределенности у лидера уходит потребность в ней и нужно найти другие способы. Есть растерянность, пока не видишь в себе этого. Мужчина есть, и его нет, проходит мимо, проваливается в грязь. Также возникал страх, что за счет женских чувств, страстей в момент неопределенности женское доминирует над рациональностью. В этот момент ты захвачен страхами.

Ведущие предполагали, что происходит путаница между фаллическим и мужским. И женщина в попытке быть как мужчина становится фаллической, и эти фаллические объекты во сне – ими женщины друг друга повреждают или сами повреждаются. Женщины, девушки противопоставляются живым мужчинам, которые говорят: все нормально, ты можешь ехать. Которые на удивление помогают. Возможно, это про отношение женщин друг к другу. Про то, что происходит между женщинами, про ожидания женщин друг от друга, которые толкают женщин на эти фаллические гвозди, змеи, ножи и прочее. Про их желание не столько через отношения с мужчинами, через их взгляд на тебя показать, что ты крутая, у тебя есть опора, стержень, а сколько через глаза других женщин показать себя со стальными достоинствами. У мужиков тоже нет стальных достоинств, но женщины хотят их, гвоздей, ножей, а не этих настоящих пенисов, которые не такие крепкие.

Одна из участниц поделилась, что в момент проведения матрицы в соседней комнате мужчина громко разговаривает и тем самым вызывает раздражение. Это навело группу на мысль о том, что если представить себе организационный контекст, то если мужчина громко говорит, это является его признаком какой-то силы, крутой. Если женщина громко говорит, то это признак ее истеричности: она не владеет эмоциями. Одно и то же поведенческое проявление, но разная внешняя оценка. И тогда вопрос: куда женщине эти проявления девать?

Если взять два образа, солдата Джейн и Екатерины Великой, и задать вопрос, кто из них фалличнее, кто на самом деле с ножом за спиной, то и та, и другая могут обладать этой силой.

Матрица, уменьшившись по времени, не уменьшилась по содержанию. Неожиданная сновидческая резня ощущалась более комфортно, нежели предыдущие матрицы. Возможно, матрица становится более комфортной, чтобы эвакуировать сны, предположительно потому, что сама матрица развивается. Важно не только то, кто участвует, а как будто сама тема

развивается. В матрице возникло желание сузить запрос на женское лидерство. Это перепрыгивание от женского к женщине вызывает ощущение, что можно потерять что-то вместе с этим. Как будто бы женское есть только в женщине. Эти переживания есть только в женщине. Пока есть гипотеза, что матрица куда-то свернула, но нет ясности куда.

Матрица 7. Психическая бисексуальность

Седьмая матрица открывает цикл снов, ключевым посылом которых является стремление к освобождению. Что-то должно переработаться, чтобы переродиться. При этом появляется стыд от незнания, непонимания. Еще чувства и переживания: ощущение дохождения до определенной точки, физическое удовольствие и пробуждение от удара или смерти во снах; ощущение, что нужно отпустить нечто для того, чтобы ощутить гармонию и успокоение. В снах мужчин много стыда, в снах женщин много безразличия. Большое количество в снах чего-то неоформленного, обо что бьются, что ограничивает. Ощущение слабости во сне и бессилие от количества сил, вложенных в действие, но цель не достигается. Идея смерти как трансформация, нечто должно умереть для того, чтобы родиться вновь. Ощущается новая конфигурация матрицы с новыми участниками. Старое хоронится, а новое появляется. Как почва перерабатывается в первом сне.

«Еду на машине, красного цвета, я в ней нахожусь с дочерью, куда-то спешу, должна вернуться к компании. И в этот момент земля начинает развертываться, как будто сзади идет машина по переработке земли. И я понимаю, что моя машина соскальзывает с обрыва и мы с дочерью успеваем выпрыгнуть и оказаться на земле. А машину засасывает и приминает, раздавливает. Просыпаюсь в жуткой тревоге, и в этот момент я представляю, что не вылезла из этой машины и меня раздавило, и я испытываю такое облегчение в этот момент, что все тело расслабляется, и я засыпаю».

Сессия рефлексии начинается с личной истории участника, он рассказал о супруге, у которой в процессе родов были осложнения, и он осознавал, что может ее потерять. Продолжая слова песни, прозвучавшей в матрице «Вот был я старый, вот я новый, разбежавшись, прыгнуть со скалы», мысли уводили участников в путь сквозь жернова, чтобы что-то понять и начать делать. Очень хотелось легким безболезненным путем вдруг взять и понять новое, вдруг взять и начать себя как-то вести. Возникали сложности с этой реальностью, что что-то да будет вызывать страх, как машина из первого сна, молвшая землю.

Вспоминали о том, как говорили на прошлых матрицах про женское лидерство, и женщины никак на это не реагировали. Женщина – Мать-земля, хранительница всего. Как пришли из земли, так в землю и уйдем. Ощущение круговорота. В этом женском есть большая сила. И как будто

бы, если мы говорим на тему лидерства, женщина – это недооцененное существо.

Возможно, это безразличие к собственной уязвимости при мысли о родах и взгляд на этот процесс как метафорический. Безразличие к тому, что ты принесешь жертву, ты будешь мучиться, в твоём теле возникнут изменения. Безразличие принятия этого – это то, что делает возможным рождение ребенка. Многие женщины решают не иметь детей, так как не хотят сталкиваться с этой уязвимостью. В теле будут нарушения, не знаешь, восстановится это или нет. В общем, одно дело – это безразличие, бесчувствие к внешнему страданию, а другое дело – это безразличие как некое принятие этой травмы и жертвы. Связывается с «разбежавшись, прыгнуть со скалы» – это страшно ужасно, но вот надо добежать и прыгнуть, чтобы проснуться и чтобы новое было. А вторая мысль – про то, что у мужественности мягкие стены – завораживающая метафора. Это не фаллос, не обелиск из первых матриц, где были обелиски, Египет, пирамиды, мифы. Это то, что может быть твердым и мягким, с одной стороны, вроде есть некое пренебрежение, что они мягкие, но с другой стороны, мужское – это не вечно железобетонное.

Ведущие матрицы наблюдали, как часть участников отвалилась, но добавились новые участники. И появилась новая конфигурация самой матрицы. Старое явно хоронится, а новое появляется.

В процессе матрицы возникла фраза «Не ударь в грязь лицом», и это связывается с первым сном первой матрицы, где две женщины в белом идут мимо мужчин, которые лежат в грязи, лицо в грязи и изо рта идет грязь. Это связывается с наличием мягкости в снах мужчин. Как будто стало возможно иметь и твердость, и мягкость. Идея освобождения и высвобождения: если мужчинам это доступно, показывать мягкость, то и, может, женщины перестанут быть такими фаллическими и на каждом углу будут красоваться и ходить в белых и чистых платьях. Франка Фубини на одном из своих выступлений говорила про деревья, которые под землей корнями взаимодействуют и сообщаются. И она связывала это с тем, что мы на поверхности где-то живем, разговариваем, взаимодействуем. А под поверхностью мы в сновидениях взаимодействуем друг с другом, и в некотором смысле на земле всегда кто-то спит, это в принципе бесконечный процесс. Все время кто-то бессознательно в сновидениях взаимодействует.

Участники рассуждали о том, что даже не все женщины могут принять в себе женское. Думается, если говорить про перевертыш, то это должно быть в идеале некое объединение мужского и женского. Социум накладывает на мужчин обязательства: мужчины не плачут, должны быть крепкими. Женщины, наоборот, должны быть женственными. Должны быть женственными, но продвигать мы вас будем за мужское. Мысль, что все, называемое мужским по внешним признакам, имеет и женское. Вопрос принятия ощущения в себе и мужского, и женского. Одним участником вспомнилось такое понятие, как негативный Эдип, это связывалось с

ощущением, что иногда в парах есть сильная фаллическая девушка и она на самом деле не девушка, а рядом с ней мужчина, а на самом деле он не мужчина.

Возникающие фантазии о строении тел мужчин и женщин навели участников на мысли о том, что эмбрион базово всегда женский, если хромосомы объединились, то происходит маскулинизация тела и мозга и цепочки сексуального поведения. Изначально это происходит в утробе, а затем вовне с огромным вызовом осуществляется процесс феминизации. Одинаково для обоих полов. Похоже, в сновидениях обмен и сочетание мужского и женского начали проглядывать. Мужское и женское в лидерстве. Возникает вопрос в том, что нужно принятие этой психической бисексуальности и ее интеграции. Мы едины и целостны, но мы же очень сильно от этого защищаемся, затем собираем себя по кусочкам всю жизнь.

Матрица 8. Восстановление целостности через значимые фигуры. Как контейнировать, не имея груди

Восьмую матрицу открывает цикл снов о значимых наставнических, родительских фигурах. Романтизация этих отношений. Сны наполнены чувством влюбленности, чего ранее не происходило в матрицах. Основные чувства: забота, дружелюбие, доверие; ощущение тоски; надежда и романтическое влечение к важным и значимым фигурам; страх перед ними, опасение не справиться с возникшими сложностями; чувство приближения к чему-то; женственность, сексуальность, доверие. В некоторых снах разворачивается сексуальное соблазнение. Нежность, внимание. Врывается страх оттого, что в тебе есть то, чего ты не хочешь в себе видеть. Ощущение того, что хорошее рано или поздно заканчивается. Желание исторгнуть из себя часть. Пренебрежение к сновидцу от родительских фигур противоположного пола. Ощущение того, что ты неправильно понял и действительно все складывается так, как ты давно хотел. Осуждение себя за поступки, стыд. Нормы и правила против отсутствия норм и правил.

«Один из немногих запоминающихся снов. Снится мне профессор, как будто это был психологический эксперимент. Все коллеги были за кадром, но они наблюдали. Профессор взял меня за руку, я следовала за ним, чувствовала влюбленность, растворялась в нем, ощущала доверие – что скажет, то и буду делать. Когда эксперимент закончился, я оставалась в странных чувствах. Профессор решил проводить меня домой, чтобы не оставлять с этими чувствами в разобранном состоянии. А потом в этом же сне мне приснилась одноклассница К., мы сидели на скамейке, прилегла ко мне на колени, голову положила, свернулась в позу ребенка и сказала, что очень устала. И в этом же сне меня одноклассник Р. обливал почему-то пивом».

Ощущение, что все сны, как и в прошлый раз, – эта такая попытка восстановить целостность. Попытка восстановить психический рай, который потерял.

Интересно, что у девушек всплывали мужские фигуры защитные, у мужчин женские. У женщин всплывает мужское, у мужчин женское. Ощущение переработки психики. Матрица началась с жестокости, и в процессе проведения произошла переработка. Участникам уже не нужно объяснять, что рождение требует крови, это уже принимается. Обсуждается уже другой уровень. Сначала обсуждались страхи, которые могут произойти при этом сближении.

Часто мысли и фантазии участников улетали в начало матрицы к самым первым снам. Там были женщины в белом чистые и не обращающие внимания на мужчин. А сегодняшние сны вызвали мысли о соблазнении. Женщины стали грязными, живыми, они перестали быть святыми. Фактически лидерство – мужской термин. А женское лидерство – это про единение. Возможно, соблазняющая женщина и контейнирующий отец – это образы, сильно далекие от образа лидера. Который совсем не про то, что делают контейнирующий отец и живая соблазняющая женщина или просто живая, а не только белая и чистая.

Одна из участниц, которая промолчала всю матрицу, поделилась тем, что у нее была целая серия снов, которую она не успела рассказать. Где было как раз много про мучительное и кровавое рождение, поколения, отца и мать. Время закончилось, и это осталось у нее внутри. И когда участники говорили, как сегодня прекрасно, участнице становилось тягостно от нерассказанного. Связывалось это с тем, что женское лидерство – это про то, чтобы оставить в себе что-то неприглядное, физиологическое, оставить в своем естестве. То, с чем женщины больше и сталкиваются в своем естестве. Женское и мужское лидерство очень разные. Возможно, женщина это несет, частично скрывая.

Тема женского лидерства всегда всплывает в матрицах, как будто она постоянно всплывает и у мужчин, и у женщин. Это вызывало любопытство. Как участник стал неким контейнером для этого невыносимого. Возможно, это признак некой тоски, и тоски по женскому, относительно этой темы. Не про женщину-лидера, а про желание разместить больше женского в своей лидерской роли. Соблазняющая женщина и контейнирующий отец – и то и то про женское. Как контейнировать, не имея груди, у лидера же нет груди. Периодически в матрице происходило смешение мужского и женского с мужчинами и женщинами. Женщины, которых хочется видеть в лидерах, в нашем культурном контексте – это скорее фаллические женщины, которые и коня на скаку, и в горячую избу. Потребность в фаллической женщине – это не потребность в женском вообще. Там нет ничего женского. В этой матрице было обращено внимание на то, как первое сновидение включает динамику всей матрицы.

Много молчания, но не тягостного. Задумчивого. Сексуальная тематика связывалась с мыслями о сублимации через получение знаний, обучения, супервизии. Некий процесс формирующий. Удивляло количество пар разных поколений.

Матрица 9. «Осторожно, двери закрываются», или «Все только начинается?»

Девятую, последнюю матрицу открывает сон, наполненный переживаниями нехватки времени. Непонятно, чем закончится событие: страх обрыва и отсутствия выхода. В тот же момент противоположность – удивление, осознание, осторожность и внимательность, любопытство. Интересно ничем не передаваемое ощущение влюбленности, новизны чувств. В данном примере хочется больше сказать про второй сон, который отразил сердцевину матрицы в прямом и переносном смысле. Удивление оттого, что это про любовь и что это большая редкость в снах. Опять флирт, желание побыть вдвоем, желание уединения с кем-то привлекательным нам. Ощущение защиты от того, кто симпатичен. Тут же врывается сон с убийствами от нового участника, которого раньше не было в матрице. Чувство паники. Его поддерживает следующий сон, наполненный недоверием, угрозой нападения. Паника и страх оттого, что не сможешь защититься. Обездвиженность. Желание казаться невидимой, страх показать себя женщиной. Радость прояснения истины. Любовь и запрет. Противоположность чистилища и рая. Сила, жизнь, радость от нарушения правил. Удивление, восхищение, непонимание оттого, что можно было нарушать правила. Внутренняя гармония между хорошим и плохим. Ощущение спокойствия, тишины, момент умиротворения. Надежда.

«Сон. Не понимаю, кто эти женщины, работники или знакомые. Но я помню, как я осматриваю эту комнату, у меня в руке чемодан с одеждой, это графин с водой и наполненный стакан. Мне хватит этого максимум на два дня. Да и то если я буду жестко экономить. Не могу позвонить на ресепшн, нельзя выйти оттуда. То есть я могу, но, если я выйду, непонятно, чем это закончится».

«Вчера приснился. Никогда не видела так отчетливо внутренний свой орган. Мне приснилось, что я в руках держу свое сердце. Оно чуть больше ладони. Ощущаю прям мышцу, вижу хорошо цвет. Сверху такие четыре лепестка, как закрытая сфера. Я спрашиваю у человека рядом, почему оно такое тяжелое, а он говорит, ты поддержи его подольше, может, согреется. И тут я взглядом вижу чуть поменьше сердце, и оно такое живое, мягкое. По форме похоже на куриное сердце. Там пульсирующий верхний цветок. Я держу твердое неоткрытое, и оно начинает отогреваться, становится мягким. Проснулась с интересным ощущением».

Образы сновидений навели участников на мысли, будто есть некая градация, линейка, на ней есть отметка женского и мужского, и маятник ходит между этими показателями в зависимости от ситуации. В этом присутствует страх столкнуться в обществе с тем, что должно быть мужским. Что ты якобы мужчина и неси ответственность, будь защитником. Возможно, тогда в мужчине превалирует женское. Тем временем

встречаются женщины, в которых превалирует мужское. Один из участников поделился, что матрица захватила его настолько, что он занес даты встреч в ежедневник точно на это время. Встречи приобрели ценность и стали очень важны, как способ исследовать себя.

Мысли о том, что, когда люди общаются, представляют друг друга в каком-то образе, а на самом деле у каждого человека такой глубокий мир, который невидим, столько переживаний, которые не видны сразу при общении. Если бы лидеры это учитывали при встрече. Одна из участниц поделилась, что хотела бы иметь такого лидера.

Как будто бы хочется, чтобы лидер был рефлексивный, понимал внутренний мир человека. Но, с другой стороны, как? Если он стоит перед задачей уволить несколько тысяч человек, даже двух человек. Не будет ли это добавлять тяжести? И эти ограничения – это способ защиты, чтобы этот мир был выносимый, а не невыносимый. Возможность рефлексировать – способ для того, чтобы выдерживать внутренний мир. Лидер – это система, которая должна интегрироваться с другими системами. Есть книга про шимпанзе, которые встают во главе. И о чудо, это не самые сильные, а самые умные. Они способны договариваться, давать каждому то, что ему нужно. Некие обезьяны-дипломаты. Возник спор об устойчивости других внешних лидеров и способах этой устойчивости.

В момент рефлексии – мысли о том, что жаль расставаться, захватывали участников. Была предпринята попытка оборвать прощание и уйти в рациональное обсуждение лидерства как такового. Ведущий предложил участникам поделиться тем, что это был за опыт для всех, кадр был восстановлен. В какой динамике каждый был, как он ощущал динамику матриц и с какими мыслями и идеями это его оставляет. И это могло не быть прямым ответом на вопрос, как сохранять устойчивость лидера в момент неопределенности, но это могло быть тем, что не было озвучено и является частью матрицы.

«Для меня это было про мужское и женское в каждом человеке. Какие качества мы в себе принимаем, какие не принимаем. Как будто есть некая градация, линейка, на ней есть отметка женского и мужского. Маятник ходит между этими показателями в зависимости от ситуации. Для меня страшно столкнуться в обществе с тем, что должно быть мужским. Что ты якобы мужчина и носи ответственность защитником. Во мне превалирует тогда в этот момент нечто женское. Тем временем я встречаю женщин, в которых превалирует что-то мужское. Меня это захватило настолько, что я занес наши встречи в ежедневник точно на это время. Для меня это стало очень важно. Это способ поисследовать себя, что есть во мне, какие это части. Что я принимаю или не принимаю. Как это к лидерству относится, надо подумать».

«Мне важнее и интереснее больше всего узнать, побольше снов, чужих снов. Чтобы сравнить со своими снами и понять, есть ли что-то общее. Как это связано с точки зрения лидерства. Каковы люди, у которых больше ответственности, снятся ли им другие сны. Я понял, что сны, которые

сняться лидерам, – в рамках необходимости быть более осознанным, сдерживать себя, ограничивать в том числе и свои эмоции. Сны – это редкая территория свободы. Это возможность отчасти столкнуться с теми страхами, которые так хочется отогнать, так хочется вытеснить. И в том числе мужское и женское сознание себя и своей роли. Вообще себя как живого существа. Сны – это такая территория освобождения».

«Я одна из последних присоединилась, но ухожу с инсайтом для себя. С одной стороны, внутренний мир сотрудника, внутренний мир, которого лидер должен видеть с своими закоулками. А с другой – лидер должен иметь способность сдерживать и свой внутренний мир, и внешний. В нужный момент свою дверку прикрывать. Мне кажется, это была моя ошибка, то, что я вовремя не закрывала эту дверку. Спасибо большое за эту матрицу».

«Для меня это был потрясающий опыт. Давно хотела. Была на всех девяти. Интересно, как трансформировалась матрица. Сегодня я подтвердила для себя, внутренне глядя на две последние матрицы, что произошла переработка, внутренняя эвакуация этих страхов. Грязь, кровь, насилие. А к концу появились любовь и взаимоотношения. В процессе матриц я много перерабатывала и применяла на себя. Один из таких микроинсайтов был про гармонию и своевременное обнаружение перекоса мужского в женское, женского в мужское. Обнажение чувств мужчин. Я хочу сказать спасибо за этот опыт. Я сегодня молчаливая, так как у меня есть печаль по поводу сепарации».

«Нахожусь в восхищении от трансформации матрицы. Восхищаюсь глубиной каждого. Мне кажется, никаких слов не хватит это описать. Поэтому ученые и философы так долго пытаются это сделать».

«Мне тоже очень понравилось. Удивительно как без собственного контроля психика включается в работу. Сны начинаешь видеть в матрице с другими снами, других участников. Для меня самый пиковый момент – когда мы в матрице в рефлексии обнаружили, что женщинам снятся мужские символы, а мужчинам – женские символы. Я подумала о том, что во сне мы друг с другом стали разговаривать. А в бодрствовании пока такое есть ограничение. Меня сегодня очень сильно зацепило не только про интеграцию мужского и женского, но и про интеграцию человеческого и животного. И про человека в лидерской роли – как того, который на границе между внутренними и внешним. Как дверь в Босха у нас всплывала. И он в некотором смысле как человек, который двери закрывает и открывает. Вообще удивительно, какое количество метафор и образов создает матрица, которыми потом можно оперировать и возвращаться к ним».

«Мне представился образ проветривания: запускает, закрывает. И у меня был сон. Я в комнате, и там было окно, на которое накатывала волна и все больше и больше, с каждым разом сильнее и сильнее. Я потом,

когда разбирала этот сон с терапевтом, была этим окном, которое выдерживает на себе эти накаты и удары. Для того чтобы оставить помещение в безопасности. И мне кажется, лидер – он окно с форточкой».

«Да, он не только должен оставлять пространство в безопасности и не впускать, но и впускать. Проветривание должно осуществляться периодически. Как клапан».

«Сердце».

Способность участников быть во взаимоотношениях с матрицей создавала динамику самого кадра – сердца матрицы. В процессе проведения девяти встреч люди добавлялись, менялись. Это давало возможность создать проветривание, впускание и выпускание.

В процессе осмысления возникла мысль о том, что первые матрицы были тяжелые и насыщенные образами и сновидениями, а последняя матрица была расслабленная и умиротворенная. Это дало воздуха, но вдруг в матрице прозвучало «осторожно, двери закрываются».

Матрица провоцировала мышление, появлялось множество связей. Также матрица функционировала как механизм мышления и пространство, в котором можно увидеть, что мышление течет и развивается.

Мышление заслуживает определенного пространства, и есть инструменты, как это пространство создавать; мышление может в большой степени базироваться на эмоциональном опыте, и в этом рождаются логические решения и понимания. Есть рациональный менеджмент, и за стеной рационального не видно реального эмоционального контекста со стороны, индивид находится уже внутри этого контекста и видит только то звено, которое он занимает, а не всю цепочку.

Выводы об особенностях мышления SDM

Ежедневно человеку приходится взаимодействовать с разными людьми, увеличивать количество связей и налаживать уже имеющиеся взаимоотношения, особенно на фоне увеличения количества социальных связей посредством современных технологий. Расширяется поле социального бессознательного контекста, которое ежедневно воздействует на человека. Текущие турбулентные реалии сильно влияют на внутреннее состояние человека, в частности эмоционально истощают и приводят к нарастающему психологическому напряжению. На фоне нарастающей популяризации индивидуальности и всемогущества происходит побег от социального бессознательного. Но человеку становится все сложнее оставаться в своем «индивидуальном домике», отрезанным от общих социальных влияний и смыслов. Поэтому требуется найти способ контейнировать то, что индуцируется внешней средой. В связи с этим была рассмотрена работа с социальным бессознательным, местом, где можно найти способы снизить тревогу и восстановить внутренний баланс.

В своей статье Лоуренс с коллегами, описывая пятое базовое допущение современности «Мне» (к уже имеющимся трем базовым допущениям Биона и четвертому открытому), предлагают рассмотреть еще один феномен со стороны его более заметного становления в нашей индустриальной культуре. Авторы подчеркивают, что под базовым допущением «Мне» понимается культурный феномен, порожденный сознательными и бессознательными социальными тревогами и страхами. В частности, выдвигается идея, что жизнь в современных турбулентных социумах становится более рискованной, поэтому человек все больше прячется в своей внутренней реальности, чтобы исключить и отрицать тревожные реалии внешней среды. Таким образом, внутренний мир, приходящий на помощь, делает ситуацию комфортнее. Возможно, потому, что во внутреннем мире можно придерживаться привычных клише и следовать им без страха быть оцененным другими. Смысл базового допущения «Мне» скрыт в уходе в индивидуализацию от общего контекста группы, тем самым лишая себя доступа к социальному бессознательному и находясь оторванным от общества. Социальное влияние тогда становится невидимым и непознаваемым. А чего нет, то нельзя и облечь в слова, а что нельзя облечь в слова, о том нельзя и помыслить.

Участники проведенного исследования, которые были лидерами и пришли изучать лидерство, вначале пытались исследовать какого-то внешнего лидера, а не свое лидерство. Как будто бы есть группа участников, приносящих сновидения и исследующих их, но каждый отдельный участник этой группой не является и к данному социальному воздействию отношения не имеет. В ходе проведения анализа было замечено, что изначально некоторые участники приходили в группу матрицы сновидений в формате «Мне», тем самым не ассоциируясь со сновидениями группы и не принося свои сновидения. Были те, кто частично приносил сновидения, но все равно чувствовал, как группа не принимала участника или участник не принимал группу. Несколько участников вышли из группы после третьей матрицы, а также несколько добавилось. Пришедшие участники были готовы отождествляться с матрицей, и это положительно повлияло на ее развитие и превращение в рабочую группу, что привело матрицу к поиску ответов участников в самих себе через общие сновидения группы. Матрица объединила людей, связанных общими социальными интересами, и дала возможность связать то несвязанное, что пытались связать сновидения отдельно в каждом участнике. Тем самым было подтверждено, что формат матрицы социальных сновидений помогает справиться участникам с эмоциональным через отождествление с частью матрицы, тем самым давая себе и участникам возможность перейти в рабочую группу по Биону.

До того момента, когда матрица переходит в формат рабочей группы, в ней, по-видимому, происходит выгрузка бета-элементов. Группа справляется с этими сложностями. Тогда матрицу можно представить как отдельное сновидение, в котором происходит переработка оставшихся бета-элементов в альфа-элементы через работу мышления. В случае, описанном в рамках эмпирической части, этап первых четырех матриц наполнен

На фоне выгорания от количества негативных факторов обществу необходимо чистить свой контейнер, возвращая альфа-элементы и тем самым создавая себе благоприятные условия в неблагоприятной среде. В период травмы, травматического стрессового расстройства и постоянного получения тяжелых негативных эмоций эмоциональная самогигиена является неотъемлемым преимуществом для устойчивого развития.

На основании проведенного анализа и интерпретации полученных данных был сделан ряд выводов:

1. Организация тематической группы по средствам метода социальной матрицы сновидений как способа исследования социального бессознательного контекста способствует созданию пространства для поиска новых связей и взаимосвязей

2. В ходе детального анализа встреч удалось выделить и проанализировать указанные в теоретической части психоаналитические особенности пространства социальной матрицы сновидений и подтвердить, что социальная матрица сновидения представляет собой уникальное переходное пространство, позволяющее превратить в объективную реальность субъективное переживание сновидения.

3. Цель социального сновидения состоит в том, чтобы предоставить библиотеку образов для обмена скрытыми или невысказанными мыслями и чувствами о социальных обстоятельствах участников социального сновидения.

4. Матрицу можно представить как отдельное сновидение, в котором происходит переработка оставшихся бета-элементов в альфа-элементы через работу мышления.

5. Социальная матрица сновидений является методом для преобразования необработанного, проблематичного эмоционального опыта в доступные для осознания элементы уникальной знаковой системы, картинок и подобных кинообразов.

6. Первый сон задает тон мелодии всей матрицы сновидений.

Таким образом, в ходе анализа и интерпретации данных теоретического и эмпирического изучения особенностей метода матрицы социальных сновидений мы подтвердили общую гипотезу исследования: тематическое применение SDM Гордона Лоуренса позволяет осмыслить бессознательный контекст социального опыта, мобилизует мыслительные способности участников матрицы и ведет к постижению новых смыслов.

Результаты данного исследования показали, что социальная матрица сновидений имеет неоспоримое преимущество перед другими методами исследования социальных феноменов за счет прямого доступа к социальному бессознательному – сновидениям. Данные результаты могут представлять интерес для практикующих психологов и психотерапевтов, психоаналитиков, психологических консультантов, бизнес-коучей, практикующих психоаналитический подход, и других лиц, занимающихся системным изучением бессознательных конфликтов общества. Исследование также вносит вклад в развитие матрицы социальных сновидений как метода, направленного на изучение социального бессознательного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион У.* Внимание и интерпретация. М.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2010.
2. *Бион У.* Групповая динамика. М.: Попурри, 1952.
3. *Кетс де Врис М.* Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта. М.: Альпина Паблишер, 2017.
4. *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Эксмо, 1920.
5. *Фрейд З.* Тотем и табу. М.: Эксмо, 2001.
6. *Baglioni L., Fubini F.* (2013) Social dreaming. *Socioanalytic Methods: Discovering the Hidden in Organizations and Social Systems.* London: Karnac.
7. *Bermudez G.* (2015) The Creation of a Selfobject «Communal Home» for Collective Trauma: Applications of Social Dreaming and Kohut's Group Self in Academic, Psychoanalytic, and Community Contexts. Eastern Group Psychotherapy Society.
8. *Bermudez G.* (2018.) Silverstein M. Social dreaming applications in academic and community settings. *Online Journal of the International Forum for Psychoanalytic Education.*
9. *Bermúdez J., Luo J.* (2008) *Philosophy of Psychology: A Contemporary Introduction.* London: Routledge. Contemporary Introduction to Philosophy Series. Minds and Machines.
10. *Bohm D.* (2004) *On Dialogue.* London: Routledge.
11. *Capra F.* (2003) *The Hidden connections: A Science for Sustainable Living.* Flamingo.
12. *Clare J., Zarbafi A.* (2009) *Social Dreaming in the 21st Century. The World We Are Losing.* London: Karnac.
13. *Erikson E. H.* (1954) The dream specimen of psychoanalysis. *Journal of the American Psychoanalytic Association.*
14. *Fromm E.* (2001) *The sane society.* London: Routledge.
15. *Hopper E., Weinberg H.* (2011) *The social unconscious in persons, groups, and societies.* London: Karnac.
16. *Jung C.* (1991) *The Archetypes and the Collective Unconscious.* London: Routledge.
17. *Lawrence W. G.* (2007) *Infinite Possibilities of Social Dreaming.* London: Karnac.
18. *Lawrence W. G.* (2005) *Introduction to Social Dreaming. Transforming Thinking.* London: Karnac
19. *Lawrence W. G.* (1998) *Social Dreaming.* London: Karnac.
20. *Lawrence W. G.* (2010) *The Creativity of Social Dreaming.* London: Karnac.
21. *Lawrence W. G.* (1996) The fifth basic assumption. *Free Associations.* Vol. 6. Part 1.
22. *Mageo J.* (2013) *Dreaming and its discontents: U.S. Cultural models in the theater of dreams.* Ethos.
23. *Manley J.* (2014) Gordon Lawrence's Social Dreaming Matrix: Background, Origins, History, and Developments. *Organisational and Social Dynamics*, 14, 322–341.

24. *Matte-Blanco I.* (1988) *Thinking, Feeling, and Being*. London: Routledge.
25. *Ullman M.* (1996) *Appreciating Dreams, a Group Approach*. New York: Cosimo.

The possibilities of the SDM method in the study of the social unconscious and its impact on the theme-centered groups

A. V. Dadyka, E. V. Shapovalova

Dadyka Anna V., psychologist, psychoanalytic business coach and organizational consultant, Master of Psychology (HSE, Moscow), CEO of the Complex Solution company.

Shapovalova Ekaterina V., MSc Management (LUBS, Leeds, UK), MA Psychology (HSE, Moscow). Psychodynamic coach and business consultant, working with private clients and organisations, psychodynamic psychotherapist. Managing partner at Subcon Business Solutions, Senior lecturer on the Master's Program "Psychoanalysis and Business Consulting" at Higher School of Economics, Member of ISPSO, Board member and Certified Professional Business Coach of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

In this article, an attempt is made to explore the possibilities of thematic application of the method of the social matrix of dreams by Gordon Lawrence, to study the unconscious context of social experience and to mobilize the thinking abilities of the matrix participants to comprehend new meanings. The increase in the number of social connections through modern technologies expands the field of the social unconscious context that affects a person on a daily basis. Sleep is the receptacle of the unconscious.

This article begins with a brief overview of the general theoretical foundations of the method, followed by a more detailed analysis of the practical application of the method on the example of the thematic group "Leader stability during uncertainty". At the end of the article, conclusions are presented that can be useful for the further development of the SDM method and its successful application both in organizations and in thematic groups.

Keywords: matrix of social dreams, social unconscious, working group, leadership, dreams, free associations.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Психоаналитический подход в сопровождении сделок слияния и поглощения на примере компании

О. И. Этова

Этова Ольга Ивановна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант, коуч.

Сделки по слиянию и поглощению – неотъемлемая часть современной бизнес-среды. И этот рынок растет. Так, в 2021 году объем сделок достиг 3 трлн долларов. В частности, сектор здравоохранения демонстрирует максимальную активность на рынке слияний и поглощений за последние семь лет. В общей картине изменений сыграли свою роль пандемия и геополитическая ситуация, так как эти факторы внешней среды ускорили трансформацию в сфере медицины: вырос уровень диджитализации, сотрудничества и коллаборации между участниками рынка. Глобальные тренды: старение населения, увеличение числа заболеваний системы кровообращения, онкология, диабет, рост числа различных психических заболеваний (например, депрессия, деменция и др.) – формируют направления для устойчивого развития отрасли здравоохранения и создают основу для сделок слияния и поглощения в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В настоящей статье я рассматриваю и анализирую механизмы сделок слияния и поглощения с психоаналитической точки зрения. Психоаналитические концепции позволяют взглянуть на механизм сделки как на живой организм, что дает возможность увидеть картину в динамике «здесь и сейчас», учитывает рациональные и бессознательные аспекты изменений, глубинные импульсы и контекст. Процесс масштабной трансформации внутри исследуемой компании рассматривается также с точки зрения динамики группы, работы защитных механизмов и организационного поведения.

Ключевые слова: сделки слияния и поглощения, сделки M&A, психология групп и индивидов в период изменений, психоаналитическое консультирование, тревога.

Бизнес-реальность диктует свои условия: глобализация рынков, стремительные и отнюдь не всегда позитивные изменения во внешней среде, политизация экономики и, наконец, все увеличивающийся темп жизни – все это накладывает неосознаваемый, но очевидный след на психическую реальность людей, в результате чего на поверхности мы зачастую видим одно, а исследуя контекст и бессознательное – совершенно другое. Картина из «плоской» приобретает формат 3D, обрастая глубиной и символичностью. Выражаясь метафорически, подобный опыт слияния и поглощения можно назвать опытом рождения для людей, принадлежащих к различным организационным группам: появляется иллюзия сплоченности и единения, и рождение объединенной организации воспринимается как появление долгожданного идеального «нового общества». Это новое общество, как новорожденный ребенок, вынуждает сотрудников использовать новый и пока еще чуждый и неинтегрированный опыт, что вызывает неуверенность и даже страх. Выныривание в реальность из привычного иллюзорного мира контроля и предсказуемости приводит к страху разделения и уничтожения.

С определенной точки зрения разделение и уничтожение – это одно и то же для человека. Переживание разлуки с желаемым и тем, чем вы являетесь в слиянии, сравнимо с утратой части своего либидо, своего Я, и это, безусловно, вызывает ощутимую тревогу. Психика защищает человека от таких страхов и постоянно «убегает» от тревожного состояния утраты, разделения в состояние регресса (инфантильности, слияния и т. п.), тревожная активность повторяется, но без развития и изменений. Подобное состояние разделения – это отрицание реальности, которая есть на самом деле, уход в мир иллюзий и бессознательной выбор защитных стратегий. А они, в свою очередь, могут вызвать ощущение дальнейшей немотивированной тревоги, истощения и, наконец, расщепления. В результате подобные проекции могут вызвать бурные немотивированные эмоции как у индивида, так и у всей команды (речь о поглощаемой организации), вследствие чего в коллективе увеличивается уровень агрессии, «отыгрывания» (неосознанная реакция, действие в попытке справиться с тревогой внутри компании), которые могут привести к тяжелой организационной патологии, если их не контейнировать (это спокойное, дружелюбно-нейтральное восприятие любых эмоций другого человека, проживание, рефлексия и только затем обратная интерпретация клиенту) (Мак-Вильямс, 2015). Подобные формы деструктивного поведения в период проведения слияний и поглощений могут приводить к таким печальным последствиям, как сокрытие интеллектуальных разработок, ценных знаний и информации, вплоть до саботажа и прямого сопротивления представителям компании продавца.

В психоаналитической литературе представлено достаточное количество материалов, освещающих проблемы сепарации, развития здорового чувства самости по отношению к иным и разработки поведенческих стратегий, которые приводят к эффективному поведению и балансу. Приходит понимание, что повышенная тревога в структурах, вызванная ощущением неотвратимости и «приближения конца», связана с нашим опытом

проживания такой же тревоги в раннем детстве, когда потеря безопасности и брошенности равна смерти. Тем не менее остается вера в то, что впереди ожидают совершенно новое пространство, захватывающий мир, который, с одной стороны, выглядит странным и даже пугает, но с другой – полон удивления и восторга. И становится очевидно, что выбор внутренней позиции (страха, удивления, радости или тревоги), в которой в этот период находятся как индивиды, так и коллектив в целом, коррелируется с периодом раннего воспитания и наличием надежной базы у лидера (*Stapley, 1993*). Такой базой у лидера являются навык контейнирования подчиненных, умение позитивного отражения, саморефлексия и т. д.

К сделкам слияния и поглощения стоит отнести еще одну сложность, а именно концепцию времени. Сейчас время высоких технологий, доступности информации и стремительных перемен, что приводит к клиповому мышлению (восприятие информации яркими фрагментами, разрозненными образами, кусками), и ожидается, что индивиды будут быстрее проживать процесс горевания об утраченной привычной корпоративной среде. Намерение быть в постоянном движении и избежать потерь может сочетаться со стремлением избежать чувства тревоги. По мнению Биона, подобные социальные защиты дезорганизуют реалии групповой задачи (*Бион, 2008*). Безусловно, лицам, реализующим проекты по слияниям и поглощениям, нужно учитывать социальные защитные механизмы, потому что при встрече с подобными защитами в корпоративной реальности сложно, даже практически невозможно справиться с разочарованием. Эти механизмы подавляют не только креативность и творчество, но и устойчивость – качества, совершенно необходимые для рождения «новой» успешной компании из организаций, участвующих в слиянии.

В последние годы глобальные инвестиции в слияния и поглощения выросли до беспрецедентного уровня: процессы слияний и поглощений вызывают пристальный интерес исследователей и говорят о том, что в течение профессионального пути со сделками слияния или поглощения столкнется примерно каждый третий сотрудник. А ведь слияние организаций – это кардинальное изменение идентичности не только поглощаемой организации, но и организации-покупателя. Устоявшиеся связи и привязанности видоизменяются и/или рвутся, преобладают переживания эмоциональных потерь и появления новых возможностей. Можно ли в таком случае говорить о том, что страхи увольнения (уничтожения), проективные процессы расщепления и тревоги по поводу потери любимых объектов типичны для некоторых примитивных импульсов, вызванных слиянием? Также в процессе слияний и поглощений заложена бессознательная надежда на союз, на то, что эти две компании породят «новую жизнь». Психодинамические процессы этого слияния и примитивные импульсы, которые оно вызывает, редко учитываются лидерами, которые отвечают за управление сделкой, даже в случае понимания рискованности и высокой неопределенности в прохождении данного процесса.

На самом деле чаще всего происходит так, что слияние представляет собой именно поглощение: управление, системы, процессы, рабочие ценности и культура одной структуры доминируют над другой; в результате

идентичность второй компании практически стирается. Очевидно, что сотрудники подчиненной бизнес-структуры, скорее всего, почувствуют себя лишенными идентификации, прав или даже уничтоженными (Haleblian, 2009).

Однако можно предположить, что процессы слияний и поглощений, хотя и сложные, также могут открывать новые возможности для сотрудников. Эта неотъемлемая и вдохновляющая сторона делает слияния и поглощения увлекательной и продолжительной темой для изучения с точки зрения работы с сотрудниками.

Сделка слияния и поглощения – процесс местами непредсказуемый, трагивающий все уровни существования поглощаемой организации, и поэтому можно предположить вероятность рисков неудачного слияния, если в проекте M&A будут слабые места или так называемые «слепые зоны», которые проигнорируют или не учтут, и их может быть множество. Например, волатильность рынка, политическая арена, некорректные финансовые прогнозы и среди них интеграция культуры являются одним из основных препятствий для проведения эффективных сделок по слиянию и поглощению. Другими словами, руководствуясь только логикой и рациональными доводами, не держа в фокусе настроения сотрудников и особенности корпоративной культуры, можно очень быстро получить мощное сопротивление и формирование групп базовых допущений (Бион, 2008).

В процессе M&A необходимо особенно внимательно держать в фокусе качественное исполнение рабочей (первичной) задачи. Во времена высокой неопределенности, в случае невыносимой/неперевариваемой тревоги лидера, в коллективах, где недостаточно контейнируют тревоги сотрудников, могут появиться такие группы базовых допущений (по теории групповой динамики Биона), как «бей-беги», «зависимость» и «создание пар» (Бион, 2008). Пьер Турке добавил четвертое базовое допущение – «единство». И последнее, пятое, было названо несколькими психологами базовым допущением «мне» (Лоуренс и др., 2020). Это группы, в которых снижен контакт с реальностью и идет регресс в общее бессознательное допущение, несмотря на зрелые навыки и невротическую структуру личности ее индивидов. Если идентифицировать это общее допущение, понять его смысл, то можно понять, почему группа недостаточно эффективна и не вполне ориентирована на выполнение первичной задачи. В обычной реальности группы всегда находятся в колебании между on-task (рабочей/первичной задачей) и off-task (задачи, решаемые в группах базовых допущений), и тогда сопровождение процессов психодинамическим консультантом в период M&A может помочь компании отслеживать эту валентность, попытки ухода в группы базовых допущений и выполнение задач off-task (Gomes, 2013).

В соответствии с психодинамическим подходом, в период сделок слияния и поглощения факторами, усложняющими процесс и влияющими на результат, являются социальное и культурное бессознательное, так как именно наше бессознательное кардинально влияет на мысли, поступки,

поведение и взаимодействие с другими людьми, даже если индивиды и группа этого не осознают.

В процессе сделок М&А затрагиваются все глубинные слои, процессы и люди, что может стать критичным: могут появляться конфликтные ситуации, негативно окрашенные эмоциональные всплески, руководители могут наблюдать непредсказуемое поведение своих подчиненных, рабочие группы переходят в группы базовых допущений, и, как следствие, происходит разрыв с реальностью и уход группы от выполнения первичной задачи (*Бион, 2008*). Чтобы избежать таких кризисных ситуаций, мы поговорим о зарекомендовавшем себя многократно на практике эффективном инструменте, таком как переходное пространство. В психоаналитическом контексте переходное пространство – аналог «переходного объекта», о котором писал известный английский психоаналитик и педиатр Д. Винникотт (*Винникотт, 2002*).

Переходное пространство – это безопасное пространство, которое позволяет людям проявляться эмоционально и физически, не испытывая тревоги, страха ошибки и помех сопернического мышления. Таким образом, психоаналитический анализ этого процесса дает нам полезную информацию о возможном развитии новой культуры объединенной организации. Понимание непосредственно самого процесса развития также транслирует то, что может произойти в случаях, когда индивид или группа регрессируют к инфантильному поведению.

Также в рамках организационных изменений может эффективно применяться психоаналитическая концепция работы горя. Во внимание нужно принимать первичную работу горя, именно этот процесс эмоционального выражения скорби по утрате положительно влияет на исход любых организационных изменений, в том числе происходящих в ходе слияний и поглощений. Эта тема важна, так как имеет прямое влияние на всю ситуацию в компании в целом, а именно: горевание – один из важнейших метапсихологических процессов. Для любого разрыва ключевое значение имеет прохождение нормальной работы горя. Патологическое прохождение работы горя может привести к таким разрушительным для личности последствиям, как меланхолия, дезинвестиция собственного либидо и, наконец, невозможность психического признания текущей реальности (*Фрейд, 1992*).

Лидеры и менеджеры скорее стремятся к тому, чтобы подавить негативные эмоции с помощью радикальных мер, таких как реструктуризация, оптимизация, увольнения. Намного экологичнее можно было бы действовать через присвоение и инкорпорирование опыта в новых реалиях, при этом оплакивая и признавая утрату. Сложность и в то же время большой приоритет лидера состоят в том, чтобы согласиться с высокой неопределенностью и с важностью контейнирования, чтобы минимизировать примитивные защитные механизмы у сотрудников поглощаемой компании (*Croucher, 2020*). Руководителю нужно не бояться выражать чувства сожаления, утраты и скорби более всех, так как это поможет людям чувствовать безопасность и возможность выражать чувства при переходе в новую объединенную структуру. Таким образом он управляет динамикой

группы, снижая уровень тревожности. Это позволяет сотрудникам меньше отвлекаться от первичной задачи без существенной потери эффективности.

Лидерство

Первое лицо компании создает ДНК структуры организации, ее образ и подобие. В период же таких глобальных изменений для организации, которыми являются сделки по слиянию и поглощению, все «тонкие» места становятся и вовсе уязвимыми, а корпоративная культура и персонал находятся под гнетом неопределенности и внешней угрожающей реальности. Во время кризиса решающее значение имеют четыре типа лидерского поведения, о которых пойдет речь ниже.

Первый тип поведения – это быстрые и продуманные действия.

Когда в организации наступают беспокойные времена, ее руководителям важно продемонстрировать мгновенный и энергичный отклик на возникшие трудности. Сотрудники должны знать, что те, кто стоит «у руля», осознают серьезность ситуации и действуют в направлении ее разрешения. Однако поступки менеджеров не должны быть вызваны импульсом или паникой (Bansal, 2019). Руководству необходимо сразу транслировать, что урегулирование проблем является их абсолютным правом проектирования оптимального курса действий.

Второй тип поведения – честная и последовательная коммуникация.

Невзирая на то что сотрудники более спокойны, когда видят активность своих лидеров, они (сотрудники) неизбежно переживают о том, чем кризисная ситуация обернется для них. В случаях отсутствия достоверной информации процветают слухи и домыслы. Чтобы снизить этот накал и укрепить доверие, руководителям нужно своевременно предоставить, с учетом соответствующих ограничений, честную информацию о сложностях, с которыми столкнулся бизнес, и о мерах, которые могут потребоваться для выхода из пике. Больше всего люди страдают от неизвестности и предпочитают знать худшее, чем вообразить его (Bansal, 2015). Оптимально транслировать реальную информацию, например какие аспекты пока не известны либо на данный момент не подлежат разглашению. Это определенно укрепит доверие и убедит сотрудников в том, что их проинформируют о развитии ситуации как можно скорее.

Третий вид поведения – эмоциональная связь.

Чтобы достичь эффекта полного контейнирования, двух вышеобозначенных видов поведения недостаточно. Лидеру нужно поддерживать эмоциональный контакт со своими подчиненными. «Простой» процесс слушания и сочувствия имеет чрезвычайно мощный эффект, который снизит уровень тревоги, а значит, освободит ресурс для более качественного выполнения первичной задачи.

Четвертый тип поведения – вдохновение.

Без иллюзий относительно непростой ситуации лидеры находят способ мотивировать и вдохновлять сотрудников на самовыражение. Для этого

необходимо задействовать глубинные эмоциональные резервы управленца: уверенность в самом себе, скромность, страсть и веру в будущее.

Мало кто из руководителей пришел к этим четырем типам поведения естественным путем. Большинство нуждаются в обучении и практике. В непростые времена слияний и поглощений это может быть особенно сложно, поскольку сами лидеры не застрахованы от токсичного воздействия негативных факторов, и многие чувствуют беспокойство, незащищенность и высокую неопределенность. Таким образом, в периоды высокой турбулентности желательно, чтобы у лидера была возможность опереться на кого-нибудь. Обычно эту роль в компаниях выполняют HR и/или консультирование у доверенного консультанта/коуча. Любой из подходов наглядно приносит дивиденды как с точки зрения поддержания авторитета руководства, так и в отношении морального духа и производительности персонала.

Следовательно, успех сделок M&A во многом зависит от того, насколько у лидеров развита рефлексивная способность: умение выдерживать неопределенность, готовность к уверенному тестированию новой реальности, к парадоксу и двойственности, к тому, чтобы вдохновлять других. Это, безусловно, зависит от личностной психической зрелости – способности быть достаточно смелым, чтобы работать с эмоциональной правдой, в том числе со страхами группы, не игнорируя их, что, конечно, снижает тревоги и дает ощущение определенности будущего.

Команда

Фрейд говорил об интенсивной идентификации членов команды как с лидером, так и с группой в целом. По его мнению, это привело к «психическому цементу», который, хотя и действует вне осознания, часто приводит к общему смыслу. Принадлежать или чувствовать себя частью группы (иногда используется также термин «вовлеченное эго») также подразумевает более или менее временный отказ от какого-либо аспекта личности индивида (или схемы «я») в команде. Каждый индивид воспринимает команду как продолжение себя, и такая идентификация определяется набором бессознательных и предсознательных сценариев группы, побуждающих каждого придерживаться принятых в группе негласных договоренностей и стандартов, взаимодействуя в прямом контакте друг с другом. Таким образом, наше поведение определяется не только сознательными потребностями и требованиями окружающей среды, но и бессознательными потребностями. Результатом такой идентификации индивида является то, что он реагирует на атрибуты команды так, как если бы эти атрибуты также были его собственными (Фрейд, 1992).

В период изменений размываются роли, стираются границы и повышается уровень тревожности. Зачастую люди склонны видеть и интерпретировать факты через собственные фильтры восприятия, и это потенциально мешает осознанию и пониманию возможностей, которые открываются впереди (Obholzer et al., 2003). Поэтому личная оценка процесса слияний и поглощений некоторыми сотрудниками может помешать

позитивному восприятию процессов, что вызвано наличием у персонала негативного опыта, заставляющего пессимистично относиться к интеграции. Повышение сознательности сотрудников может быть задачей, выполняемой агентами по изменениям, консультантами, сопровождающими сделку, чтобы подготовить сотрудников к грядущим организационным изменениям.

Беспокойство сотрудников по поводу изменений может быть существенно уменьшено при помощи официальных информационных заявлений о предстоящих трансформациях. Это повышает позитивную приверженность изменениям и снижает текучесть кадров, формируя доверие у сотрудника в частности и команды поглощаемой организации в целом.

Социальная теория утверждает, что доверие делится на два типа: обобщенное доверие и межличностное доверие (Алексеева, 2007). Обобщенное доверие относится к безличному или институциональному доверию. Это ожидание более предсказуемого поведения со стороны других индивидов, отвечающего определенным принятым в социуме нормам. Межличностное доверие относится конкретно к доверию между двумя сторонами, имеющими непосредственное отношение друг к другу, формируя личный опыт, репутацию, характер поведения, стереотипы, принадлежность к определенной компании и исполнение определенных ролей конкретного человека/группы. Также доверие бывает объективным и субъективным. Объективное базируется на определенных социальных нормах и принадлежности к социальным институтам, а субъективное всегда обусловлено личностью доверяющего – его паттернами и личным опытом. Доверие обеспечивается, основываясь на нормах и ожиданиях взаимности со стороны всей команды. Таким образом, есть основания полагать, что доверие и сотрудничество между членами команды может повлиять на профиль компетенций сотрудников в сторону улучшения и расширения.

Следовательно, необходимо уделить внимание такому ключевому направлению деятельности, как процесс обмена знаниями во время слияний и поглощений. Внутрикorporативный интеллектуальный капитал, который необходимо интегрировать в обе стороны, подразделяется на две основные части:

1. Явные знания, которые могут быть переданы на формальном, систематическом языке;
2. Неявные знания, которые есть только в головах экспертов и предполагают, что для передачи этих знаний человек будет перенимать этот опыт через наблюдение и взаимодействие с носителями.

Поскольку знания зачастую проблематично передавать, часто для достижения ожидаемых выгод от сделки может потребоваться высокий уровень интеграции интеллектуальных разработок поглощаемой компании после приобретения. Однако высокий уровень интеграции может в итоге привести к культурным столкновениям, к разрушению уникальных нематериальных ресурсов приобретенной организации из-за некорректной политики высшего руководства и текучести кадров. Смешанные проектные группы, ротация персонала в области разработок и развития, совместные

программы обучения персонала являются важными и полезными механизмами интеграции. Эти механизмы ценны как для решения ключевых задач, так и для процессов интеграции, поэтому можно утверждать, что формальное обучение в корпоративном центре в сочетании с практическим опытом, коучингом и обучением на практике (т. е. неформальным обучением) повышает социальный капитал, иными словами, в психоаналитическом контексте персоналом тестируется изменившаяся реальность, примеряется и присваивается новый опыт.

Корпоративная культура

Инвестиции в корпоративную культуру и формирование корпоративной социальной ответственности в команде зависят от готовности руководителей, поскольку система корпоративной социальной ответственности может не принести заметной прибыли в краткосрочной перспективе. Однако компании с устойчивой социальной культурой, сформированной благодаря усилиям в области корпоративной социальной ответственности, могут быть вознаграждены в таких сложных случаях, когда низок уровень общего доверия. Например, во время экономического кризиса или когда компании сталкиваются с крупными, рискованными инвестиционными решениями, такими как слияния и поглощения.

Корпоративная социальная культура – это долгосрочная переменная, сформированная историческим опытом конкретной компании. Как правило, компании с высоким уровнем вовлеченности в корпоративную социальную культуру ассоциируются с руководителями, имеющими более высокие управленческие способности и выраженный эмоциональный интеллект; это крупные компании с высоким местом в рейтинге отрасли, выплачивающие более высокие дивиденды, нежели компании с низким уровнем инвестиций в корпоративную социальную культуру. По сравнению с компаниями, имеющими низкий уровень вовлеченности в корпоративную социальную культуру, компании с выраженным уровнем подобных инвестиций предлагают руководителям более высокую заработную плату, лучше управляются и принадлежат к более конкурентоспособным отраслям.

Психодинамический подход исследования корпоративной культуры основывается на психоаналитических теориях о развитии личности и, в частности, на ключевой концепции этого тезиса, а именно – на взаимосвязи личности с различными «удерживающими средами» (по Винникотту, защищенное пространство для младенца/индивида, которое может обеспечить достаточно хорошая мать/компания посредством сеттинга) в процессе развития этой личности (*Winnicott, 1999*). Для того чтобы организация существовала, сотрудники должны быть мотивированы к участию в стабильных повторяющихся моделях поведения, которые и формируют организацию.

Влияние культуры на членов группы сравнимо с влиянием личности на отдельного человека. Например, в тех случаях, когда индивид воспринимает свою среду содержания как достаточно хорошую, его личность

может развиваться до такой степени, что он способен прогрессировать. Однако там, где условия содержания воспринимаются недостаточно хорошо, его личности может не хватать уверенности для продвижения или по крайней мере для быстрого продвижения. В целом можно сказать, что там, где они считают ее достаточно хорошей, развивающаяся культура будет зрелой, и это позволит прогрессировать, но там, где существует обратное, среда будет незрелой и склонной к регрессу (*Kets de Vries, 2004*).

Корпоративную культуру, как и личность, очень трудно определить. Тем не менее можно сказать, что культура обладает следующими характеристиками:

- это психосоциальный процесс;
- это динамичный процесс;
- он уникален для каждой организации или части организации;
- на него влияют сознательные и бессознательные процессы;
- и он такой, который позволит членам вырабатывать формы поведения, которые будут выгодны для них в условиях, навязанных окружающей средой.

Понятно, что эти характеристики довольно обобщены, но осведомленность о них помогает обеспечивать достаточное знание культуры в каждой конкретной ситуации.

При слияниях и поглощениях организационную культуру не следует рассматривать как единую однородную среду. По версии Вана Марревейка, обычно организационные культуры неоднородны и содержат множество субкультур, где каждая субкультура потенциально может повлиять на процесс постинтеграции (*Kempton and Sarala, 2021*). Анализ литературы предполагает, что при слияниях и поглощениях необходимо учитывать комплекс различных аспектов в период интеграции после слияния, таких как адаптивность, последовательность, вовлеченность, баланс, гибкость. И, безусловно, также следует принимать во внимание внутриспсихические процессы сотрудников.

Идентичность

Ассимиляция, федерация, метаморфоза и конфедерация – это четыре метода, которые были предложены исследователями Бучихи и Кимберли в 2012 году. Компании могут использовать их для успешной интеграции идентичностей. Рассмотрим два метода, которые наиболее актуальны для деятельности по сделкам, связанным со слияниями и поглощениями (*Joshi et al., 2018*).

Первый – это ассимиляция, которая происходит, когда идентичность приобретенной компании растворяется в идентичности материнской структуры.

Второй – конфедерация: идентичности остаются отдельными и не сливаются, при этом координация между ними ограничивается административной деятельностью с минимальным воздействием на прежнюю идентичность.

Вариант 1: очевидно, что идентичности двух компаний схожи, когда обе организации обладают сопоставимыми прототипическими характеристиками и лидеры, принимающие решения, управляют своими компаниями аналогичным образом. В данном случае метод ассимиляции будет успешным.

Сходство идентичностей дает руководителям схожие ориентиры и схожие источники информации для принятия решений, улучшая понимание и передачу неявных знаний между двумя структурами, что в итоге способствует повышению производительности. Несмотря на изменения, с которыми сталкиваются сотрудники, они видят, что «их группа» все еще существует, что помогает персоналу лучше идентифицировать себя с новой объединенной организацией, облегчая адаптацию к новым настройкам и помогая продвижению вперед. Эффективность слияний и поглощений будет высокой, если две сливающиеся фирмы имеют схожие идентичности и используют метод ассимиляции для интеграции идентичностей (*Cardona and Raffaelli, 2016*).

Вариант 2: идентичности двух компаний схожи, однако они используют конфедеративный, а не ассимиляционный метод интеграции.

В случае использования двумя компаниями со схожими идентификационными данными метода конфедерации при M&A вырастают риски отрицательных результатов сделки (*Charoensukmongkol, 2016*), так как разделение двух организаций, несмотря на их схожую идентичность, цели, ценности, продукты и услуги, предполагает, что сотрудники поглощенной компании, будучи отделенными, могут думать, что они «пасынки» покупателя (проводя аналогию с детско-родительскими отношениями), подозревать, что они менее значимы для материнской компании, как следствие это может привести к снижению лояльности и вовлеченности.

Вариант 3: непохожие идентичности и использование ассимиляции приведут к отрицательным результатам.

В случае, когда идентичности двух компаний при слиянии и поглощении различны, а способом интеграции является ассимиляция, производительность новой объединенной структуры может пострадать, поскольку при слиянии компаний с разными идентичностями, как правило, возникают затруднения, недопонимания, конфликты и проблемы с властью.

Вариант 4: непохожие идентичности и использование конфедерации приведут к нейтральной производительности.

Конфедеративный подход может смягчить некоторые сложности адаптации после приобретения, но руководители должны помнить, что поддержание независимой идентичности ограничивает синергетический эффект между двумя компаниями в дальнейшем, поэтому результаты слияния и поглощения будут нейтральными, если две сливающиеся фирмы имеют разные идентификаторы и используют метод конфедерации.

В зависимости от схожести или различия корпоративной среды и культуры в компаниях, проходящих процессы слияния и поглощения, а также от метода совмещения данных культур, персонал может испытывать различный уровень стресса, связанный с конфликтами идентичностей, что

влияет на эффективность проводимых изменений. Следовательно, данные факторы критически важно учитывать при формировании эффективной кадровой стратегии.

Роль психодинамического консультанта

Контейнирующую и структурирующую роль здесь может взять на себя психоаналитически ориентированный организационный консультант, понимающий бессознательные процессы организаций в период трансформации и способный работать с группами, командами и отдельными индивидами, создавая безопасное переходное пространство для выражения эмоций, обсуждения происходящих процессов и тестирования новой реальности. Также он (консультант) может стать временной опорной фигурой и для лидера, развивая в нем «коучинговое Я».

Консультант, который достаточно погрузился в организационную среду и понимает ключевые триггеры поведения, может снизить беспокойство, предоставляя сотрудникам переходную удерживающую среду, чтобы они могли адаптироваться к новому поведению и новой системе ценностей.

Роль такого консультанта состоит не столько в обучении и развитии команды, сколько в научении лидера и сотрудников саморефлексии, осмыслению и пониманию степени своего влияния на других. Консультант опирается в своей работе на большое количество различных и хорошо структурированных проективных инструментов, работает с методом свободных ассоциаций и метафор, взаимодействует с сотрудниками как в индивидуальном, так и в групповом подходе, выявляя причины и контекст текущей организационной динамики.

Согласно представлениям о бессознательных процессах, происходящих в организациях в период слияния и поглощения, можно предполагать, что сотрудничество на этот период с психодинамическими консультантами способствует нормализации эмоциональной составляющей организации, формированию переходного пространства, необходимого для принятия изменений, а также проработке тревог и аффектов сотрудников и команд, что помогает высвобождению внутренних ресурсов работников для инвестирования их в бизнес-задачи компании (Шановалова, 2020).

Исследование психодинамических процессов в поглощаемой компании

В этой части статьи мы рассмотрим бессознательные процессы и динамику компании, которая на момент написания данной статьи находилась в процессе поглощения. Исследование проводилось с использованием психоаналитических инструментов и техник.

В проводимом эмпирическом исследовании рассматривается гипотеза о том, что чем выше занимаемая должность и близость к первому лицу (а значит, к достоверной информации), тем выше тревога и ощущение неопределенности.

Исследуемая компания – холдинговая структура, а именно сеть медицинских центров с управляющей компанией во главе.

Первичная задача компании в целом и каждого медицинского центра в частности – улучшение качества жизни пациентов, решение деликатных медицинских проблем путем оказания профессиональной медицинской помощи.

Первичная задача управляющей компании – стратегическое управление сетью медицинских центров, внутренний и внешний консалтинг в медицинской сфере.

Весной 2021 года генеральный директор компании информировал сотрудников сети о предстоящей сделке и попросил поддержки и участия во взаимодействии с аудиторской компанией по due diligence, в тот же период было запущено первое исследование психоэмоционального фона внутри компании.

Внутренняя среда: медицинская деятельность сама по себе во все времена была сопряжена с работой в условиях высокого уровня стресса и страха. Пациенты приходят в медицинский центр, будучи в состоянии, когда что-то болит, когда страшно и невыносимо, но лечиться все-таки нужно. И тогда зачастую страх смерти, несознаваемая сильная внутренняя тревога за свою жизнь, за результат диагностирования и лечения, а также многие другие особенности характера каждого пациента могут выразиться в различных непредсказуемых реакциях персонала клиники: от сложного установления контакта с больным до эвакуации аффекта. В течение дня у каждого доктора поток пациентов. Поэтому врач не только должен оказать качественную высокопрофессиональную помощь, в соответствии со стандартами лечения и требованиями к заполнению медицинской документации, а, главное, сконтейнировать эмоции каждого больного, дать ему уверенность и надежду, поддержку и утешение. Медицинские работники (впрочем, лучше обобщить и сказать про всех работников медицинского центра) не могут и не готовы выдерживать такой выраженный, негативно окрашенный эмоциональный уровень, и тогда включаются (у каждого свои) защитные психические механизмы. Таким образом, психологическая гигиена, переходное пространство и фигура лидера, умеющего грамотно и с определенной периодичностью контейнировать тревоги и стрессы сотрудников, просто необходимы для того, чтобы избежать эмоционального и профессионального выгорания и как следствие потери ценных сотрудников в условиях общего дефицита грамотных медицинских работников.

Внешняя среда весной 2021 года характеризовалась разгаром пандемии, высокой неопределенностью в законодательных актах (для медицины это было критично), общей турбулентностью внешней среды и зашкаливающей тревожностью как пациентов, так и самих сотрудников разных уровней и должностей. Подобные вызовы значительно влияют на ментальное и физическое здоровье каждого человека, и в корпорации стала особенно звенящей тема эмоциональной разгрузки. Тогда руководство компании приняло решение о проведении проекта психологической поддержки со специалистами (психодинамическими коучами). Стало очевидно, что

психологическое здоровье сотрудников напрямую влияет на результативность работы как самих сотрудников, так и команд и бизнеса в целом.

Анализ работы следует начать с обобщенного мнения психодинамических специалистов о сложности выстраивания контакта с сотрудниками компании, большом количестве отказов от сотрудничества и опозданий на сессии, что может говорить о высоком уровне недоверия и тревожности среди сотрудников.

В контексте компании клиенты говорили о том, что им нравится здесь работать, но в последнее время нагрузка сильно увеличилась. Усугубляется это для медицинского персонала еще и тем, что врачи не готовы к дополнительным ролям, которые компания на них взвалила (например, блогер, участник в съемке роликов и т. д.).

У многих психодинамических консультантов сложилось впечатление, что в компании работают состоявшиеся специалисты, которые осознают собственную ценность, при этом существует несколько выраженных внутрикорпоративных конфликтов, которые накладывают отпечаток на операционную деятельность и взаимодействие между людьми:

- конфликт поколений между врачами (одни более опытные, менее гибкие – другие готовы к изменениям и лояльны, но опыта меньше, и им не всегда дают возможность проявиться);
- стандартизация всех процессов как роботизация сотрудников.

В целом сотрудники очень чувствительно реагировали на (не)получение признания со стороны компании, ожидали атмосферу профессионального общения и заботы. У некоторых сотрудников были выявлены сложности с балансом между работой и личной жизнью.

Консультанты говорили, что чувствовали в контрпереносе большое количество тревоги, скрытую, но вполне ощущаемую агрессию, а также сопротивление и даже протест.

Исходя из сказанного, мы видим, что в компании присутствует общий фон повышенной тревожности и у многих ключевых руководителей нет фокуса на том, чтобы контейнировать и поддерживать сотрудников.

Второй этап исследования проводился в начале 2022 года, когда компания уже была готова выходить на сделку. Был проведен анонимный опрос вовлеченности и лояльности ключевых сотрудников сети медицинских центров и всех сотрудников управляющей компании. Анкета была довольно стандартной – про условия работы, обратную связь, стратегию, баланс личного и рабочего, безопасность, личность руководителя и атмосферу в коллективе как факторы влияния на вовлеченность, лояльность и удовлетворенность сотрудников. Приняли участие в опросе генеральные директора медицинских центров, главные врачи, главные бухгалтеры, директора и специалисты управляющей компании.

Порядка 10% приглашенных к опросу сотрудников не приняли в нем участия, что дает возможность предположить наличие дистанцированности и безопасности у части группы, о чем упоминалось ранее в проекте с психодинамическими коучами – о том, что от любых активностей безопаснее максимально дистанцироваться.

Анализируя результаты проведенного исследования, можно предположить, что показанные результаты выглядят приемлемыми. Однако при детальном разборе категорий следует отметить следующие факты:

1. Самые удовлетворенные из всех – главные врачи медицинских центров. На взгляд автора статьи, этот результат получился в связи с тем, что главные врачи имеют наименьший стаж работы в компании, много новых, а еще в компании выстроена система адаптации и обучения для новых сотрудников. Во врачей организация инвестирует много ресурсов, и их «ведут» на рабочем месте их непосредственный руководитель (административное подчинение), генеральный директор клиники и функциональный руководитель – медицинский директор управляющей компании, выполняющий материнскую функцию, поэтому они в большей мере чувствуют себя защищенными и востребованными.

2. У главных бухгалтеров ситуация несколько иная. По стажу работы многие из сотрудников этой категории работают довольно давно, генеральные директора клиник большей частью поддерживают их так же, как главных врачей, но функциональный руководитель – действующий финансовый директор (работает относительно недавно), – сотрудница с истерическим радикалом. Постоянные «вихри» конфликтов, которые она создает, помещая в главных бухгалтеров все свои страхи и высочайшую тревожность, а также болезненное неприятие любой критики, из-за которого постоянно критикуются другие, приводят к тому, что команда начинает выгорать и есть первые увольнения по этой причине. И тогда можно сделать допущение, что личность и тип поведения лидера влияют на уровень тревожности команды и это актуально для всех уровней подчинения.

3. Генеральные директора клиники – это большей частью работающие в компании давно люди, конкурирующие между собой неосознанно за внимание и одобрение лидера. Страдают при этом такие индикаторы, как карьерный рост (для этой категории сотрудников это действительно сложный вопрос, и развитие карьеры возможно только горизонтально) и баланс личной жизни и работы, что опять же обусловлено высоким уровнем требований как компании, так и законодательства. Таким образом, дисбаланс в карьерном треке, с одной стороны, и высокий уровень ответственности перед компанией – с другой, рождают несознаваемую неудовлетворенность и тревогу несоответствия занимаемой должности.

4. И, наконец, у директоров направлений УК были самые низкие показатели. Парадокс состоит в том, что большей частью эта команда работает с лидером много лет, реализовали совместно разноплановые успешные проекты и вывели компанию на сделку M&A. Если разобрать по индикаторам, самые низкие показатели – это безопасность, баланс личного/рабочего и карьера. Можно предположить, что подтверждается заявленная во второй части статьи гипотеза, что бессознательная тревога этих сотрудников наиболее высока и связана она как раз со сделкой слияния и поглощения.

Таким образом, эмпирическим путем подтверждается: работа группы, ее функционирование и выполнение задач ухудшаются из-за ухудшения функционирования Эго ее членов. Реалии ситуации и задачи упускаются

из виду, проверка реальности оставляет желать лучшего, мышление вторичных процессов ухудшается, и появляются более примитивные формы мышления. Существует новая организация поведения, которая, по видимому, определяется фантазиями и предположениями, которые нереалистичны и представляют собой неудачную борьбу за то, чтобы справиться с текущей реальной ситуацией. А значит, можно предположить, что для защиты от высокого уровня стресса директора УК, по классификации Биона, действуют из базовых допущений «мне» (Бион, 2008).

Завершающий этап исследований был проведен весной 2022 года с использованием проективной методики «Рисунок моей роли в компании».

Приглашение принять участие в исследовании было сделано не только генеральным директорам медицинских центров, но и нескольким директорам направлений управляющей компании. Директора направлений УК отказались от участия, что только подтверждает гипотезу о том, что чем ближе к лидеру и больше информации о самой сделке, тем выше тревога и желание дистанцироваться.

Разбор каждого из рисунков последовательно велся в группе, которая состояла из пяти психодинамических консультантов. После краткого представления самого автора рисунка и сопровождающей речи консультанты задавали любые уточняющие вопросы и далее разбирали нарисованное в психоаналитическом ключе, исследуя, что лежит в контексте каждого рисунка, о чем бессознательно рассказывал автор: все, что связано с неопределенностью будущего, в частности когда придет новый собственник, у которого новые требования и новая стратегия, – все это накладывается на высокую неопределенность текущего момента во внешней среде (данное исследование было проведено в феврале-марте 2022 года). И тогда какое в данный момент психологическое состояние сотрудников? О чем говорит их бессознательная часть? Каковы несознаваемые страхи, надежды, состояния?

По результатам обсуждения у консультантов возникла метафора дамклова меча, которым является сделка слияния и поглощения, которая рождает невероятное ощущение неопределенности и дезориентации. Таким образом, это ведущая тревога, которая объединяет все рисунки и прослеживается исходя из динамики, используемых слов и ощущений в контрпереносе.

Ключевые сотрудники бизнеса даже на уровне бессознательного надежно «прячут» эту тревогу, чтобы не показать себя ребенком среди взрослых, самым утвердиться в том, что у них все под контролем. Таким образом, ключевой защитный механизм – это вытеснение. В каждом рисунке – неперевариваемое количество тревоги. Обсуждали, что все участники исследования – сложные и неоднозначные личности, каждый из них преследует свою цель, и даже если бы здесь, в текущей компании, произошла уверенная интеграция и идентификация с брендом с учетом личностных особенностей каждого, не факт, что такое же место будет у них в новой структуре и, соответственно, так же эффективно будет работать.

У группы к окончанию сессии была усталость от проведенной работы, от анализа и впечатлений всех рисунков. Как если бы тревога, которую скрывали участники исследования, оттягивала огромное количество ресурсов. Соответственно, у всех уходит много сил на ее скрывание.

Обсуждение результатов проведенных исследований

Анализируя результаты проведенных исследований, хочется обратить внимание на факторы внешней среды: первое исследование проводилось весной 2021 года, когда информация о предстоящей сделке слияния и поглощения, ее старт «наложились» на некоторое постпандемийное эмоциональное выгорание, которое у медиков было на тот момент крайне выражено, а второе и третье исследования были проведены весной 2022 года, когда сделка M&A подошла к финалу, а мир сотрясали глобальные политические и экономические катаклизмы и, на взгляд автора работы, внешний контекст, безусловно, также играл роль в формировании особого психоэмоционального фона в компании этого периода. Также мы в данной работе уже обсуждали наличие повышенного уровня тревоги, присущего данной сфере деятельности с силу специфичности первичной задачи, — страха причинить вред пациенту и/или нарушить какой-то из массива регламентирующих законодательных нормативных актов.

Итак, в результатах первого исследования, которое было посвящено индивидуальной работе коучей с сотрудниками компании, мы наблюдаем наличие внутрикорпоративных конфликтов в тот момент. Большое количество запросов на работу с коучами относилось к теме эмоционального выгорания, дистресса, повышенного уровня тревоги и неопределенности. На сознательном уровне многие участники проекта отметили, что удовлетворенность от работы есть, бессознательно они же демонстрировали желание максимально дистанцироваться и не выходить за рамки своей прямой функции, в другие роли или раскрываться перед коучами в полной мере из-за ожидания подвоха и недоверия к работодателю.

На втором этапе исследования мы сделали анализ проведенного анкетирования удовлетворенности, вовлеченности и лояльности персонала и также подтвердили гипотезу о том, что чем больше информации о нюансах сделки, больше опыта в подобных мероприятиях, чем ближе к фигуре лидера, тем ниже вовлеченность и лояльность и вместе с тем выше несознаваемый и зашкаливающий уровень тревоги перед неопределенностью будущего и непониманием своей роли в новой, объединенной компании.

И, наконец, третье исследование по проективной методике лишь подтвердило уже четко очерченную версию о наличии высокого уровня тревоги, тщательно скрываемой. Присутствуют выраженная групповая идентификация с брендом и страх аннигиляции после сделки.

Высокий уровень неопределенности для всех участников процесса, масштаб изменений, а также высокая скорость проекта по психодинамической теории, рассмотренной в работе, повышают тревогу на всех уровнях компании. Проведенное анкетирование и групповая работа консультантов над рисунком «Моя роль в компании» позволяют подтвердить

гипотезу о том, что уровень тревоги сотрудников на ключевых должностях растет, исходя из предположения о том, что чем выше занимаемая должность и близость к первому лицу (а значит, к достоверной информации), тем выше тревога и ощущение неопределенности.

На основании проведенных исследований и включенного наблюдения можно предположить, что в компании работают такие защитные механизмы, как всемогущий контроль, изоляция аффекта, вытеснение, расщепление и отрицание.

Заключение

Выводы, представленные в данной работе, базируются на внутренних процессах исследуемой компании и, безусловно, в первую очередь могут быть использованы именно для нее, но при этом прослеживаются общие тенденции по этой теме: усиление тревоги и страх поглощения могут привести к формированию групп базовых допущений, а на первый план выходит личностная зрелость фигуры лидера, его способности контейнировать тревоги подчиненных и готовности выдерживать неопределенность и эмоциональную правду.

Исследования проводились в разные периоды для большего понимания динамики внутри компании в течение процесса M&A, и на основании них можно предположить, что с течением времени и пониманием неотвратимости сделки тревога внутри организации растет.

Данные исследования являются тем материалом, который можно использовать для проведения интервенций как с руководителем компании для разьяснения процессов, происходящих с персоналом, так и с сотрудниками, что предотвратит эмоциональное выгорание и, как следствие, позволит сделать внутрикорпоративную атмосферу чуть более открытой и комфортной, а значит, предпринятые меры могут предотвратить возможные увольнения сотрудников из компании.

Открытость лидера и готовность искать новые подходы и инструменты для эффективного управления персоналом объясняются тем, что рынок труда в сфере медицины ощутимо перегрет. Много лет дефицит квалифицированных медицинских кадров (особенно в регионах) разрастался в серьезную проблему и привел к тому, что привлечение и удержание сотрудников для компании стоит больших усилий. И тогда психоаналитические коучи и организационные консультанты могут стать уверенной поддержкой в процессе изучения групповой динамики и работы с организационными изменениями, а также консультирования и раскрытия новых ресурсов лидера, в том числе в рамках индивидуального коучинга, чтобы сохранить команду после завершения сделки M&A.

Сотрудничество с психодинамическими коучами позволит создать то самое переходное пространство, рассмотренное в данной работе, дать сотрудникам возможность самовыражаться безопасно, чувствовать себя принятыми и услышанными (в исследованиях выявлено, что сейчас сотрудники испытывают дефицит в проявлении этих базовых потребностей). Как следствие в результате взаимодействия с коучами сотрудники

через исследование своего бессознательного будут раскрывать собственный потенциал для более качественного выполнения первичной задачи. Коучинговые стратегии в психоаналитическом подходе работают на снятие бессознательных блоков в психическом аппарате индивида, а значит, вследствие такой работы у коуча будет снижаться уровень тревоги, расти уверенность в себе, появляться доверие к миру, что как следствие положительно скажется и на групповой динамике исследуемой организации, большей зрелости корпоративной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева А. Ю.* Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различения // Южно-российский журнал социальных наук. 2007. № 4. С. 4–20.
2. *Белоскокова-Михайлова Е.* Психоанализ бизнеса. Когито-Центр, 2021.
3. *Бион У.* Групповая динамика: новый взгляд. (1952) // Идеи У. Биона в современной психоаналитической практике. М.: Русское психоаналитическое общество, 2008. [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/bion_uilfred/grupповауа_dinamika.html (дата обращения: 17.01.22).
4. *Боулби Д.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004. С. 354.
5. *Винникотт Д. В.* Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2002. [Электронный ресурс] URL: https://psychic.ru/acrobat/Winnicott_Game.pdf (дата обращения: 03.02.2022).
6. *Гирнальзик Т., Катуржевский А., Ломер М.* Бессознательное в организации // Т. Гирнальзик, А. Катуржевский, М. Ломер. Психодинамика руководства, консалтинга и управления изменениями. М.: Класс, 2019.
7. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях. М.: Класс. 2018. С. 424.
8. *Кетсде Врис М.* Лидер на кушетке. СПб.: Бест Бизнес Букс, 2008. С. 258.
9. *Кетс де Врис М.* Мистика лидерства. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. Т. 311. С. 7.
10. *Кляйн М.* Любовь, вина и репарация и другие работы 1929–1942 гг. // Психоаналитические труды. 2007. № 6.
11. Рынок слияний и поглощений в России в 2020 году // Данные КПИМГ. 2021. С. 52. [Электронный ресурс] URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2021/02/ru-ru-ma-survey-2020-fin.pdf> (дата обращения: 12.11.22).
12. *Лоуренс Г. В., Бэйн А., Голд Л. Д.* Пять базовых допущений // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. Т. 1. № 2. С. 101–127.
13. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2015. С. 480.
14. *Фрейд З.* Бессознательное. М.: Ренессанс, 1992. [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/read/freyd_zigmund/bessoznatelnoe.html#0 (дата обращения: 15.03.22).
15. *Фрейд З.* Печаль и меланхолия. М.: Ренессанс, 1992. [Электронный ресурс] URL: <https://psychoanalysis.by/2018/08/20/book-136/> (дата обращения: 15.03.22).

16. Шаповалова Е. В. Психодинамический подход к организационному развитию // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. Т. 1. № 1. С. 126–146.
17. Aklamani A., Degbey W. Y., Tarba S. Y. (2015). The role of HRM and social capital configuration for knowledge sharing in post-M&A integration: a framework for future empirical investigation. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 27. No 22. P. 2790–2822. [Электронный ресурс] URL:<https://doi.org/10.1080/09585192.2015.1075575> (дата обращения: 16.03.22).
18. Angwin D. N. et al. (2014). How communication approaches impact mergers and acquisitions outcomes. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 27. No 20. P. 2370–2397. [Электронный ресурс] URL: [doi:10.1080/09585192.2014.985330](https://doi.org/10.1080/09585192.2014.985330) (дата обращения: 15.02.22).
19. Awbrey S. M. (2006). The Systems Psychodynamics of Organizations: Integrating the Group Relations Approach, Psychoanalytic, and Open Systems Perspectives *Management Learning*. Vol. 34. No 4. P. 495.
20. Bansal A. (2019). Thinking of mergers and acquisitions? Think of justice: a people perspective. *International Journal of Manpower*. P. 435. [Электронный ресурс] URL:<https://doi.org/10.1108/IJM-02-2019-0087> (дата обращения: 10.01.22).
21. Bansal A. (2015). Understanding the integration mechanisms practiced during organizational change: Evidence from five M & A transactions. *Journal of Organizational Change Management*. [Электронный ресурс] URL:<http://dx.doi.org/10.1108/JOCM-12-2014-0222> (дата обращения: 10.02.22).
22. Calipha R. et al. (2018). Acquired, transferred and integrated knowledge: a study of M&A knowledge performance. *Journal of Strategy and Management*. [Электронный ресурс] URL:<https://doi.org/10.1108/JSMA-07-2017-0049> (дата обращения: 11.01.22).
23. Cardona F., Raffaelli D. (2016). Turbulent family and organisational dynamics in the context of succession in a family business: A joint intervention to contain and work through destructive Oedipal forces. *Organisational and Social Dynamics*. Vol. 16. No 2. P. 245–254.
24. Charoensukmongkol P. (2016). The role of mindfulness on employee psychological reactions to mergers and acquisitions. *Journal of Organizational Change Management*. [Электронный ресурс] URL:<http://dx.doi.org/10.1108/JOCM-05-2015-0068> (дата обращения: 04.03.22).
25. Croucher R. et al. (2020). Challenges and Resilience: Managers' perceptions of firm performance following M&As. *Applied Psychology*. Vol. 69. No 4. P. 1470–1505. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1111/apps.12228>(дата обращения: 12.03.22).
26. De Gooijer J. (2018). The murder in merger: A systems psychodynamic exploration of a corporate merger. Routledge. P. 312.
27. Degbey W. Y. et al. (2021). The impact of psychological ownership on employee retention in mergers and acquisitions. *Human Resource Management Review*. Vol. 31. No 3. P. 1745. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1016/j.hrmmr.2020.100745> (дата обращения: 11.03.22).

28. *Doukas J. A., Zhang R.* (2021). Managerial ability, corporate social culture, and M&As. *Journal of Corporate Finance*. Vol. 68. P. 142. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2021.101942> (дата обращения: 02.03.22).
29. *Ertugrul M.* (2013). Employee friendly acquirers and acquisition performance. *Journal of Financial Research*. Vol. 36. No 3. P. 347–370. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6803.2013.12014.x> (дата обращения: 11.03.22).
30. *Gabriel Y.* (2011). Psychoanalytic approaches to leadership. *The SAGE Handbok of Leadership*. London: Sage. P. 393–405.
31. *Gomes E. et al.* (2013). Critical success factors through the mergers and acquisitions process: revealing pre- and post-M&A connections for improved performance. *Thunderbird international business review*. Vol. 55. No 1. P. 13–35.
32. *Haleblian J. et al.* (2009). Taking stock of what we know about mergers and acquisitions: A review and research agenda. *Journal of management*. Vol. 35. No 3. P. 469–502. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6803.2013.12014.x> (дата обращения: 10.02.22).
33. *Joshi M., Sanchez C., Mudde P.* (2018). Improving the M&A success rate: identity may be the key. *Journal of Business Strategy*. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1108/JBS-08-2017-0115> (дата обращения: 11.01.22).
34. *Kempton B., Sarala R. M.* (2021). Employee Perspective on Mergers and Acquisitions (M&As): A State-of-the-art Literature Review and Synthesis. *Advances in Mergers and Acquisitions*. P. 115.
35. *King D. R. et al.* (2004). Metaanalyses of postacquisition performance: Indications of unidentified moderators. *Strategic management journal*. Vol. 25. No 2. P. 187–200. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1002/smj.371> (дата обращения: 25.02.22).
36. *Krantz J.* (2022). Leadership, betrayal and adaptation. *Human Relations*. Vol. 59. No 2. P. 221–240.
37. *Miller E. J., Rice A. K.* (2013). *Systems of organization: The control of task and sentient boundaries*. Routledge. P. 312.
38. *Obholzer A. et al.* (2003). *The unconscious at work*. Taylor & Francis. P. 148.
39. *Osnes G.* (2014). Succession as strategic space in family capitalism: a founder to third generation succession case explored. *Organisational and Social Dynamics*. Vol. 14. No. 1. P. 76–103.
40. *Stapley L. F.* (1993). *The personality of the organisation: A psycho-dynamic explanation of culture and change*. Sheffield Hallam University (United Kingdom). P. 212.
41. *Stapley L.* *The personality of the organisation: A psycho-dynamic explanation of culture and change*. Free Association Books, 1996.
42. *Winnicott D. W.* (1999). *The theory of the parent-infant relationship*. *International Journal of Psycho-Analysis*. Vol. 41. P. 585–595.

Psychoanalytic approach to supporting M&A projects on the case example

O. I. Etova

Etova Olga I., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor, coach.

Mergers and acquisitions are an integral part of the modern business environment. And this market is growing, so total transactions volume reached three trillion dollars in 2021. In particular, the healthcare sector has demonstrated maximum activity in the mergers and acquisitions market over the past seven years. The pandemic and the geopolitical situation played a role in the overall picture of changes, as these environmental factors accelerated the transformation in the field of medicine: the level of digitalization, cooperation and collaboration between market participants increased. Global trends: population aging, growth of number diseases of blood circulation system, oncology, diabetes, growth in the number of various mental illnesses (for example, depression, dementia, etc.) form the directions for the sustainable development of the healthcare industry and create the basis for mergers and acquisitions in the medium and long term.

In this master's thesis, the mechanisms of mergers and acquisitions are considered and analyzed in detail from a psychoanalytic point of view. Psychoanalytic concepts allow us to look at the transaction mechanism as a living organism, which makes it possible to see the picture in the dynamics of "here and now", takes into account the rational and unconscious aspects of changes, deep impulses and context. The process of large-scale transformation within the company under study is also considered from the point of view of the dynamics of the group, the work of protective mechanisms and organizational behavior. Keywords: mergers and acquisitions, M&A transactions, psychology of groups and individuals in a period of change, psychoanalytic counseling, anxiety.

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Психоаналитические аспекты влияния личности лидера на корпоративную культуру компании

И. А. Бакаева

Бакаева Ирина Александровна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант, руководитель в компании ТОП-10.

В данной работе мы ставили цель кратко ознакомиться с теорией психоанализа групповых процессов, лежащих в основе деятельности компаний, проанализировать специфичность влияния личности лидера на групповую динамику организации, в том числе в контексте теории базовых допущений, а также изучить типологию личности лидеров и их взаимосвязь с корпоративной культурой компании.

Ключевые слова: психоанализ, теория базовых допущений, корпоративная культура, организационная психология, защиты, психология масс, лидер, психология лидерства.

Мы видим, как теоретики и практики в области менеджмента и организационного развития все более пристальное внимание уделяют такому явлению, как корпоративная культура, признавая ее важность, глубинный смысл и неразрывную связь с успешным развитием компании.

Так, основатель научного направления «Организационная психология» Эдгар Шейн считает роковой ошибкой поверхностный подход к исследованию организационной культуры, подтверждая, что в основе работы компании лежат глубинные представления, которыми компания руководствуется на самом деле (Шейн, 2011). Ни внешние атрибуты, ни провозглашаемые ценности не могут дать истинного понимания о том, чем

компания является на самом деле и какие скрытые и зачастую патологические элементы она несет внутри своего культурного кода.

А. В. Россохин в предисловии к труду Отто Кернберга «Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях» (Кернберг, 2018) пишет: «Почему так невероятно сложно произвести даже небольшие изменения в корпоративной культуре? Похоже, что организация и ее корпоративная культура со всеми глубинными слоями организационного бессознательного – не объект для изменения, а субъект, то есть живой организм, во многом непонятный и неизвестный, с которым нам необходимо научиться взаимодействовать».

Таким образом, рассмотрение процессов, протекающих в организации и формирующих ее глубинную культуру, невозможно без исследования ее бессознательных процессов, а значит, требует использования психоаналитического подхода.

Рассматривая корпоративную культуру через призму психоаналитической теории, мы, безусловно, ставим во главу угла людей, ведь именно сотрудники компании во главе с лидером определяют ее успех. Как отмечается там же в предисловии (Кернберг, 2018), «без принятия во внимание разных, многоуровневых и системных влечений сотрудников настоящего их вовлечения добиться невозможно. Когда сотрудники ощущают, что компания относится к ним не как к объектам, а как к развивающимся личностям, они начинают внутренне и внешне открываться, обретают более глубокий смысл своей деятельности, увлекаются ею и начинают работать с удовольствием. Внешний контроль постепенно переходит в более эффективный самоконтроль».

Еще несколько десятилетий назад рынок был более инертен и предсказуем, а новые продукты и услуги не были столь обычным явлением, как сейчас. В таких условиях все изменения происходили достаточно медленно, и внутреннее организационное устройство, где культура компании и люди, ее воплощающие, – это просто объекты, функции, могло сосуществовать сколь угодно долго наравне с хорошими рыночными показателями компаний.

Сейчас же в эпоху «цифрового равенства» и рыночных суперскоростей недооценка влияния культуры компании и роли в ней человека может повлечь незамедлительные последствия в виде падения вовлеченности персонала и снижения производительности с последующей потерей рынка и, в лучшем случае, стагнацией компании.

Изучая ключевые факторы формирования корпоративной культуры, мы приходим к выводу о наличии тесной взаимосвязи между культурой компании и личностью лидера во главе. Э. Шейн, например, однозначно постулировал в своих трудах (Шейн, 2011), что лидеры порождают культуры, навязывая компании свои ценности. Другие авторы не столь категоричны, признавая, что влияние культуры и лидера взаимонаправленно, при этом культура также может формироваться под влиянием иных факторов.

Психоаналитические аспекты групповых процессов

В 1921 году Фрейд (*Фрейд, 1921*) положил начало психоаналитическому изучению групповых процессов, описав свои идеи в работе «Психология масс и анализ человеческого Я». В основе групповых процессов, по мнению Фрейда, лежат либидинальные связи. Именно либидо становится той связующей силой, которая проецирует Я-идеал членов группы на лидера, что открывает путь к идентификации с лидером и остальными членами группы. Эта проекция сдерживает обусловленные Супер-Эго проявления самокритики, моральных ограничений, формируя взамен чувство защищенности и единства через принадлежность к группе (*Фрейд, 1923*).

Возникающий эффект близости и принадлежности выполняет при этом две функции. С одной стороны, удовлетворяет потребность человека в зависимости, насыщает его примитивные нарциссические потребности («мы – сила»), а с другой стороны – защищает индивидуума в группе от неизбежной для группы внутригрупповой агрессии, перенаправляя ее силу в сторону внешней опасности.

Однако важным следствием и даже «платой» за близость и защиту группы становятся процесс потери собственной идентичности и некоторый регресс индивидуума, когда на первый план выходят регрессивные проявления, которые, как правило, вызываются и управляются лидером (*Фрейд, 2019*).

При этом Кернберг (*Кернберг, 2018*) упоминает, что в таких группах неминуемо может возникать чувство отчуждения, которое является бессознательно посылаемым предупредительным сигналом в тех случаях, когда потеря собственной идентичности может стать необратимой, сопровождаться несвойственным индивиду поведением, выраженным чувством агрессии или другими чуждыми ему проявлениями.

Таким образом, можно говорить о существовании ключевого конфликта индивида при его нахождении в группе, а именно: это желание индивида быть в группе, удовлетворяя тем самым свои потребности в зависимости, защите и единении, и страх потери себя вследствие регресса до общегруппового состояния.

Групповая культура и группы базовых допущений

В данном разделе мы предлагаем более подробно изучить теоретические аспекты групповых процессов и групповой динамики, рассмотреть специфику эмоциональных связей, возникающих при работе групп, а также рассмотрим категоризацию способов функционирования групп в зависимости от используемых ими защит.

Понятие «групповая культура» в психоаналитическом контексте мы встречаем в работах У. Биона (*Гринберг и др., 2018*). Это понятие было им введено наравне с понятиями «групповое мышление», «рабочая группа», «группа базовых допущений» для описания неких общих черт, присущих групповым процессам.

Как пишут авторы труда «Введение в работы Биона» (*Гринберг и др.*, 2018, с. 13), «групповое мышление формируется единодушным мнением, волевым решением или желанием группы в данный момент. Члены группы вносят свой вклад анонимно и неосознанно. Групповое мышление может находиться в конфликте с желаниями, мнениями и мыслями отдельных индивидов и может вызывать у них чувство неловкости, гнев или другие реакции».

Как мы видим, здесь идет достаточно четкое подтверждение гипотез, формулируемых Фрейдом (*Фрейд*, 1930) и Кернбергом о ключевых конфликтах в группе.

Итак, **групповое мышление** – это коллективная психическая работа, бессознательные связи, устанавливаемые в группе помимо воли или желания участников группы, позволяющие им функционировать как единый организм. А групповая культура – это феномен, возникающий из группового мышления. По Биону (*Bion*, 1984), **групповая культура** представляет собой «результат взаимодействия между групповым мышлением и желаниями отдельных индивидов», а «**организация**, которую группа выбирает в данный момент или в течение определенного периода времени, происходит из конфликта между безличной и бессознательной коллективной волей и желаниями и потребностями индивида» (*Гринберг и др.*, 2018, с. 13).

В развитие этих идей также было введено понятие **базовое допущение** – это некие примитивные эмоциональные ограничения, которые принимает групповое мышление. Слово «базовое» акцентирует внимание на примитивности тех черт, которые могут быть проявлены в групповом мышлении под воздействие эмоциональных реакций.

«В группе лежащие в ее основе эмоциональные импульсы – базовые допущения – выражают разделяемую всеми фантазию всемогущего или магического типа относительно того, как достичь групповых целей и удовлетворить групповые желания. Эти импульсы, характеризующиеся иррациональным содержанием, имеют сильное и реальное проявление в поведении группы. Важно отметить, что базовые допущения являются бессознательными и часто противопоставлены сознательным рациональным мнениям членов группы» (*Гринберг и др.*, 2018, с. 13).

Было выделено несколько базовых допущений, формирующих специфичность группового мышления. Это допущение о зависимости, об образовании пар и допущение о борьбе/бегстве (*Симингтон*, 2010).

1. Первое – допущение о зависимости – возникает, когда члены группы наделяют лидера качествами сверхличности, воспринимая его как всемогущего и совершенного, а самих себя при этом воспринимая как зависимых и неполноценных. Часто такое допущение проявляется через фразы: «это решение может принять только мой руководитель», «пойдем к шефу, только он может нас рассудить / решит нашу проблему».

Такого рода зависимость в определенных количествах может служить на благо организации, проявляясь через слаженность и сплоченность коллектива, верность идеалам группы и руководителю во главе ее, но в условиях чрезмерной передачи ответственности всемогущему лидеру и

снятия с себя ответственности происходит потеря автономности и критического мышления со стороны сотрудников, формируется неспособность к зрелым рабочим контактам и самостоятельному принятию решений.

В определенный момент лидер, проявляя свое «несовершенство» и неспособность соответствовать всем ожиданиям группы, может стать предметом сильного обесценивания со стороны группы и подвергнуться попыткам свержения.

Таким образом, можно констатировать, что ключевыми защитами, свойственными группам с базовым допущением о зависимости, являются примитивная идеализация, отрицание, расщепление и сопровождающие их зависть, жадность, проективное всемогущество.

2. Второе базовое допущение – образование пары или спаривание. Как правило (но не обязательно), это формирование гетеросексуальной пары, в которую проецируются ожидания группы, связанные с выживанием самой группы. Как если бы в союзе этой пары мог родиться ребенок, выживание которого символизирует некую сохранность или выживание самой группы. В отношении пары часто помещаются беспокойство, страх отчуждения, одиночество других членов группы. Часто группу с базовым допущением об образовании пары можно идентифицировать по фразам типа: «если бы два этих члена правления были в лучших отношениях, компания могла бы достичь лучших показателей».

Таким образом, в базовом допущении об образовании пары существует надежда на некоего мессию, который придет и спасет группу, причем важно подчеркнуть направленность взглядов этой группы именно в будущее, а не на исправление проблем настоящего.

Важно отметить, что такое образование неизбежно приводит к расщеплению группы – как психическому, так и впоследствии реальному, выраженному в распаде больших групп и образовании малых групп.

3. Третье базовое допущение, часто встречающееся в группах, – это допущение борьба/бегство. Для участников такой группы характерно объединяться для защиты от некоего врага, проявляя это в форме нападения на врага или бегства от него. При такой форме образования групп возникают так называемые «лагеря друзей и врагов» или мышление типа «мы и они» или «мы против них» (*Kets de Vries, 1979*). Лидер группы бей/беги воспринимается членами группы как предводитель в борьбе с гипотетическими врагами, при этом у членов группы может возникать желание управлять лидером или подчиняться его контролю. Как правило, группам с базовым допущением бей/беги свойственны проекция и проективная идентификация, которые защищают группу от внутригруппового раскола и агрессии, переводя фокус на внешнюю угрозу. Такую группу в компании всегда можно отличить по фразам «они присвоили себе все лавры», «у нас принцип – кто первым добежит», «не дадим цифры, а то они могут использовать их неправильным образом».

Интересно отметить, что разные авторы размышляют о примитивности базовых допущений через призму стадий психического развития индивида. Так, допущениям о зависимости и борьбе/бегстве приписывается догенитальный характер, а базовое допущение об образовании пар имеет

генитальный характер и воспринимает близость как защиту от внешних опасностей.

Выявление трех базовых допущений в групповых процессах дает возможность аналитику выявлять их и работать с бессознательными эмоциональными ситуациями, которые, как правило, скрывают психотическую тревогу на фоне ранее упомянутого нами конфликта, перед которым оказывается индивид в группе.

Как мы уже сказали, часто образ врага или мессии в организации является воображаемым и служит для отвлечения внимания от реальных внутригрупповых проблем. Таким образом, если группа и ее лидер чрезмерно фокусируются на поиске этих внешних отвлекающих объектов, их реальные внутренние проблемы растут в геометрической прогрессии, что в свою очередь может привести к краху отдельных направлений деятельности или компании в целом.

Наряду с существованием групп базовых допущений, функционирующих на примитивном эмоциональном уровне, есть еще способ организации группы, названный Бионом **рабочая группа** (Бион, 1952). Этот способ организации подразумевает осознанное объединение членов группы для решения рабочих задач, в основе которого лежат конструктивное взаимодействие, эмоциональная зрелость и готовность членов группы участвовать в решении общих задач, прикладывая для этого определенные усилия, осознание ими своей роли и причастности к группе, хороший контакт с реальностью и выдерживание фрустрации.

В основе работы рабочей группы, как правило, лежат рациональные и научные методы работы, взаимодействие преимущественно происходит вербальным образом, вслед за чем вербальные коммуникации преобразуются в форму действий для решения рабочих задач.

Основным отличием рабочей группы от групп базовых допущений является то, что при появлении новых идей рабочая группа дает возможность им развиваться, не идеализируя и не обесценивая их, не стремясь от них избавиться и не препятствуя их развитию, как происходит в случае действия примитивных базовых допущений.

При этом важно подчеркнуть, что рабочие группы и группы базовых допущений могут существовать одновременно, находясь в постоянном конфликте. Так, деятельность рабочей группы будет находиться под постоянным риском срыва со стороны группы базовых допущений.

Таким образом, можно сказать, что при разрушении рабочей группы (альянса, нацеленного на решение задачи) активизируются регрессивные процессы, которые происходят в группах под действием трех базовых допущений, всегда существующих в пассивном состоянии. Основная цель активизации базовых допущений – принятие группой того эмоционального состояния, с помощью которого она и ее члены смогут избежать необходимости контакта с реальностью, фрустрации, усилий и боли, присущих научению через новый опыт.

Подытоживая, мы видим, что помимо конфликта, присущего любой группе (равно как и компании в целом) и выраженного через желание слияния и зависимости, направленных против страха потери своей

идентичности, есть еще ряд специфических процессов, которые возникают в организации в форме базовых допущений и препятствуют конструктивному взаимодействию членов группы, решению их общих рабочих задач и достижению целей организации.

Типология личности лидеров и их влияние на корпоративную культуру компаний

Следующий элемент, который мы считаем важным внести в последовательность нашего изложения, – это личность руководителя, лидера и специфичность проявления черт его характера в организации.

Достаточно очевидно, что от способности лидера принимать и перерабатывать тревоги и риски компании, ее отдельных групп и индивидов, зависит успех любой компании. При этом также очевидно, что эти способности у разных лидеров в разном организационном контексте проявляются по-разному.

Рассмотрение типологии личности лидера хотелось бы начать с общего понимания контекста, который сопровождает лидерство как таковое. Вот лишь некоторые вызовы и риски, с которыми сталкивается руководитель.

1. Изолированность положения руководителя. Оказываясь «наверху», руководитель неминуемо оказывается в позиции ответственного за все и всех. Он наверху организационной пирамиды, что исключает возможность для перекладывания решений и ответственности.

На фоне этого может обнажиться эдипальный страх потерпеть неудачу, не справиться с этой ответственностью, потерпеть психическое поражение от всемогущего «отца».

2. Потеря откровенной спонтанной обратной связи. Будучи во главе иерархии, сложно требовать или ожидать от тех, кто стоит ниже, спонтанных откровений и непринужденного выражения мнения – преимущественно это будет мнение, пропущенное через множество социальных фильтров.

А это, в свою очередь, создает прекрасную почву для проявления параноидальных реакций лидера.

3. Будучи во главе компании и осознавая зависимость всех работников в компании от него и его решений, руководитель компании одновременно сталкивается с невозможностью удовлетворить свою человеческую потребность в зависимости. Ведь в отличие от всех своих подчиненных ему не от кого получить подтверждение своей успешности, похвалу за качественно выполненную работу.

Кернберг, например, приводит еще несколько примеров, достаточно типичных для жизни руководителя (Кернберг, 2018, с. 91): «постоянные размышления над организационными проблемами, для которых невозможно найти немедленного решения; вторжение общественной работы в частную жизнь, лишаящее руководителя свободного времени для спокойного отдыха; угроза свободе воображения, когда внутреннее отношение к людям и природе, к искусству и досугу отравлено напряжением, связанным с постоянным грузом выполняемых обязанностей».

Это лишь некоторые аспекты лидерства, основываясь на которых можно говорить, что руководство компанией неминуемо приводит к фрустрации базовых человеческих потребностей руководителя и неминуемо вызывает активацию защитных механизмов и регрессивные формы поведения. И от степени личностной зрелости руководителя, сохранности его психики, поддержки, которую он готов получать вовне (семья, друзья, психотерапия, коучинг), зависит, насколько разрушительное влияние этот регресс будет оказывать на деятельность компании.

Понимая неразрывную связь между системами убеждений, наиболее проявленными поведенческими паттернами и превалирующими стилями лидерства, теоретики и практики психоаналитического подхода при исследовании лидеров и организаций также базируются на общепринятой в психоанализе типологии личностей в зависимости от используемого набора защитных механизмов и эмоциональных состояний.

Приведем краткий анализ типов личности лидеров с точки зрения их проявления в организационной среде и с акцентом их влияния на корпоративную культуру, расширяя таким образом привычную психотерапевтическую классификацию и вводя описание поведенческих и эмоциональных качеств лидеров, наиболее или наименее эффективных в корпоративной культуре.

Манфред Кетс де Врис выделяет следующие ключевые типы характеров лидеров (*Кетс де Врис, 2006*).

1. Нарциссический тип

Этому типу посвящены наиболее масштабные труды ведущих организационных аналитиков, поскольку нарциссический тип является наиболее часто встречающимся среди лидеров и имеет столь широкий спектр проявлений – от здорового (нормального) нарциссизма до крайне дисфункционального, что заслуживает пристального рассмотрения.

Мы должны понимать, что успешность лидера всегда требует присутствия здорового нарциссизма, поэтому для целей нашего анализа влияния личности лидера на корпоративную культуру далее будем рассматривать его крайние, деструктивные проявления в организации.

Манфред Кетс де Врис относит к ним следующие эмоциональные проявления: мания величия, преувеличенное чувство собственной важности, потребность в восхищении, нехватка эмпатии, отсутствие сочувствия, эгоизм и самовлюбленность, игнорирование общепринятых правил, невозможность осознавать границы, эксплуатирующие формы поведения (*Кетс де Врис, 2006*).

В основе таких проявлений лежат, как правило, сверхожидания родителей и потворствующая гиперпротекция, равно как и отсутствие родительской заботы.

Кернберг при этом отмечает, что психотическая нарциссическая структура (ее деструктивные проявления) формируется при соблюдении следующих условий (*Кернберг, 2000*):

1. С рождения у ребенка отсутствует настоящая любовь матери – мать любит свои ожидания от ребенка.

2. До трех лет родители сопровождают ребенка гиперпротекцией, то есть мгновенно и безусловно удовлетворяют его желания: ребенку все разрешено, фрустрации отсутствуют.

Кохут считает, что вторым непереносимым условием развития психотической нарциссической структуры ребенка до трех лет является его обделенность, когда желаемые вещи недостижимы (Кохут, 2017), (Kohut, 1977).

Как результат нарушения развития и опыта фрустрации у ребенка со временем формируются такие ведущие защиты, как примитивная идеализация и обесценивание, проекция.

По Кохуту, также более здоровая невротическая нарциссическая структура формируется при наличии следующей установки родителей для ребенка в возрасте до 12 лет: «В отличие от меня ты будешь иметь всё» (Кохут, 2017). В результате формируется такая ведущая защита, как компенсация (в виде борьбы с авторитетами).

Теперь рассмотрим, как крайние формы нарциссизма могут быть проявлены в организационной культуре.

По мере карьерного развития деструктивный нарцисс может проходить несколько этапов. На старте карьеры ему важно выделиться, однако в отличие от истерического типа он может какое-то время находиться на периферии всеобщего внимания.

В дальнейшем он формирует группу одинаковых последователей, так называемых «миньонов», устраивает конкуренцию с соседними группами/подразделениями, копирует стратегии своего успеха, поклоняется лидерам, находит козлов отпущения в случае неудач, потому как присутствует колоссальный страх пережить стыд несоответствия и «умереть», обнаруживает сильно проявленный перфекционизм и желание постоянно самосовершенствоваться.

Далее следует расширение зон охвата, группа последователей (миньонов) все увеличивается, начинают происходить первые смены кадров, появляются элемент обесценивания лидеров, пренебрежение моралью, приватные договоренности на пути к дальнейшему продвижению.

На определенном витке развития нарцисса в организации может происходить полная/почти полная смена кадров как элемент бессознательной стратегии устранения свидетелей, могущих пошатнуть идеальный образ лидера (страх быть раскрытым), возникает «заигрывание» с законом как элемент борьбы с авторитетами. Это, как правило, есть предел достижений деструктивного нарцисса, после чего в организации наступает период остановки в развитии, хаос правил и критериев (как проявление элемента полярности Эго-состояний – грандиозное или обесценивающее восприятие собственного Я), лидер окружает себя почитателями, идентифицируясь с героем и испытывая чувство неуязвимости и грандиозности, продолжая периодическую чистку ближнего окружения. Такое развитие ситуации, как правило, неминуемо приводит к краху организации, если со стороны заинтересованных лиц (как правило, акционеров) не будут предприняты соответствующие компенсирующие меры.

2. Драматический (истерический) тип

Эта классификация выделена Манфредом Кетс де Врисом (*Kets de Vries*, 1984) и по своим проявлениям схожа с описанным Нэнси Мак-Вильямс (*Мак-Вильямс*, 2015) истерическим типом личности.

Интересно, что Кернберг (*Kernberg et al.*, 2004) идет дальше и дифференцирует истерическое и гистрионное расстройство личности, и согласно его классификации гистрионное (инфантильное) расстройство личности типично для пограничной структуры личности, а истерическое расстройство личности – для невротической структуры.

Однако далее мы будем оперировать термином «драматический тип» личности, введенным Манфредом (*Kets de Vries*, 1988), подразумевая в том числе симптоматику, свойственную истерикам.

Среди черт, наиболее проявленных у драматического типа, мы можем встретить высокую эмоциональность (в том числе гипертрофированные, наигранные эмоции), демонстративное поведение, желание и способность производить хорошее впечатление и быть в центре внимания, артистизм, креативность, интуитивность. При внешне проявленной человечности и сердечности драматики формируют преимущественно поверхностные отношения, нередко попадают в любовные истории, однако их внешне подчеркиваемая сексуальность может иметь инфантильный характер или отсутствовать вовсе (драматики часто могут быть асексуальны или фригидны).

Как правило, такого рода паттерны формируются в детстве под влиянием событий, вызвавших отчаянную потребность во внимании. Это может быть разное отношение родителей к детям, когда ребенку приходилось «завоевывать» любовь путем яркого, демонстративного поведения или через демонстрацию поведения, одобряемого родителями. В итоге у ребенка закрепляется привычка предъявлять миру фальшивую версию себя, быть угодными, стараться нравиться всем окружающими, проявлять соблазняющее поведение, скрывая внутри себя неуверенность, подавленность, беспокойство, тревогу, переживания и гиперчувствительность. Это воспринимается как маленькое, взрослое Я вытесняется, и остается Я ребенка, преодолевающего трудности, для которого свойственны привязанность к сильным мира сего и восхищение другими.

Ведущими защитными механизмами драматиков становятся подавление, сексуализация, регрессия (страх отвержения), отреагирование вовне (провокация, чтобы забыть о своей слабости, забыть о тревоге), диссоциация (чтобы уменьшить интенсивность переживаний).

Лидеру с сильно проявленным драматическим типом личности присуща склонность к играм и интриганству, у подчиненных драматика в контрпереносе может возникать ощущение, что ими играют.

Часто такие люди могут быть успешны в организациях за счет своей отзывчивости, внешнего расположения и очарования. Однако из-за их поверхностности и расплывчатости суждений, определенной слабости в деталях и фактологии, непоследовательности и непостоянства характера, попадания под влияние других, сложностей с формированием

собственного мнения и авторитета их достижений, как правило, не отличаются особой результативностью.

При этом корпоративная культура может отличаться ситуационным реагированием, нестабильным и диффузным настроением и отсутствием концентрации при решении проблем, «фальшивыми» взаимоотношениями (поверхностная приятность при внутренней скуке).

3. Контролирующий тип

Следующий часто встречающийся тип лидерства в корпоративной среде – контролирующий. В официальной психоаналитической терминологии (Лаплани, 2017) и в описании Нэнси Мак-Вильямс (Мак-Вильямс, 2015) он определен как обсессивно-компульсивная личность.

Ключевыми проявлениями такой личности являются чрезвычайное стремление к контролю, навязанное бессознательными фантазиями о всемогуществе, пунктуальность, сверхакуратность и чистоплотность, подчеркнутая добросовестность, отсутствие креативности и работа по заданным шаблонам, игнорирование чувственных аспектов жизни и концентрация на когнитивных процессах (вплоть до исключения из жизни удовольствий и личных отношений), склонность к сокрытию и утаиванию, иногда – к изоляции (из-за чего они могут быть похожи на шизоидный тип личности), стабильность и предсказуемость.

Такие черты личности развиваются преимущественно под влиянием сильного контроля со стороны значимых взрослых и заданных родителями высоких стандартов поведения, страха наказания за неподобающее поведение и за проявление неподобающих эмоций, страха обвинения в утрате контроля. Дети, растущие в такой среде, усваивают модель поведения, при которой следовать правилам – единственный способ сохранить себя и избежать холодного осуждения, стыда и чувства вины.

Ведущими защитными механизмами обсессивно-компульсивной или контролирующей личности являются изоляция (уничтожение сделанного) и смещение аффекта (повторение и исправление: пережить снова и снова, чтобы власть стала тотальной), рационализация, интеллектуализация, морализация, реактивное образование. В основе функционирования психики лежат гнев (неподконтрольность) и страх наказания, осуждения, отсутствие правил воспринимается как хаос, поэтому нельзя давать себе и другим расслабиться, иначе будет утрачен контроль и все превратится в хаос и беспорядок (а беспорядок – это грязь и стыд).

Часто контролирующий тип становится достаточно успешным в корпорациях благодаря своим позитивным качествам – благоразумию, ориентации на успех, преданности делу, ответственности, четкости, последовательности, зачастую – высоким моральным принципам.

Однако в случае крайних проявлений черт характера контролирующие лидеры могут доходить до абсурда в установлении правил и требовании их соблюдения в организации. Шаблонность их мышления может становиться фактором, препятствующим развитию организации и вымывающим свободомыслие и креативность из организации при ее чрезмерной озабоченности правилами вместо формирования развивающей среды.

Поэтому, как правило, контролирующий тип хорош на позиции последователя, подчиненного более креативного лидера, преданного ему и сохраняющего согласно правилам четкую иерархию, сам же по себе он является достаточно посредственным лидером и скорее хорош на позициях, где требуется поддержание процессов, нежели развитие.

4. Зависимый тип

Поскольку зависимый тип редко становится лидером, предпочитая оставаться на подчиненных ролях, то для целей нашей работы мы лишь вкратце остановимся на присущих ему чертах и защитных механизмах, без детальной оценки его влияния на корпоративную культуру организации с позиции лидера.

Среди проявлений личностных качеств зависимого типа можно выделить отсутствие инициативы, ограниченные возможности самостоятельно принимать решения и желание переложить их на других, подчинение собственных желаний потребностям других, стремление всячески избегать конфликтов, невозможность находиться в одиночестве из-за чувства страха и беспомощности, страх быть покинутым человеком, от которого есть зависимость, и одновременно зависть к нему. Я-восприятие зависимого типа личности неотделимо от другого, его Я не существует самостоятельно без более важного и сильного Другого.

Основные психологические защиты – регрессия, подавление, реактивное образование, вытеснение.

Как правило, зависимый тип формируется в результате нескольких специфичных подходов к воспитанию ребенка. Первый – это гиперопека и излишне защищающая среда и, как следствие, непреодоленная зависимость ребенка от матери, второй – авторитарность родителей, не позволяющих ребенку проявлять самостоятельность и в том числе учиться на своих ошибках. Эти два подхода не позволяют личности пройти период сепарации/индивидуации, она сохраняет зависимость от сильных фигур на протяжении всей жизни. Третий, совершенно отличный подход к воспитанию, но приводящий к схожему результату, – отсутствие достаточной любви и заботы со стороны родителей в силу разных причин (например, слишком много детей и невозможность уделить внимание каждому), что заставляет ребенка на протяжении всей взрослой жизни компенсировать нехватку этих чувств через отношения зависимости.

5. Личность, склонная к самоуничтожению (мазохистический тип)

Следующий тип личности в нашем описании – мазохистический тип, или, по терминологии Кетс де Вриса, личность, склонная к самоуничтожению (*Кетс де Врис, 2006*).

Наиболее характерный признак мазохистического типа – это страдание, которое становится центральной осью их жизни, проявляясь в виде печали и жалоб на сознательном уровне и в виде вины – бессознательно. Вина – это их источник силы, они готовы напасть на себя первыми, чтобы не заставлять это делать других, превзойдя их таким замысловатым способом. Важно понимать, что для таких личностей страдание и жалость окружающих – это ценность и бессознательное удовольствие, и если не происходит ничего катастрофического, то это надо спровоцировать

(бессознательно) любым способом. Им привычно ощущение себя как недостойного и заслуживающего наказания, хотя иногда такие типажи могут производить внешне претенциозное впечатление людей, надменно и гордо несущих свое страдание.

Они в чем-то похожи на депрессивный тип личности, но в отличие от последнего источник их страдания находится вовне, а не внутри Я.

Причина формирования такого поведения лежит в халатном, безразличном или жестоком обращении со стороны значимых взрослых, когда их внимание и теплота по отношению к ребенку проявлялись в периоды болезни или других страданий ребенка. Таким образом, несчастье становится единственной возможностью привлечь к себе внимание и заботу. Интересно отметить, что позиция жертвы для такого типа личности достаточно манипулятивна и его жертвенность на самом деле служит его личным целям, при том что внешне это может проявляться как служение и забота о других.

Основные защиты личности, склонной к самоуничтожению, – интроекция, обращение против себя, отреагирование вовне (нанесения ущерба самому себе), идеализация, морализация.

Этот тип личности также не склонен в руководящей роли и более комфортно чувствует себя в роли подчиненного.

В организациях эти люди, как правило, бывают полезны своей внимательностью к другим, этичностью, честностью, нежеланием конкурировать, скромностью. Однако с учетом личностных особенностей у такого человека в организационной среде велик шанс попасть в ловушку садомазохистических отношений с руководителем нарциссического, контролирующего, асоциального или иного доминирующего типа, хорошо умеющего распознавать склонность к позиции жертвы, присущей мазохистическому типу.

В своих крайних проявлениях мазохистический тип может бессознательно провоцировать ситуации, ведущие его к неудаче, которые как бы призваны подчеркнуть его никчемность и неуспешность.

6. Обособленный тип (шизоидный и замкнутый)

Манфред Кетс де Врис разделяет обособленный тип личности на шизоидный и замкнутый, характеризуя их по отдельности (*Кетс де Врис, 2006*).

Согласно его концепции, шизоидный тип личности в отличие от замкнутого типа имеет определенную эмоциональную недостаточность и равнодушие и действительно не стремится устанавливать близкие связи. Для замкнутого типа личности отстраненность является скорее активным способом самозащиты и прячет их истинное желание сближения с другими.

Замкнутых личностей волнует их одиночество, и они болезненно внимательны к окружающим в поисках близости, в то время как шизоидные личности не склонны заботиться об отношениях и старательно избегают их. Их отчаянное стремление и тоска по близости сочетаются со страхом и тревогой по поводу возможного переполнения другими, которые

угрожают и могут захватить их при близком контакте. Это и есть фундаментальный конфликт таких личностей.

Интересно отметить, что разные авторы имеют различные взгляды на описание шизоидных личностей. Так, Кернберг в своих трудах (*Kernberg et al.*, 2004) ставит под сомнение дифференциацию шизоидного и замкнутого типа личности, отрицая классическое описание этого типа людей, согласно которому они не заинтересованы в личностной близости, в близких любовных отношениях. Кернберг заявляет (*Kernberg et al.*, 2004), что описательная психиатрия не дает глубины понимания проблемы шизоидного пациента и на самом деле у них огромная потребность в близости, но все это спрятано за фасадом дистанцирования.

Говоря далее об обособленном типе личности в целом, отметим, что им свойственны особая фрагментация эмоционального опыта, социальное дистанцирование и склонность к изоляции, нехватка близких отношений, длительные раздумья (зачастую навязчивые), гиперчувствительность к критике, чувствительность к тому, что они воспринимают как негативное отношение к себе, диффузная идентичность, тонкое восприятие и проживание эмоциональных состояний других людей, интенсивная внутренняя жизнь в сочетании с бедными внешними контактами, внешнее проявление бесчувствия, одеревенелости.

Отличительной чертой обособленной личности является недостаточность общих психологических защит, что сказывается на их сверхчувствительности, при этом к числу ведущих защит можно отнести расщепление, уход в фантазии, интеллектуализацию, проекцию, примитивную изоляцию, смещение, избегание.

Возникновение специфических черт обособленной личности происходит в процессе взросления ребенка как при избыточной идентификации с матерью, родителями, которые своим назойливым вмешательством в его пространство сформировали страх поглощения и настойчивое желание выстроить свои границы, так и при недостатке реальной любви родителей, отсутствии в детстве эмоционального, телесного контакта, формирующего чувство обособленности, брошенности, ненужности и, как следствие, страх вступления в такие-же болезненные отношения в будущем.

Интересно, что богатый внутренний мир обособленного типа личности часто становится источником креативности, позволяя достигать успеха благодаря его изобретениям.

Как правило, обособленные личности хорошо чувствуют себя в специфических организациях, где не требуются обширные социальные контакты, при этом они занимают определенные нишевые направления, где экспертность обособленной личности может стать фактором карьерного продвижения (например, финансовые, ИТ-компании).

Специфичность карьерного пути обособленного типа может выглядеть следующим образом: они хорошо устраиваются в качестве самозанятых специалистов, авторов каких-то продуктов, они могут работать в качестве наемных сотрудников, не поднимаясь выше некоторых достаточно узких и экспертных руководящих позиций (например, начальник отдела),

а в случае успешного изобретения могут становиться бенефициарами компании.

Их спокойствие, бесконфликтность, изолированность, отсутствие целеустремленности, как правило, не позволяют им достичь действительно лидерских позиций и оказывать существенное влияние на людей, заражать их своей энергией и активно продвигать свои идеи.

7. Депрессивный тип

Следующий, депрессивный тип личности отличается низкой самооценкой, подавленностью, ранимостью, непреходящей печалью, редкими проявлениями гнева и раздражения, их агрессия, как правило, подавляется и направляется внутрь себя. Базисное чувство депрессивного типа – чувство вины, никчемности, ненависти к себе вне зависимости от своих реальных недостатков, они убеждены, что они плохи и недостаточны по своей сути, их не за что любить, они обязательно будут отвергнуты, как только партнер узнает их ближе.

Бывает, они выступают миротворцами, защитниками обиженных, приносят пользу другим, получая удовольствие через искупление. Однако чаще депрессивный взгляд на мир не способствует формированию привлекательного имиджа человека, а его постоянное самобичевание является элементом вторичной выгоды, когда через получение внешней поддержки и помощи депрессивная личность находит временное удовлетворение своих потребностей и подтверждение своей ценности. Но надо понимать, что в долгосрочной перспективе это путь в никуда, поскольку циклически возвращает депрессивную личность к потребности в помощи и не способствует формированию здорового мировосприятия.

Основные защитные механизмы депрессивного типа – идеализация, интроекция плохих качеств значимых объектов (я вспоминаю с благодарностью все их положительные качества, а все негативные качества принадлежат не им, а мне), обращение против себя. Все эти защиты призваны снизить тревогу сепарации при потере значимых объектов.

Как и у прочих типов, основная причина формирования депрессивного типа личности уходит корнями в детство. Как правило, дети формируют депрессивный взгляд на мир в результате каких-то травмирующих ситуаций детства, когда они теряют эмоциональную поддержку, заботу, ощущение комфорта в тот период, когда ребенку так важно получить защиту и опору во внешней среде и сформировать паттерн доверия к окружающему миру. Это могут быть потери близких в раннем детстве, развод родителей или проживание в ситуации постоянных семейных конфликтов, когда ребенок бессознательно берет на себя вину за произошедшее, впитывая ощущение беспомощности и безнадежности и формируя недоверчивое отношение к внешней среде.

В корпоративной культуре депрессивный лидер может формировать мрачную и нездоровую среду, преувеличивая сложности и не используя имеющиеся возможности, проявлять нерешительность, безынициативность, опираться на ранее установленные и работающие правила, постоянно требовать от окружающих подтверждения своей значимости и в

то же время ожидать худшего, тем самым подвигая компанию вначале к стагнации, а затем и к провалу.

Взаимоотношения с подчиненными и коллегами и атмосфера в коллективе депрессивного лидера могут быть удушающими, строиться на критике и вечном недовольстве, отсутствии позитивных эмоций, похвалы, что в итоге создаст в компании невыносимые для созидания условия и негативную необщительную культуру.

8. Личность, склонная к паранойе

Для параноидной личности характерны недоверие к внешнему миру, подозрительность, мелочные придирки, потребность наказывать и критиковать, проблемы с пониманием и выражением юмора, внутреннее напряжение, эгоцентризм (такие люди, как правило, очень зациклены на себе, и, что бы ни происходило в окружающем мире, это воспринимается как имеющее к ним отношение), повышенная чувствительность и агрессия, восприятие себя как грандиозного и, как следствие, невозможность допустить провал (страх разоблачения). В основе личности – страх и стыд, обида и зависть, изолированность и одиночество (дружат против кого-то), агрессия и раздражительность, облегчение от которых приходит через триумф и отмщение, обвинение других (чтобы не оказаться виновным самому).

Основные защиты личности, склонной к паранойе: проективная идентификация, проекция (обвинение других в ошибках), расщепление (деление на лагеря – свои и чужие), отрицание (поиск заговора и отрицание реальности), реактивное образование, фантазия о всемогуществе.

Пережитый параноиками детский опыт, вероятно, включал недоверие, контроль и унижение со стороны родителей. В результате воспитания стыдом, унижением и недоверием Я параноика сформировало сверхтревогу, ощущение неадекватности и необходимости быть всегда наготове в случае нападков и обвинений.

Интересно отметить, что для многих параноидных личностей характерно активное проявление гомофобии, что по сути является бессознательным проявлением собственной гомосексуальности (латентной) и связанных с этим опасений относительно своей сексуальной идентификации.

При некотором сходстве своих силовых и агрессивных проявлений с асоциальным типом параноики все же имеют способность к любви и продолжительной верности, хотя при этом очень ревнивы, мучимы сомнениями в мотивах близких и могут изматывать партнера своим недоверием, страхом предательства и проверками.

Лидеры, склонные к паранойе, часто оказываются во главе компаний, поскольку вся их жизнь – это агрессивная борьба за власть, за лидерство.

При этом надо понимать, что здоровая осторожность и бдительность являются непеременимыми и крайне полезными качествами хорошего руководителя, должного защитить компанию от опасностей конкурентного мира. Однако если у лидера, имеющего склонность к паранойе, в процессе борьбы за власть происходит потеря чувства реальности, то это может усугубить деструктивные качества личности, перерасти в параноидное

расстройство и поиск несуществующих врагов повсюду, что станет началом конца успешного развития компании.

При таком повороте будет наблюдаться явный провал системы обработки информации в компании, искажение реальности, невозможность адекватной оценки конкурентной среды и происходящих изменений как внутри, так и вне компании, корпоративная культура наполнится подозрительностью, мнительностью и тотальным контролем.

Кстати, по аналогии с обособленными личностями параноики часто увлечены технологиями и разными механистическими устройствами, поскольку видят в них дополнительные возможности контроля и предупреждения возможной опасности.

9. Личность, склонная к асоциальности

У типа личности, склонной к асоциальности, есть еще иные определения в разных источниках – это психопатическая или социопатическая личность.

Им свойственны высокий уровень агрессии, переходящей в ярость, импульсивность, неконтролируемые вспышки гнева (немедленное отыгрывание своих эмоций), у них проблемы с социальными взаимодействиями из-за неразвитого эмоционального интеллекта и искаженного восприятия социальной ответственности, отсутствие авторитетов, проблемы с эмоциональной близостью, отсутствие угрызений совести, низкая социальная обучаемость, склонность ко лжи, более высокий порог получения удовольствия (требуется более резкий, «встряхивающий» опыт удовольствия и, как следствие, склонность к токсическим зависимостям), стремление избежать слабости (а эмоции – это одно из проявлений слабости).

Ключевые защиты, используемые асоциальной личностью: всемогущий контроль, проективная идентификация, диссоциация, отыгрывание вовне, примитивный гедонизм (сиюминутное удовольствие, гиперстимуляция).

В детстве таких людей окружали, как правило, депрессивные матери и вспыльчивые отцы, что привело к эмоциональной депривации и выражению эмоций через действия. Родители могли долго пренебрегать вниманием к ребенку, манипулировать им, возможно, применять насилие. Люди, склонные к асоциальному поведению, часто росли в семьях, где было проявлено асоциальное поведение значимых взрослых наряду с отсутствием эмоциональной близости.

Этот тип личности может достаточно часто встречаться в корпорациях определенного конкурентного типа, поскольку в отличие от эмоциональной сферы интеллектуально они хорошо развиты, искусны в манипуляциях и убеждении, ориентированы на власть и престиж. Они могут хорошо прижиться в компании, где поведение подобного рода при условии хороших рабочих показателей не пресекается топ-менеджментом в силу его слабости и попустительского отношения.

Кетс де Врис отмечает, что любимым занятием асоциальных руководителей является реструктуризация, которая, как дымовая завеса, прикрывает хаос и неэффективность асоциального лидера (*Кетс де Врис, 2006*).

В целом для компании лидер такого типа может стать катастрофой, маскируя неопределенное время за ложью и обаятельностью безжалостный и бесчеловечный стиль управления при отсутствии угрызений совести и чувства ответственности.

10. Гипоманиакальный тип

Говоря о гипомании, необходимо подчеркнуть, что это менее интенсивная, но все же форма маниакально-депрессивного (или биполярного) расстройства личности, при которой гипоманиакальный тип испытывает скорее эйфорию и умеренные маниакальные состояния, нежели разрушительные эмоциональные взлеты, чередующиеся спадами, свойственными маниакально-депрессивному расстройству.

Гипоманиакальный тип, относящийся к более умеренным типам биполярного расстройства, часто можно встретить в организационных структурах. Этот тип отличается чередующимися эпизодами прилива энергии (мании) и отсутствия энергии, апатии, потери интереса к окружающим событиям и вещам.

Личность гипоманиакального типа обладает хорошим чувством юмора, высокой социальной адаптацией, они не терпят одиночества, все жизненные процессы как будто протекают на повышенных скоростях – у них высокий темп речи, распределенное внимание, высокая коммуникабельность, подвижность (как проявление тревожности), низкая утомляемость, что периодически сменяется истощением и переходом к депрессивному состоянию (поскольку они плохо чувствуют накопление своих телесных потребностей).

Люди с гипоманией способны работать сутками, склонны к идеализации других, могут флиртовать и погружаться в импульсивные романтические отношения, в том числе на работе, подвержены сменам настроения (могут впадать в раздражительность, если что-то идет не по их плану).

В своем маниакальном состоянии они могут двигать организацию вперед, заставляя все вокруг себя наполняться энергией и меняться, они прекрасно воздействуют на людей, умеют их зажечь своей искрой, энтузиазмом, верой и яркостью. Они очень творчески и креативны, склонны рисковать, продуктивны и обычно достигают больших высот.

Основной защитный механизм гипоманиакального типа – это отрицание, которое проявляется в их стремлении игнорировать или превращать в юмор события, которые должны тревожить большинство других людей, отрицание потребностей в еде, сне, отрицание негативных эмоций и переживаний (горе, гнев, печаль). Постоянное отрицание потребностей и переживаний приводит к периодам спада и апатии.

Помимо защиты отрицания таким личностям свойственны отреагирование, контрфобическое поведение (проявляется в форме бегства от близости с другими), проекция (внутренняя печаль проецируется в других и проявляется в желании всех поддержать и спасти).

Их повышенная активность и постоянное бегство – это проявление тревоги и нестабильности, страха смерти в случае остановки, страха разочарования, если остаться, а не убежать. В основе такого поведения, как правило, лежат не пережитые и не принятые в детстве потери близких,

развод родителей, вину за который ребенок взял на себя, поскольку не смог предотвратить.

В организационном контексте важно понимать, что отрицание как ведущая защита гипоманиакального типа может привести к очень нежелательным последствиям, поскольку, находясь в приподнятом состоянии, такой лидер способен недооценивать угрозы и риски для компании, последствия принимаемых им импульсивных решений. Его идеи и планы могут сменять один другой, они конфликтуют за ресурсы и переоценивают возможности компании и окружающих людей. У окружающих подчиненных, коллег возникают ощущения беспокойства, невозможности все успеть, движения на недоступных им сверхскоростях. При этом остановить гипоманиакального типа крайне сложно, они воспринимают любую преграду на своем пути к цели как ненужную помеху, впадая в раздражительность.

Есть еще несколько типов личности, которые не так ярко могут быть дифференцированы в корпорациях среди лидеров и с нашей точки зрения являются некоторой «разновидностью» ранее описанных типов.

Далее мы предлагаем резюмировать сказанное в виде таблицы (см. табл. 1), кратко описывающей ключевые качества личности в привязке к типу личности, а также его положительные и отрицательные проявления в корпоративной среде с использованием элементов лекции «Психоаналитическая диагностика личности и организации» (Евдокименко, 2020, спикер – кандидат психологических наук доцент).

Таблица 1

Ключевые качества личности и их проявление в компании в привязке к типу личности

Ключевое качество личности	Описание	Клинический аналог	Плюсы для компании	Минусы для компании
Эмоциональный	Смена настроения, раздражительность, требовательность, высокие обороты, эмоциональная нестабильность	Гипоманиакальный тип	Страсть, энтузиазм, энергия, продуктивность	Всплески эмоций, непредсказуемость
Скептический	Недоверчивость, цинизм, чувствительность к критике, фокус на негативе	Параноидальный тип	Политическая дальновидность, не ведется на обман	Недоверчивость, подозрительность, задиристость
Сам в себе	Отчужденность, безразличие к чувствам других	Шизоидный тип	Стойкость, стрессоустойчивость	Необщительность, равнодушие

Самоуверенный	Чрезмерная самоуверенность, эгоцентризм, раздутое самомнение	Нарциссический тип	Ассертивность, убежденность	Высокомерие, напыщенность
Увлекающийся	Рискованность, хождение по грани, любовь к острым ощущениям	Асоциальный тип	Харизма, терпимое отношение к риску	Импульсивность, манипулятивность, лживость
Театральный	Наигранность, привлечение внимания, склонность прерывать, а не слушать	Драматический (истерический) тип	Занимательность, выразительность	Социальная невосприимчивость, поверхностность
Прилежный	Скрупулезность, точность, дотошность	Обсессивно-компульсивный тип	Работоспособность, приверженность высоким стандартам	Перфекционизм, микроменеджмент
Исполнительный	Стремление угождать, нежелание действовать самостоятельно или выразить несогласие	Зависимый тип	Покладистость, лояльность	Смирение, избегание конфликтов

Взаимосвязь между типом личности лидера, групповыми базовыми допущениями и корпоративной культурой компании

Подытоживая все вышесказанное, приведем краткую классификацию основных защитных механизмов в контексте доминирующих базовых допущений, присущие им организационные симптомы и связь с типом личности лидера.

Ниже мы приводим эту группировку, сформированную в виде таблицы (см. табл. 2) по мотивам лекции «Психоаналитическая диагностика личности и организации» (Евдокименко, 2020).

Таким образом, согласно психоаналитической парадигме наблюдается устойчивая связь между типом личности лидера и корпоративной культурой, которая свойственна возглавляемой им организации.

Взаимосвязь группы базовых допущений, основных защитных механизмов и типов лидерства с их проявлениями в корпоративной культуре компании

Базовое допущение	ЗМ	Проявление в группе / культуре компании	Эмоциональное состояние	Лидер
Зависимость	<ul style="list-style-type: none"> – расщепление – отрицание – идеализация 	Команда воспринимает лидера всемогущей и всезнающей фигурой, для которой не существует нерешаемых проблем. Из этого складывается культура избегания и перекладывания ответственности, деградация в развитии, искаженная обратная связь	Беспомощность и благоговение. Любая попытка лидера разделить ответственность, отрицание руководящей роли фрустрирует группу. Харассмент	Команда проецирует на лидера свое хорошее Я, хорошие части индивидов в группе, при этом негативные части лидера отрицаются. Лидер идеализируется и воспринимается как магическая фигура, наделенная сверхсилой и властью. Типы лидеров, наиболее часто проявляющиеся в группе зависимости: асоциальный, нарциссичный, мазохистичный
Образование пары	<ul style="list-style-type: none"> – расщепление – отрицание – всемогущий контроль – проекция 	Команда (пара) воспринимает свое партнерство как союз во имя создания нового	Оптимизм и полное надежд ожидание	Парный лидер, соблазняющий образом будущего. Типы лидеров, наиболее часто образующие пары в группах: маниакальный, мазохистичный
Бей/беги	<ul style="list-style-type: none"> – отрицание – расщепление – отреагирование вовне – проекция – идентификация 	Команда воспринимает своей целью борьбу с внешними враждебными объектами и их разрушение. При невозможности борьбы – бегство вслед за лидером	Агрессивность, враждебность и страх. Буллинг. Жалобы на усталость, перенапряжение	Лидер представляется фигурой, способной защитить от внешних угроз, бороться с врагами, быть храбрым и побуждать других к смелости. Типы лидеров в группе бей/беги: контролирующий, драматический (истерический), параноидальный

Интересно, что Кернберг в своем исследовании снимает всю ответственность за токсичную внутреннюю среду организации с ее лидера, предлагая рассматривать организационную динамику через призму нескольких взаимосвязанных факторов – личности лидера, организационной структуры, задач организации и собственно групповых процессов. Так, он пишет (Кернберг, 2018, с. 79): «Эффективность управления организацией не зависит исключительно или даже преимущественно от личности руководителя. Первое условие эффективного функционирования организации, включая лидерство в ней, – это соответствие общих задач организации ее административной структуре; стоящие перед организацией цели должны быть значимыми (не обыденными) и достижимыми с учетом имеющихся ресурсов (не слишком сложными)».

Конечно, тут важно оговориться, что Кернберг опирается в своих приемах на анализ психиатрических учреждений как организаций с определенной спецификой. Для них, так же как и для большинства учреждений, работающих в определенных государством рамках и/или использующих бюджетные средства, этот фактор действительно релевантен. Однако для основной массы коммерческих предприятий разве не лидер компании определяет задачи, влияет или даже самостоятельно утверждает организационную структуру и разве не лидер организации управляет в широком смысле ее ресурсами? Наш ответ – да, лидер. Исключения тут возможны и для коммерческих предприятий, и лежат они преимущественно в плоскости разграничения зон влияния между акционером (акционерами) и наемным топ-менеджером, когда вмешательство акционеров в операционную деятельность компании нарушает правильную управленческую расстановку сил, приравниваясь таким образом в некоторой степени к монопольному влиянию государства на госучреждения, о котором мы говорим выше.

И хоть далее Кернберг и признает (Кернберг, 2018), что тяжесть психологических нарушений лидера действительно ответственна за ухудшение взаимодействия в компании, разрушение рабочих групп и формирование групп базовых допущений, функционирующих с патологиями разной степени тяжести, однако, прежде чем делать однозначный вывод о глубине влияния лидера, требуется, по его мнению, провести системный анализ организационной ситуации, при котором станет ясно, являются ли проблемы организации отражением психической патологии руководителя или же регрессия лидера есть ответ на организационную разбалансировку.

Другой видный ученый и основатель научного направления «Организационная психология», Эдгар Шейн, постулировал крайне тесную связь между культурой и лидером, а также невозможность понять одно в отрыве от другого. Интересно, что при этом он проводит различие между ролью лидера (руководителя) и ролью администратора (менеджера), акцентируя эти отличия как раз в области взаимодействия лидера и корпоративной культуры: «Руководство отличается от управления, или администрирования, постольку, поскольку руководители создают и из-

меняют культуры, менеджеры же и администраторы существуют в них» (Шейн, 2011, с. 27).

Здесь как раз и становится проявлено отличие в подходах Кернберга и Шейна. Кернберг, говоря (Кернберг, 2018) о неоднозначности выводов о влиянии главы организации на формирование корпоративного климата и по сути снимая с него ответственность за организационную культуру, анализировал преимущественно медицинские учреждения, для руководителей которых более свойственна роль «администратор» (в терминологии Шейна), а значит, они просто «существуют» в корпоративной культуре своих компаний, а не создают и не меняют их.

Таким образом, становится ясно, что анализ Кернберга (Кернберг, 2018) имеет некоторые ограничения, обусловленные специфичной областью деятельности тех компаний, которые он положил в основу своих выводов об ограниченном влиянии психологических особенностей лидера на корпоративную культуру компании.

При этом мы также не готовы согласиться с выводами Шейна (Шейн, 2011) о том, что администраторы не создают и не изменяют культуры, а лишь только существуют в них.

Наш опыт и исследования свидетельствуют, что и «администраторы», и «лидеры» оказывают непосредственное влияние на организационную среду и формирование защитных механизмов в компании.

Однако ситуация, при которой вся вина за неудачи возлагается на лидера, – это пример несистемного подхода, при котором корень проблемы, заключающейся в групповой динамике, сложившейся задолго до прихода руководителя, может остаться незамеченным исследователями. Также при таком подходе персонал остается как бы в стороне от неудачи, не принимая на себя ответственности за участие в формировании той самой иерархии и среды, в которых стали возможны существование лидера с патологиями поведения и, как следствие, организационная неудача.

Поэтому для получения комплексной картины происходящего в компании и исчерпывающего понимания факторов, влияющих на ее корпоративную среду, мы согласны с тем, что будет ошибкой сосредоточить внимание исключительно на личности лидера и его психопатологии. Мы поддерживаем важность применения системного подхода, при котором организация рассматривается как целостная система со своей историей, динамикой, иерархией, задачами и внешним окружением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адизес И. Идеальный руководитель: Почему им нельзя стать и что из этого следует / Пер. с англ. 7-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2014. 264 с.
2. Адизес И. Управление жизненным циклом корпораций. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
3. Бион У. Групповая динамика (1952) [Электронный ресурс] URL: <https://psychoanalysis.by/2018/03/30/article-psychoanalysis-3/>

4. *Гринберг Л., Сор Д., Табак де Бьянчеди Э.* Введение в работы Биона. Группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2018. 158 с. («Библиотека психоанализа».)
5. *Евдокименко А. С.* Психоаналитическая диагностика личности и организации / Лекция. Москва, НИУ ВШЭ, 2020 г. [Стенограмма]
6. *Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии / Пер. с англ. М. И. Завалова. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 464 с.
7. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях. М.: Независимая фирма «Класс», 2018. 424 с.
8. *Кетс де Врис М.* Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / Пер с англ. 6-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2013. 277 с.
9. *Кетс де Врис М.* Лидер на кушетке. Клинический подход к изменению людей и организаций / Пер. с англ. И. Сергеева. Best Business Books, First published in 2006.
10. *Кохут Х.* Анализ самости. Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Под ред. А. М. Боковой. М.: Когито-Центр, 2017. 368 с.
11. *Кохут Х.* Восстановление самости. М.: Когито-Центр, International Universities Press, Inc, 2017. 316 с.
12. *Кукушкин М.* Живые. Как корпоративная культура спасает людей и компании. М.: Синергия, 2020. 328 с.
13. *Лалу Ф.* Открывая организации будущего / Пер. с англ. В. Кулябиной, науч. ред. Е. Голуб. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 432 с.
14. *Лапланш Ж, Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Квадрига, 2017. 751 с.
15. *Ленсиони П.* Сердце компании. Почему организационная культура значит больше, чем стратегия или финансы / Пер. с англ. Е. Никифоровой и Н. Ильиной. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 208 с.
16. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Независимая фирма «Класс», 2015. 592 с. (Серия «Библиотека психологии и психотерапии».)
17. *Симингтон Дж., Симингтон Н.* Клиническое мышление Уилфреда Биона. М.: Когито-Центр, 2010. 285 с.
18. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М.: РИПОЛ классик, Пальмира, 2019.
19. *Фрейд З.* Недовольство культурой (1930) [Электронный ресурс] URL: https://librebook.me/civilization_and_its_discontents/vol1/1
20. *Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура. М.: Канон +, 2015. 336 с.
21. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я (1921) / Пер. с нем. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
22. *Фрейд З.* Я и Оно (1923). М.: Эксмо, 2017. 282 с.
23. *Шейн Э.* Организационная культура и лидерство / Под ред. Т. Ю. Ковалевой. 3-е изд. СПб.: Питер, 2011. 336 с.
24. *Hirschhorn L., Gilmore T. N.* (1989). The psychodynamics of a cultural change: Learnings from a factory. Human Relations. Vol. 28. Issue 2. P. 211–233. doi: 10.1002/hrm.3930280208

25. *Hirschhorn L.* (1990). Leaders and followers in a postindustrial age: a psychodynamic view. *The journal of applied behavioral science*. Vol. 26. No. 4. P. 529–542.
26. *Kets de Vries M., Miller D.* (1984). Neurotic style and organizational pathology. *Strategic Management Journal*. Vol. 5. Issue 1. P. 35–55. doi: 10.1002/smj.4250050104 51
27. *Kets de Vries M.* (1988). Prisoners of Leadership. *Human Relations*. 41(3). P. 261–280. doi: 10.1177/001872678804100305
28. *Kernberg O. F., and E. Caligor.* (2004). A Psychoanalytic Theory of Personality Disorders. In *Major Theories of Personality Disorder*. 2nd ed. Edited by J. F. Clarkin, and M. F. Lenzenweger. New York: Guilford Press. P. 115–156.
29. *Kohut H.* (1977). On Knowing Oneself Directly and Through Others. *The Psychoanalytic Quarterly*: 167–197.
30. *Kets de Vries M.* (1979). Managers can drive their subordinates mad [Электронный ресурс] *Harvard Business review*. July. URL: <https://hbr.org/1979/07/managers-can-drive-their-subordinates-mad>

Psychoanalytic aspects of the influence of leader's personality on the corporate culture in company

I. A. Bakaeva

Bakaeva Irina A., psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic consultant, manager in the company TOP-10.

In this paper, we aimed to briefly look at the theory of psychoanalysis of group processes underlying the activities of companies, to analyze the specificity of the influence of the leader's personality on the group dynamics of the organization, including in the context of the theory of basic assumptions, as well as to study the typology of the personality of leaders and their relationship with the corporate culture of the company.

Keywords: psychoanalysis, theory of basic assumptions, corporate culture, organizational psychology, defense, psychology of the masses, leader, psychology of leadership.

ПСИХОАНАЛИЗ И КУЛЬТУРА

Психоанализ моды

В. В. Бурмистров

Бурмистров Виктор Витальевич – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

Все находится под влиянием моды, ведь она как явление – оплот коллективного бессознательного и появляется в недрах наших собственных психик, а через творчество и работу отдельных людей находит свое воплощение в бесконечных образах, которые они производят на свет в виде нескончаемой одежды, причесок, макияжа.

Эти образы, рождаемые модой, можно анализировать в следующих измерениях: одно измерение, словно ось Y, уводит нас вглубь, рассыпаясь от целого образа к его частным деталям, показывая нам буквально атомы знаков и символов, которые составляют модное высказывание образа; другое, подобно оси X, ведет это знаковое множество по горизонтали, как и любая речь по цепи слов, создавая новые смыслы из складывающихся вместе высказываний, сотканных из атомов знаков и символов, добытых из предыдущего измерения. На стыке этих двух измерений и рождается язык моды, язык образа, говорящий Я-образ.

В данной статье подробно показано, какие функции выполняет мода для психики человека, как через образ и моду может контейнироваться тревога, как мода выполняет для взрослого функцию переходного объекта, как мода скрывает и проявляет психическое.

Ключевые слова: мода, психология моды, Я-образ, переходное пространство, переходный объект, контейнирование, индивидуация, интерсенсорность, либидиозная перестройка, конструкция, деконструкция.

Винникотт ввел ряд концепций в область психоанализа во второй половине XX века. Его концепции «удерживающей среды», «достаточно хорошего» родителя и игры быстро завоевали популярность в широкой области психологии и впоследствии использовались в качестве аналитических инструментов в ряде дисциплин и контекстов. Опираясь на концепцию Винникотта о «переходном объекте», можно начать анализ привычного использования одежды.

Переходный объект в его первоначальном контексте – это объект, который обеспечивает мост между возникающей субъективностью младенца и внешним миром. Переходный объект постепенно помогает ребенку совершить переход от нарциссизма к объектной любви – оценке других как полноценных личностей, отдельных от себя. Переходный объект не только помогает ребенку приступить к процессу самоидентификации и самореализации, но также предлагает место комфорта и стабильности; чувство преемственности и знакомости в моменты, когда мир кажется незнакомым, опасным и сложным. Важно отметить, что (первый) переходный объект – объект нашего раннего детства – подвергается постепенному деконструированию. В течение лет он становится не столько забытым, сколько отброшенным в подвешенное состояние. Под этим подразумевается, что в здоровом состоянии переходный объект не «уходит внутрь» и чувство по поводу него не обязательно подвергается вытеснению. Не забывается и не оплакивается. Оно теряет смысл, и это потому, что переходные явления расплываются, растекаются по всей промежуточной территории между «внутренней психической реальностью» и «внешним миром, как его воспринимают совместно два человека» (Винникотт, 2015).

Предметы моды выполняют челночное движение между нашим внутренним миром и внешним миром, одновременно символизируя как всемогущество, которое мы испытываем в нашей психике, так и нашу неспособность примирить такое всемогущество с нашей реальной реальностью. Они облегчают обмен между субъектом и опосредованной средой. Наконец – и, возможно, это наиболее важно для этой работы, – они обеспечивают форму побега. Будучи постоянно с нами, вещи также дают возможность погрузиться в «мечтательное» состояние, на которое ссылается в своих трудах Винникотт. Фокусируясь на предметах своего гардероба, мы на мгновение перестаем быть в том месте, где находимся физически, и попадаем в другое (более комфортное) пространство.

Именно по этим причинам предметы моды, в частности одежда и прочая атрибутика, представлены как форма переходного объекта; объект, который одновременно и «не я», и действует как «часть меня», и является посредником между этими двумя пространствами. Одежда открывает пространство между Я и Другим, которое в теории Винникотта рассматривается как потенциальное пространство творческого взаимодействия.

Эхо нашего более раннего переходного объекта (объектов) живет в наших отношениях с модной индустрией. Возможно, сходство каких-то вещей с этими более ранними объектами (распространенность, безопасность, иллюзия, разочарование, право собственности) помогает поддерживать формирование этой конкретной привязанности. Инвестиции,

которые мы с готовностью делаем в предметы модного гардероба, с которыми мы взаимодействуем, – это не симптом патологии (мы не заблуждаемся и не больны), а скорее еще один пример желания «заполнить пробелы» – желания установить отношения с этими неодушевленными предметами.

Эти «отношения» – не что иное, как вложение энергии в наши вещи; они обретают способность «удерживать нас», «познавать нас» и быть рядом с нами, – точно так же и мы вкладывали энергию в ныне забытые детские объекты. Возможно, именно поэтому мы так расстраиваемся и взволнованны, когда наши вещи изнашиваются, портятся, их крадут или они иным образом «бросают» нас.

Остается вопрос: почему мы формируем такие привязанности к нашим предметам гардероба? Почему мы стремимся, так сказать, «заполнить пробелы»? Эти вопросы требуют признания материальной реальности, в которой сформировались такие отношения, и заставляют нас задаться вопросом, как мы можем масштабировать индивидуальные отношения до общего уровня общества. Если, как утверждает Дюркгейм, «личность – это социализированный индивид», то для того, чтобы полностью осмыслить наше отношение к моде, мы должны одновременно понять роль, которую социальное играет в развитии этого отношения (Дюркгейм, 2021).

Время здесь является ключевым фактором. Временное измерение вопроса является ключевым: почему мы формируем эти отношения именно сейчас? В винникоттовской системе объектных отношений за власть соревнуются два типа времени: время ребенка и время внешнего мира. Основная функция раннего психологического и физического сдерживания матери включает в себя ее изоляцию младенца в его состоянии продолжающегося бытия от безжалостной, неизменной инаковости времени. Когда говорится об инобытии времени, то имеется в виду переживание младенцем «рукотворного времени».

Время вторгается в совершенный мир младенчества. Это время заставляет ребенка расти, и это время уводит родителей заниматься другими делами, ходить на работу, заботиться о других. Время организует жизнь ребенка, придавая ей структуру, смысл и сроки. Переходные объекты поддерживают этот травматический переход в «социализированное» время. Точно так же, как они создают мост между недифференцированной «целостностью» и различием, созданным идентичностью, они пересекают эти различные переживания времени, через которые мы проходим в наших ранних жизнях.

Это не означает, что наше понимание времени закрепляется позже в жизни или даже в социальной жизни. Темпоральность коренится в социальном, субъективно и коллективно переживается, под впечатлением формируется и реформируется в соответствии с контекстом, обстоятельствами и идеологической позицией. По мере того как меняются идеологии, обстоятельства и контексты, меняется и наше понимание времени.

Здесь можно говорить о «пространстве потоков» как о средстве характеристики структуры глобальной информационной экономики. В этой культуре гибкости работа становится все более ненадежной, поскольку

долгосрочная карьера заменяется контрактами с нулевым рабочим днем. Работу можно включать и выключать в соответствии с требованиями рынка, который может действовать за тысячи миль, но который может воздействовать на нас со скоростью сообщения электронной почты. Отличительная черта этой глобальной экономики – аутсорсинг рабочей силы – подрывает старые отношения между работодателем и работником, между трудом и капиталом, между различными представлениями о времени и между человеком и его работой.

Эта ненадежность все чаще оформляется как индивидуальная проблема, требующая индивидуального решения. Неолиберальный проект, сопровождавший глобальную цифровую революцию, требует от работника постоянного «обновления» и участия в процессе самосовершенствования. Действительно, если в системе и есть какая-то свобода, то это свобода стать «лучше». И вот мода приглашает нас быть «агентами» нашего собственного успеха. Мы бросаем себе вызов стать «лучше», под чем мы подразумеваем более продуктивные действия. Мы делаем все возможное, чтобы соответствовать этой новой экономической реальности. Мы меньше спим и дольше работаем, мы связаны различными способами через переходное пространство. Когда мы слишком долго сидим на месте, тот «другой» требует, чтобы мы продолжали двигаться. Мы путешествуем по миру для встреч в мгновение ока. Мы делаем все возможное, чтобы стать цельными, гибкими и гибкими, как экономика, которую мы обслуживаем (Meyer, 2014).

Мода вписывается в эту экономику, побуждая себя «обновлять себя» с помощью «быстрых» приложений для заказа вещей онлайн, с помощью невероятных торговых галерей, которые еще в прошлом веке превосходно описал Жан Бодрийяр. Торговые галереи и бутики XX века еще больше напоминают нам о том, что нужно постоянно что-то делать, постоянно думать, планировать и заниматься шопингом и самообновлением – быть в моде. Действительно, на поверхностном уровне они стали хозяевами нашего времени, нашими переходными пространствами, в которые мы с удовольствием сбегает от реальности. Эта форма переходного пространства также соответствует современному экономическому ландшафту, в котором мы находимся, и перекликается с теми наблюдениями, с которых началась эта глава (Бодрийяр, 2020).

Мода стала новой субреальностью, куда так легко благодаря современным технологиям сбежать от «суровой» реальности. Переходное пространство, порождающее переходные объекты, в которых взрослые нуждаются порой чаще, чем дети. Тот самый уголок одеяла с торчащей ниточкой из шва, который так успокаивал в детстве, трансформируется в кашемир Logo Piana, такой нежный и заботливый, который обволакивает тебя, словно материнские объятия, ты еще не успел его купить, только примерил, и уже тревоги дня отступают. Вот так примерно ежедневно мода работает с нами. Конечно, это не всегда про успокоение, и иные функции моды будут рассмотрены далее, но нельзя недооценивать то, что мода создает для нас ту возможность, пускай и суррогатную, что давали нам в детстве наши переходные объекты, – успокоение, хоть и временное.

Возможно, в основе такого поведения – поворота к моде – лежит чувство неуверенности. Короче говоря, время отмечает моменты, когда мы становимся неуверенными – в том, что делать дальше, в том, как занять свое время, в том, как «быть» в определенном пространстве, возможно, даже наших жизненных траекториях.

Это последнее утверждение звучит преувеличенно, но оно имеет сильное интеллектуальное происхождение. Неопределенность современной жизни, вызванная неолиберальной средой, описанной выше, можно назвать формой «онтологической незащищенности», определить как «экзистенциальную тревогу», которая усиливается реальностью углубления социальной и материальной нестабильности. Между тем предполагается, что моменты отвлечения, которые характеризуют промежуточное время, являются во многих смыслах отвлечением от неопределенности, неуверенности, которую незапланированная траектория нашей поздней современности порождает в своем фетише скорости (Барт, 2021).

Предположим, что если предметы моды работают как переходный объект в рамках экономики отвлечения внимания, они делают это, отвлекая нас от увеличивающегося темпа нашей сегодняшней жизни и обеспечивая место комфорта и уверенности. Парадоксально, но мода, которая поддерживает «фетиш скорости» позднего капитализма, также обеспечивает механизм побега от него (каким бы иллюзорным этот побег ни был). Этот парадокс перекликается с психической формой наших более ранних переходных объектов, которые также служат двойной цели, переключаясь между иллюзорным миром внутреннего «я» и реальностью внешнего мира. Чтобы вернуться к Винникотту еще раз, здесь предполагается, что задача принятия реальности никогда не завершается, что ни один человек не свободен от напряжения соотнесения внутренней и внешней реальности и что освобождение от этого напряжения обеспечивается промежуточной областью опыта, которая не подвергается сомнению.

Предметы моды представляют собой современный пример этого «облегчения», а также обеспечивают еще одну точку напряжения между внутренним «я» и внешней реальностью. Они являются и решением, и частью проблемы.

Выходя за рамки тезиса об отвлечении, мы активно ищем отвлечение именно в те моменты, когда мы достигаем разрывов или перерывов в «потоке» времени, – это онтология «интерстициального времени», когда кажется, что нервирующая скорость нашей жизни вот-вот откроется нам. Именно в такие моменты мы обращаемся к нашим модным утешителям – нашим кашемировым одеялам безопасности – и делаем все возможное, чтобы раствориться в своих образах. Таким образом, «мастерство удара» моды заключается в том, что наше взрослое «я» пытается на мгновение вернуть себе контроль над системой, которую мы едва понимаем; системой, в которой многие из нас чувствуют себя беспомощными, несмотря на то что нам говорят, что мы хозяева своей судьбы. При этом мы перемещаемся в пространство творческой «игры», где мы можем игнорировать безжалостное давление «искусственного времени» и вовлекаться в иллюзию с помощью создаваемых себе образов. Эта иллюзия,

конечно же, заключается в том, что мы контролируем свою жизнь и свои траектории.

Такая игра и иллюзия перекликаются с нашими первыми переходными объектами, которые, как упоминалось ранее, служат двойной цели: связывают нас с «реальным» внешним миром и обеспечивают убежище от этого мира во времена стресса и беспокойства. Во времена страха и неуверенности ребенок будет тянуться к своему плюшевому мишке или одеялу, чтобы убедить себя в иллюзии, что он все контролирует. Мода представляет собой похожую попытку достичь этого мастерства.

Мода предлагает нам место комфорта и уверенности в моменты неуверенности и «промежуточного состояния» в этих точках разрыва. Наш модный образ обеспечивает панцирь и место уверенности. Мы отворачиваемся от реальности внешнего мира и обращаемся к реальности нашего внутреннего психического мира. Мода охватывает эти два мира. Это перекликается с другими, более ранними объектами (ныне забытыми), которые помогли нам научиться перемещаться между такими мирами. Это то, что привлекает нас в мир, и то, что дает убежище от него. Таким образом, наши вещи являются нашими переходными объектами. Они продукты нашего окружения, и это метод, с помощью которого мы справляемся с этим окружением.

Обращаясь к работе еще одного выдающегося психоаналитика, Дидье Анзье, можно продолжить мысли о функциях моды и конкретно Я-образа, создаваемого ей. Для Анзье телесное Эго всегда является вопросом кожного Эго, определяемого как ментальный образ, который Эго ребенка использует на ранних фазах своего развития, чтобы представлять себя как Эго, имеющее психическое содержание, основанное на своем опыте поверхности тела. Я-кожа достигается через ранние взаимодействия диады «мать – ребенок». Хотя новорожденный имеет зачаточное представление о том, где заканчивается его собственное тело и начинается тело другого, на ранних стадиях он/она испытывает фантазию об общей коже. По мере роста ребенка у него развивается ощущение собственного телесного пространства, что позволяет младенцу осознать себя как трехмерный контейнер, имеющий внутреннее и внешнее. С этим пониманием постепенно возникает чувство сдерживания и, как следствие, индивидуальности.

Кожное Эго моделируется не только опытом тактильного органа чувств, но и опытом слуховых, обонятельных, вкусовых и зрительных органов чувств. Эти органы и связанные с ними переживания порождают то, что Анзье назвал «психическими оболочками». Психические оболочки – это сенсорные переживания, перенесенные из соматического в психическое измерение; после транспонирования они структурированы и функционируют как оболочки или оболочки психики. Психические оболочки подобны коже лукавицы, состоящей из взаимосвязанных слоев, и образуют кожу психики (Анзье, 2011).

Как идея психической оболочки может быть связана с модой? Мода состоит в основном из воображаемой реальности, состоящей из оболочек (одежды), таких как психическая кожа. Психические оболочки отвечают за создание измерений внутреннего и внешнего, позволяя создавать

область, которая, как оболочка, удержит, давая ограничения и границы для человека и внешней реальности. Психические оболочки открываются и закрываются, обеспечивая обмен между внутренним и внешним, индивидуумом и миром. Его внутреннее лицо содержит проекции первичных тревог, фантазий, а также тематических подсистем (Эго, Ид, Суперэго) социума. Внешняя сторона модной оболочки действует как барьер против угроз из внешнего мира и других групп, работая как фильтр для человека.

Концепция одежды и внешности как психических оболочек является важным союзником при размышлениях о границах и барьерах личности. Развивая концепцию Анзье, можно допустить, что психическая оболочка позволяет нам понимать и сравнивать людей как эгоподобное, двустороннее зеркало, чувствительное к бессознательным индивидуальным фантазиям внутри и к коллективным представительствам извне. В этом смысле трехмерность, обеспечиваемая психической оболочкой в виде внешнего образа, позволяет замыкаться внутри, но в то же модулирует контакт с внешним миром. Это позволяет нам связать динамику внешнего образа как психической оболочки со взаимозависимостью и многомерностью личностных, динамических и фундаментальных матриц.

Рассматривая внешность как проекцию Я, как индивидуальный рисунок личности, хочется вспомнить слова Анзье, где он говорит о том, что пациент страдает в первую очередь от отсутствия границ, слабости психической оболочки. Это касается неуверенности во фронтирах между Я психическим и Я телесным, между Я идеальным и Я реальным, тем, что зависит от другого, и тем, что касается самого субъекта.

Внезапные движения по фронтирам сопровождаются уходом в депрессию, невозможностью различать приятные и болезненные переживания, сложностью переживания собственного желания в связи с тем, что влечение не может быть распознано, или оттого, что подъем влечения переживается как насилие, а не как желание. Подобная слабость психической оболочки связана с опытом становления Я-кожи, целостность которой создает одновременно возможность упорядочить содержимое и провести границу между внутренним и внешним (*Кернберг, 2017; Анзье, 2011*).

Развивая эти мысли, хочется представить одежду и образ, который благодаря моде мы создаем себе, как вторую кожу. И тогда одежда – не только граница, но и контейнер содержащихся в Я переживаний, выполняющий ряд функций, обеспечивающих этому Я целостность.

Внешность в виде кожных покровов и всего того, чем мы соприкасаемся с внешним миром, так же как и одежда, контейнирует, проявляет, скрывает наше психическое.

Мы слепо или осознанно следуем моде, наделяем свою внешность и, в частности, одежду определенными смыслами, редко, но все же считаем, что не следуем моде, что вне моды, хотя и этот выбор предполагает, что мода уже оказала на человека свое влияние. Можно представить, что через создаваемые модой образы люди могут передавать смыслы, созданные психическим аппаратом. Иногда внешность может сказать о человеке больше, чем слова, как некий сублимат психического мира внешний

облик является метафорой, размышляя о которой можно исследовать психический мир человека (*Мелитинский, 2018*).

Если перефразировать Уилфреда Биона, то одежда – это функция личности. Одежда превращает природное сырье (альфа-, бета-элементы) в продукт психики – концепцию. Через одежду могут быть связаны элементы психики, одежда может быть внешним каркасом для слабого психического аппарата, именно так часто поступают нарциссы, формируя свою Я-концепцию через внешний образ, когда работа по алфавитизации и концептуализация внутриспсихического в силу каких-либо травм не представляются возможными. Одежда спасает, одежда несет свою функцию второй кожи (*Бион, 2019*).

Далее будут рассмотрены основные функции моды в контексте работы психического аппарата.

Функция поддержки – то, что Винникотт называл *holding*. Буквально то, как мать поддерживает тело младенца. Психическая функция развивается через то, насколько хорошо данный образ был интериоризирован. С учетом распространенной нарциссической проблематики у клиентов, наблюдаемой в последние годы, из-за невыстроенности данной поддерживающей функции внутри психического аппарата такую функцию может забирать на себя внешний образ. Часто это проявляется в невозможности инвестировать в свое Я, и тогда одежда становится альтернативной материальной формой инвестирования, укрепления и поддержания психического аппарата в достаточно функциональном виде, чтобы психика не регрессировала в психотическое состояние. Данная функция требует постоянного инвестирования в модную одежду, чем дороже одежда, тем лучше, так как это помогает создать фантазии о всемогуществе личности и через одежду и образ скрыть хрупкое недоинвестирование Я. Недостаток поддерживающего объекта, который позволит найти психике свой центр тяжести, должен быть компенсирован внешним центром тяжести. Чем менее развита функция поддержки психики, тем больше такая личность будет тяготеть к надежному внешнему контейнеру.

Контейнирование – одежда, покрывающая практически полностью тело, в котором размещены все органы чувств, выполняет также функцию контейнера. В данном случае внешний образ представляет собой надежный сейф, стабильный и надежный, служащий складированию и ощущений, и аффектов взрослого. Это очень похоже на тот контейнер, через который у ребенка происходит развитие репрезентаций через материнское реверси, проективную идентификацию и действие материнской альфа-функции. В случае слабой развитости данной функции у ребенка во взрослом возрасте эту функцию может взять на себя внешний образ. Образ в данном случае окружает весь психический аппарат и служит контейнером для локализации и дифференциации различных влечений из Оно. К примеру, страх возбуждения влечений без контейнирования может перерасти в поиск физической боли или фобии. В случае дырявого психического контейнера связь внешнего образа и психических импульсов будет давать ощущение самости, которое невозможно получить без правильно подобранного внешнего образа. Отсутствие комплементарной

состоянию психики одежды не позволит контейнировать внутриспсихические импульсы, так как плохо подобранный образ будет зеркалом «дырявой» психики. В противовес этому образ, опирающийся на моду как на что-то грандиозное, уже одобренное и принятое в социуме, будет создавать внешний контейнирующий эффект. Да, этот эффект подобен таблетке от головной боли, которая не устраняет проблему, а лишь убирает симптом, но если функция контейнирования не выстроена как внутриспсихическая, то почему бы в качестве временного «костыля» не использовать внешний контейнер из одежды или крепкого спортивного тела, что, между прочим, тоже часть моды.

Защита от раздражителей – одежда защищает наше тело от физических агрессий, избытка стимулирующих внешних импульсов. Это виртуальная психическая оболочка, актуализирующаяся в ходе взаимодействия человека с внешней средой. И из этой функции выводится понятие «модное тело» – которое представляет из себя помимо внешней атрибутики, которую мы носим, само тело как модный объект, тело, которое, подобно одежде, благодаря современной медицине изменяется, режется, пилится, увеличивается, уменьшается, трансформируется порой быстрее, чем меняются модные тренды в одежде.

Изрядно накачанные мужские, да и женские, тела, с одной стороны, должны стать объектом вожделения и возбуждения, но будто бы становятся для их обладателей объектом самовожделения и самовозбуждения. Либи́до, которое не могло развиваться в психическом «теле» и быть направлено вовне для инвестирования в других, в карьеру, сексуальные удовольствия, начинает вязнуть еще больше в модном теле и по сути остается внутри человека. Подобные люди часто становятся сами для себя объектами своей любви, эта любовь циркулирует внутри модного тела, подгревая снаружи ощущение стабильности и защиты. При этом Я такого человека часто – как оголенный нерв, остается беззащитным и слабым. Тогда тело должно увеличиваться в объемах все больше и больше, чтоб создавать на телесном уровне ощущение всемогущества и силы. Поддержание нарочито большого и крепкого тела, как и любой контроль, требует огромного количества энергетических затрат. Психика такого человека, как правило, будет истощаться тем больше, чем больший фокус будет на телесном. Подобно наркотикам, нужно будет все больше и больше инвестировать телесное, чтобы защитить и поддержать психическое. Рассматривая женскую тягу к объемам, будто амортизаторам для хрупкого внутриспсихического устройства, можно заметить также негармоничные объемы – грудь, бедра, губы, когда связанная психическая женственность, выраженная часто во фригидности и асексуальности, реконструируется через тело, его формы и объемы. Такая женщина не становится сексуальнее или женственнее, скорее наоборот – упаковав себя в спасательный жилет из силикона и филлеров, она все равно тонет в неуверенности, неспособности любить и быть любимой.

В целом подобная реконструкция внешности для защиты от внешнего мира или от собственных невыносимых конфликтов может быть причислена к дисморфофобии. У истоков данного заболевания лежит конфликт

субъекта и его Я, выражающийся в нарушении образа тела, формируемого у человека в диапазоне от полугода до полутора лет. Травматичные отношения со своим Я говорят о нарушении фундаментальных отношений с внешним миром и требуют многих лет психотерапевтической работы.

Индивидуация – эта про различия, часто нарциссически и социально перегруженные. Внешность через индивидуацию дает возможность людям утвердиться в качестве субъекта, со своим уникальным внешним образом, возможность дифференцироваться либо, наоборот, примкнуть к той или иной социальной группе и через это в том числе проявить свою самость. Самость, которая дает Я ощущение бытия в качестве уникальной личности. Описанный Фрейдом страх «жуткого» связан с угрозой, нацеленной на индивидуальность самости путем ослабления чувства фронтиров самости. Мода дает это ощущение самости для Я, чем слабее структура самого Я, тем сильнее влияние моды на человека, тем сильнее его желание проявиться через внешность, отделиться от толпы или примкнуть к какой-то сильной группе, идентифицироваться с ней через свой внешний образ (Фрейд, 2020).

Интерсенсорность – одежда – словно нервная ткань, амортизатор на границе собственного и внешнего физических миров, которая связывает различные ощущения, выводя их в форме внешности на первый план, которым является наша тактильная оболочка. Эта функция конструирует чувства, проявляющиеся при осязании. Когда эта функция Я провалена, появляется бессознательный страх распада тела. Я-одежда в данном случае играет важнейшую роль для перехода от тактильного пространства (кожа) к интерсенсорному, ведущему к символизации. В психической реальности появляется воображаемая репрезентация своего образа в виде полотна как поверхности, на которой разворачивается действие сенсорных взаимосвязей. Одежда становится сценой для разыгрывания сюжетов из внутриспсихического мира.

Оплот сексуального возбуждения – ношение одежды сопровождается контактами с кожей, это предполагает некое кожное удовольствие как привычное фоновое полотно сексуальных удовольствий. Сексуальные удовольствия локализуются в определенных зонах ношения одежды, где слой эпидермы тонок и где прямой контакт со слизистой ведет к перевозбуждению. Я-одежда реализует роль оплота сексуального возбуждения. Я-одежда проецирует на свою поверхность либидинозную нагрузку и сама становится объектом глобального сексуального возбуждения. Это можно сравнить на практике с тем, когда мужчина возбуждается от образа увиденной им в толпе женщины, он же не видит ее обнаженной, нет, ее образ как совокупность либидинозно заряженных элементов, в том числе и одежды, становится оплотом его желания и возбуждения. Его возбудила не сама женщина как физическое существо, его возбудил Я-образ, который нес определенные смыслы и заряд. Не зря проститутки выглядят нарочито ярко, так как на их поверхности сосредоточен сильный либидинозный заряд, и внешний образ рассказывает потенциальному клиенту о том, насколько этот заряд силен, хоть и ценой изъятия либидо из внутриспсихического пространства во внешнее.

Либинозная перезарядка. Одежда, вещи, которые мы носим, стимулируют кожу как поверхность с постоянным сенсорно-моторным тоном. Так через внешнее возбуждение реализуется функция либинозной перезарядки внутриспсихического функционирования – таким образом внутреннее либинозное напряжение поддерживается и перераспределяется по психическим подсистемам. Повреждение этого функционирования ведет к двум типам страхов: страху взрыва психического аппарата из-за сверхзаряда возбуждения и страху нирваны, то есть что желание свести напряжение к нулю исполнится. Тогда одежда должна выбираться таким образом, чтобы не перевозбудить сверхзаряженную психику в случае аффективного поведения. Для перезарядки такого психического аппарата нужны деликатные ткани и цвета, чтобы сбалансировать и забрать на себя внутренний заряд. В обратном случае, где либидо снижено и заряд низкий, хочется будто разбудить человека, и тогда более контрастные цвета и грубые ткани приходят на помощь, чтобы от трения «одежда – кожа» произошел заряд, который с поверхности кожи переместится в Я психическое и оживит его.

Записывание следов – информацию о внешнем мире через тактильное восприятие мы получаем через кожу, которая передает нам тепло и холод, боль, прикосновения и т. п. Одежда, словно вторая кожа, выполняет функцию записывания сенсорно-тактильных следов, функцию пиктограммы, функцию щита Персея, отражающего образ реальности подобно зеркалу. Данная функция Я-одежды развивается с помощью смеси физиологического и социального. Рисунок реальности отпечатывается на внешности через принадлежность индивида к какой-либо социальной группе, отмечается особыми цветами, надрезами, принтами, татуировками, макияжем, прическами. Я-образ – это исходный пергамент, хранящий перечеркнутые, подчищенные, перегруженные черновики «исходного» вербального документа. Страх, относящийся к этой функции, заключается в том, чтобы не иметь на поверхности Я-образа позорных и нестираемых записей, исходящих от Сверх-Я, таких как краснота, акне, экзема, раны, морщины и т. п. И мода провоцирует человека на удаление этих следов жизни через образ идеального тела, который в итоге приводит порядка 3% людей к дисморфофобии и невозможности принять неидеальность тела. Получается, что функция записывания следов страшна и практически смертельна для травмированной психики, невозможность связать реальность и образ приводит к бесконечным страданиям Я, которое атакуется идеалом Сверх-Я за свое несовершенство, отражаемое в бесконечных зеркалах, как реальных так и метафорических. Не находится ли здесь Я-образ под негативным влиянием танатоса, нацеленного на самодеструкцию образа и Я (*Damasio, 2018*)?

Конструкция и деконструкция – подобно музыканту, который интересуется выявлением звуковых различий, которые коррелируют с различиями в значениях, психоаналитик, изучающий моду и рождаемые ей образы, конденсирует те признаки, которые значимы в конкретном контексте. Какие-то из наблюдаемых признаков, важных для носителя предметов одежды, могут не иметь никакого психоаналитического значения: длина

платья в каком-нибудь контексте может быть значимой, тогда как ткань, из которой оно сшито, – нет, или же означаемым может быть комбинация различных цветов или тонов, в то время как связь между двумя тонами одного спектра может не нести никакого значения. Определяя признаки, превращающие предметы одежды в знаки, психоаналитик будет пытаться выявить систему неявных договоренностей Я-внешности, конфликтов и защит, влияющих на внешность. В идеале структурный анализ должен вести к созданию методологии «грамматики» рассматриваемого явления – системы правил, задающих возможные комбинации и конфигурации и демонстрирующих отношение ненаблюдаемого к наблюдаемому (Cârstea, 2022).

С точки зрения конструкции и деконструкции в методологии постструктурализма можно говорить о том, что для правильного и адекватного понимания любого высказывания оно должно быть приведено к тому контексту, откуда оно было взято изначально, где оно зародилось, проанализировано применительно к той среде, где оно возникло и сложилось, а также в связи с другими высказываниями, наряду с которыми оно было совершено, и должен быть уточнен его полемический смысл и цель.

Психология эпохи постмодернизма расширяет свои границы в значительной мере за счет лингвистики, заимствуя у поэзии метафору и обращаясь с образом как со словом. Таким образом, «заигрывая» с поэзией, иными словами, переводя внешность на ее язык, мы получаем новое прочтение внешнего образа и его элементов, не вполне отвечающее научным канонам, зато открывающее для нас абсолютно новые грани прочтения и интерпретации разворачивающихся градуальных схем новых значений. Таким образом, одежда и внешность, приобретая свойства художественного, оказываются на границе привычного восприятия эстетического и психологического.

Мы оказываемся в двойной ситуации прочтения и интерпретации образа как логически обоснованного, а также в ситуации смены систем символов означаемого – означющего и их смысловой рекурсии в рамках продолжающейся визуально-вербальной игры (Выготский, 2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анзье Д. Я-кожа. Ижевск: Ergo, 2011.
2. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2019.
3. Бион У. Р. Элементы психоанализа / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2019.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: АСТ, 2020.
5. Винникотт Д. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 208 с.
6. Выготский Л. Психология искусства / Л. Выготский; [вступит. ст. А. В. Маркова]. М.: РИПОЛ классик, 2017.
7. Дюркгейм Э. Моральное воспитание / Пер. с фр., вступ. ст., примеч. А. Б. Гофмана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

8. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2017.
9. Мелитинский Е. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.
10. Фрейд З. Тотем и табу: психология первобытной культуры и религии. М.: Эксмо, 2020.
11. Cârstea D. (2022) From structuralist to poststructuralist psychoanalysis. Conference paper, Apr.
12. Damasio A. (2018) The Strange Order of Things. New York, NY: Pantheon.
13. Meyer E. (2014) The cultural map: decoding how people think, lead, and get things done across cultures. PublicAffairs, New York.

Psychoanalysis of fashion

V. V. Burmistrov

Burmistrov Viktor V., psychologist (NRU HSE), psychoanalytic counsellor.

Everyone is influenced by fashion, because, as a phenomenon, it is a stronghold of the collective unconscious and appears in the depths of our own psyches, and through the creativity and work of individuals, it finds its embodiment in the endless images that they produce in the form of endless clothes, hairstyles, makeup.

These fashionable images can be analyzed in the following dimensions, where one dimension, like the Y-axis, takes us deeper, crumbling from the whole image to its particular details, showing us literally the atoms of signs and symbols that make up the fashion statement of the image. Another dimension, like the X-axis, leads this set of signs horizontally, like any speech along a chain of words, creating new meanings from statements that come together, woven from atoms of signs and symbols extracted from the previous dimension. At the junction of these two dimensions, the language of fashion is born, the language of the image, the speaking I-image.

This article highlights the topic of what functions fashion performs for the human psyche, how anxiety can be contained through image and fashion, how fashion performs the function of a transitional object for an adult, how fashion hides and reveals the psychic.

Keywords: fashion, fashion psychology, self-image, transitional space, transitional object, containment, individuation, intersensory, libidinal recharging, construction, deconstruction.

Создание неоязыческого культа как защита от реальности

Н. И. Изотов

Изотов Николай Игоревич – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Может, с несколько меньшей интенсивностью, чем во времена З. Фрейда, мы часто становимся вольными или невольными участниками или свидетелями дискуссий о Боге, религии и ее различных направлениях.

И если рассуждения о религии вызывают так много чувств, то можно сделать вывод, что в каждом религиозная тема в той или иной степени задевает некие ранние, очень глубинные воспоминания, фантазии и переживания. Конечно же, психоанализ не может обойти стороной столь важный аспект человеческой жизни. Отношения человека с Богом можно рассматривать как бессознательное воспроизведение его ранних отношений с родительскими фигурами.

В своей работе «Будущее одной иллюзии» З. Фрейд указывает на то, что религию можно рассматривать как «общечеловеческий навязчивый невроз», который подобно детскому неврозу берет свое начало в эдиповом комплексе, а именно в амбивалентном отношении к отцу. При этом З. Фрейд очень мало говорит про отношения с матерью применительно к религии.

Но религия может служить мощной защитной реакцией, позволяющей психическому через построение альтернативной реальности сохранять свою целостность и продолжать функционировать.

Ключевые слова: религия, культ, неоязычество, эдипов комплекс, отношения с первичным объектом через религию, нарциссическое соблазнение, инцестуальность, символическое уравнение, нарциссизм, проективная идентификация, неореальность.

Сегодня наука развивается с огромной скоростью, и можно наблюдать процесс снижения роли религии в обществе, так сказать, происходит переход общества от религиозных традиций к рациональным или внерелигиозным поведенческим нормам. И хотя наука предоставляет достаточно возможностей для получения знаний, стоит отметить, что при общем росте образованности населения у большинства людей уровень образования не позволяет в полной мере воспринимать эту сферу высоких абстракций. В этом случае образуются культурологические лакуны (Сорокин, Марковина, Крюков и др., 1988), которые при снижении религиозного влияния начинают заполняться оккультными идеями, порой достигающими до мистико-религиозных учений и концепций (проще говоря, психика не терпит пустоты – при нехватке знаний она заполняется чем-то мистическим или религиозным). Возникающая тревожность требует включения защитных механизмов, например проекции. Боясь посмотреть внутрь себя, столкнуться со своим психическим, человек проецирует свои переживания во внешний мир. Но все ли происходит только так? Есть ли движение в противоположном направлении?

Конечно же, есть. Как противоположную сторону «геттоизации» религиозных тенденций хотелось бы рассмотреть встречную тенденцию, а именно обращение отдельных индивидуумов к религии. Религия может рассматриваться как путь к себе, но так может быть не всегда. Религия может служить мощной защитной реакцией, позволяющей психическому через построение альтернативной реальности сохранять свою целостность и продолжать функционировать.

З. Фрейд считал, что задача религии состоит в компенсации частей культуры, которые, ограничивая влечения, ведут к неудовольствию. Предписания культуры возвышаются над человеком и распространяются на весь окружающий мир.

Конечно, можно было бы рассматривать обращение к современным религиям как поиск отцовской фигуры, устанавливающей границы, правила.

Именно в таком ключе в своем труде «Будущее одной иллюзии» З. Фрейд рассматривает религию – как общечеловеческий невроз, который подобно детскому неврозу таится в эдиповом комплексе (Фрейд, 2011). Так как Бог выступает фигурой, способной защищать от внешних опасностей (при этом отношение к нему довольно амбивалентное), ему приписывается характер отца. Со временем происходит трансформация функций божества, и его задачей становится необходимость возместить недостатки, присущие культуре, облегчать страдания, причиняемые людьми друг другу во время социальных взаимодействий, следить за исполнением законов и требований культурного общества. И таким образом уже сами требования культуры как будто бы имеют божественное происхождение, они возвышаются над социумом, распространяют свою власть, как на природу, так и на события в мире.

Но это было бы достаточно узким взглядом. Правильнее было бы сказать, что каждый в религии ищет что-то свое и использует ее в целях удовлетворения своих влечений. И способ такого использования религии

хотелось бы рассмотреть на конкретном примере. Может ли религия не быть поиском защиты и поддержки отцовской фигуры, а быть поиском материнской фигуры? Попыткой оставаться с ней в симбиозе и не терять своего всемогущества?

Поэтому интересно было бы уделить внимание не общемировым религиям, а небольшим так называемым нетрадиционным религиозным/эзотерическим культам. Одним из таких направлений, достаточно широко представленных в нашей стране, является неоязычество.

Для примера предлагаю рассмотреть Древнерусскую англистическую церковь православных староверов-инглингов. (Можно сказать, что ей присущи общие черты неоязычества.) А именно творчество ее основателя – Александра Юрьевича Хиневича.

Александр Юрьевич присвоил себе (хотя заявляет о прохождении неких посвящений, которые позволяют эти самые регалии получить) немало титулов, званий и регалий, придумал много имен, среди которых Патер Дий (стоит обратить внимание, что это имя одного из богов, описанных в «Славяно-арийских ведах», которые вышли из-под пера Хиневича, но с индийскими пересекаются, упоминается бог славянской мифологии), Капен-Инглинг и Глава ордена-миссии «Джива – Храм Инглии».

В интервью и семинарах А. Хиневич раскрывает часть своей истории, где есть материал, на который можно опереться для проведения анализа. Родился А. Хиневич в 1961 году в городе Омске. Когда Александру Юрьевичу было пять, его родители развелись, и его воспитанием занимался отец (А. Хиневич отмечает, что такой подход соответствует древней славянской традиции, когда детей воспитывает именно отец). Также А. Хиневич сообщает своим слушателям, что у него есть младший брат. После развода родителей общение юного Александра с матерью продолжалось, но достаточно ограниченно, так как она переехала на Дальний Восток. Помимо прочего известно, что отношения с матерью складывались довольно сложно, особенно на религиозной почве (она является христианкой и очень религиозной женщиной), временами во время ссоры она могла назвать сына «нехристь, Юркино отродье».

Анализируя описанную выше информацию, можно сделать вывод, что в детстве Александр мог быть обделен материнским вниманием, особенно после рождения брата. Либо можно предположить о наличии еще более ранней травмы, учитывая фанатичное отношение к религии матери (это могло сказаться на ее отношении к сыну).

Сегодня мы знаем, что стадии психосексуального развития не идут линейно друг за другом, а как бы наслаиваются друг на друга. И движение сквозь каждую из них оставляет свои следы в психическом.

Основываясь на дальнейшем анализе истории А. Хиневича, можно сделать вывод о том, что психическое становление его происходило по пути поиска возможности справляться с тяжелыми вызовами реальности. Можно предположить, что на ранних стадиях развития не произошло полноценного формирования такой структуры психики, как Сверх-Я, наследника эдипова комплекса. На этом месте следует обратиться к работам Мелани Кляйн.

Она говорит, что ранняя эдипальная фаза начинается с того момента, как ребенок может постигать родителей как цельные объекты. Раннее образование эдипова комплекса связано с переходом из параноидно-шизоидной в депрессивную позицию. Согласно теории М. Кляйн (Цит. по: *Racamier, 2014*), корни эдипова комплекса находятся в оральной стадии по З. Фрейду. Кроме того, каждая последующая стадия психосексуального развития, как я указал выше, не сменяет предыдущую, а накладывается на нее, начиная с оральной стадии (*Britton, Feldman, O'Shaughnessy, 1989*).

Но все же, прежде чем делать какие-то выводы, предлагаю продолжить рассмотрение описания жизни отца Александра.

По данным, которые Александр Юрьевич представил в своих интервью, можно однозначно определить его уровень образования: окончил среднюю школу, профтехучилище, а также три курса Омского политехнического института, два года работал инженером, а впоследствии, уже углубившись в оккультизм, защитил кандидатскую диссертацию по славянским верованиям в духовной семинарии, а позже защитил докторскую по теме христианства.

А. Хиневич – человек семейный, женат и имеет четырех детей.

Отец Александр обладает достаточно обширными знаниями в сфере оккультизма, психологии, религии, эзотерики и ораторского искусства, неплохо знает английский язык. Все эти навыки помогают Патеру Дию привлекать к себе внимание и удерживать интерес слушателей.

Изучив семинары Александра Юрьевича, можно сказать, что во время выступления он проявляет достаточно мало эмоций, часто выдерживает длительные паузы в повествовании. Но много эмоций его выступление вызывает в зрительном зале. Также много комментариев, как позитивных, так и негативных, собирают его записи в социальных сетях. Можно сделать предположение, что в данном случае так работает проективная идентификация – защитный механизм оральной стадии психосексуального развития.

В дополнение к вышесказанному можно добавить, что непосредственно сам А. Хиневич заявляет о своих выдающихся способностях в парапсихологии, появление этих способностей он связывает с пережитой несколько раз клинической смертью. Помимо этого Александр Юрьевич заявляет о том, что в его роду были колдуны. Ну и, конечно же, нельзя не отметить внешность А. Хиневича – он очень напоминает Григория Распутина.

Моментом, достойным нашего внимания, является тот факт, что З. Фрейд определяет колдовство как «искусство влиять на духов, обращаясь с ними так, как при таких же условиях поступают с людьми, то есть их успокаивая, примиряя, располагая к себе, запугивая, лишая их силы, подчиняя своей воле теми же средствами, которые оказались действительными по отношению к живым людям» (*Фрейд, 2007*).

Тогда мы можем сделать вывод, что возможность общаться с духами и воздействовать на них Патера Дия является проявлением проективной идентификации.

Уже с самого начала повествования можно заметить, как позиционирует себя Александр Юрьевич – как человека особенного, даже, можно сказать, уникального.

Из интервью Александра Юрьевича можно сделать вывод о его сильном пристрастии к курению. Несмотря на пропаганду здорового образа жизни, курить Хиневич не бросил, но говорит о своей способности преобразовывать табачный дым в полезные для организма вещества и ферменты.

В пристрастии к курению прослеживается фиксация на оральной стадии психосексуального развития по З. Фрейду. В «сосущем» поведении видится намек на поведение младенца, сосущего грудь матери. И в зрелом возрасте сигарета заменяет материнскую грудь. Сигарета даже имеет преимущество перед материнской грудью – она доступна в любое время. Ну и нельзя забывать о химическом воздействии табака. Он воздействует успокаивающе за счет того, что вызывает «торможение» некоторых участков центральной нервной системы. Человек через курение пытается приблизиться к ощущению защиты, как бы к состоянию нахождения в материнской утробе. Табак, алкоголь, наркотические вещества могут выполнять роль защитника от непереносимых чувств, таких как стыд, вина, тревога, возникающих на фоне высоких требований, предъявляемых Сверх-Я. Из-за токсического воздействия ослабляется давление Сверх-Я, нивелируя воздействие отцовской фигуры.

Основываясь на словах Александра Юрьевича, можно сделать вывод о его способности влиять на окружающую среду. Преобразовывать ее под свои потребности. И тогда можно говорить об отсутствии необходимости выдерживать фрустрацию, то есть среда не способствует развитию.

Опираясь на приведенные выше примеры, можно сделать предположение о нарциссической патологии. Принимая во внимание выводы, сделанные П.-К. Ракамье в работе «О нарциссической перверсии» (*Racamier*, 2014), можно говорить о наличии фантазма о самопорождении. Как будто бы встреча родителей Александра Юрьевича произошла не по стечению обстоятельств, а по его воле и для следования его целям. И этим же фактом он отрицает отношения между родителями.

Уже в конце 80-х годов А. Хиневич искал популярность и в итоге нашел ее на эзотерическом поприще. В этом можно проследить нарциссические тенденции.

Однако нельзя не отметить, что популярность пришла к А. Хиневичу на волне подъема интереса к оккультизму в Омске, примерно в 1989 году. Он распространял знания по эзотерике, организовывал сеансы группового исцеления от болезней, принимал участие в экспедициях в зоны, которые сейчас принято называть аномальными.

В 1990 году вместе с группой, организованной уфологами, А. Хиневич отправился в экспедицию в Москаленский район Омской области, где, по его данным, должны были быть обнаружены следы пребывания НЛО.

Начиная с 1991 года Александр Юрьевич был организатором и активным участником конференции оккультистов и эзотериков «Тайные знания». После этого очень много внимания Хиневич уделял всем паранормальным

событиям, происходившим в Омске. В то же время А. Хиневич открывает центр «Джива», который начинает проводить исследования паранормальных феноменов. Сотрудники центра обучают экстрасенсорике, на коммерческой основе изгоняют полтергейст, снимают порчу, а также организуют выездные бригады целителей. Со временем центр «Джива» распространил свою деятельность далеко за пределы Омска.

Подводя итоги, можно сказать, что в истории Александра Юрьевича прослеживаются тенденции к использованию примитивных, архаичных защит психики. Вполне возможно, что с помощью этих защит он спасется от психоза. Уже на основании изложенного материала можно сделать предположение, что произошла фиксация на оральной стадии психосексуального развития, а также выдвинуть гипотезу о психотическом функционировании матери маленького Александра. В одном из интервью А. Хиневич говорит, что его родители развелись, когда ему было пять лет, мать уехала, а он по старой славянской традиции остался на попечении отца. Я могу предположить, что именно этот момент спас его от дальнейшего психического распада. И, хотя мать уехала, она «навсегда осталась с ним». Помимо прочего, можно обозначить расщепление материнской фигуры: на позитивный образ всемогущей Матери-природы и негативный образ реальной матери А. Хиневича. Примером такого расщепления может служить случай, рассказанный Хиневичем: его мать уехала на церковную службу из Омска в Новосибирск и не возвращалась домой в течение трех месяцев. Эту историю он рассказывает без какой-либо эмоциональной окраски, нет даже следа переживаний. При этом отдаление от природы он считает абсолютно неприемлемым шагом, приближающим конец человечества.

Далее в тексте исследования я попробую обосновать желание Александра двинуться не в сторону психического развития, а в противоположном направлении – к «материнскому лоно» или началу начал.

Для дальнейшего рассмотрения нашего материала следует сделать небольшую оговорку. В контексте нарциссического выбора следует обозначить, что, на мой взгляд, это происходит под управлением такой инстанции, как Я-идеал.

В своем труде Г. Нюрнберг (*Нюрнберг*, 1999) соотносит идеи З. Фрейда о Я-идеале с такого рода состоянием Я, в котором свойственное детскому этапу развития, не организованное воедино Я воспринимает себя неразрывно связанным с Оно. Г. Нюрнберг предлагает гипотезу о том, что в ходе своего психического развития «каждый человек оставляет этот нарциссический идеал, но на самом деле постоянно стремится вернуться к нему, особенно это заметно при некоторых заболеваниях». И тогда при дезорганизации в момент наступления травматического события происходит возврат к этому идеальному образу, и субъект, невзирая на свои страдания, начинает чувствовать себя «более или менее могущественным и наделенным магическими силами». А если субъект и не уходил от этого идеального образа?

При нарциссизме объектом, куда направляется нарциссическое либидо, избирается Я как единый образ. Таким образом, для того чтобы

сформировался нарциссизм, должно быть сформировано единое Я. По мере своего взросления ребенок сталкивается с ограничениями реальности, фрустрацией, он должен осознать собственные ограничения. В таких условиях ребенок для сохранения нарциссического баланса создает защитные механизмы, а затем – не сразу, со временем – формирует реалистичные оценки окружающей действительности и реалистичное самосознание. Таким образом, происходит развитие и образование единого Я – «новое психическое действие», о котором говорил З. Фрейд. По Фрейду, Я развивается, когда Оно сталкивается с реальностью.

Здесь же следует отметить, что М. Кляйн говорит нам о том, что все психические инстанции человека появляются одновременно и одновременно же развиваются. В нашем примере можно говорить о присутствии жесткого, архаичного Сверх-Я. В психическом героя повествования как будто бы все еще находится объединенная родительская фигура. Хотя в сознательной части психики их роли все же различны, но они все еще обожествлены. Родителей Александр буквально называет «богами».

Опираясь на вышеизложенные тезисы, можно сказать, что идеализированный образ, сформированный Александром Хиневичем, является либо защитой от тотального обесценивания матери (возможно, он служил защитой от ее агрессивных влечений), либо, наоборот, идеальная среда, созданная матерью, помогла сохранить собственный идеализированный образ, сформированный в раннем детстве, так как не позволял сталкиваться с непереносимой фрустрацией.

В работе «Введение в нарциссизм» З. Фрейд говорит: «От Я-идеала важный путь ведет к пониманию психологии масс. Этот идеал, помимо индивидуального, имеет и социальный компонент, он также является идеалом семьи, сословия, нации. Кроме нарциссического либидо он связал также большое количество гомосексуального либидо человека, которое таким способом возвращается в Я» (Фрейд, 2014).

Таким образом, Я-идеал включает в себя не только индивидуальные, но также более широкие понятия об идеале, начиная от отдельно взятой семьи и расширяясь до нации целиком. З. Фрейд делает вывод, что такой механизм можно применить к изучению психологии толпы, основываясь на формировании индивидуального психического.

Исходя из того факта, что формирование Я-идеала происходит не только на основании семейных, но также с помощью социальных и национальных ценностей, можно сделать вывод, что на формирование пути инвестирования либидо определенную роль оказал отец Александра Хиневича, который, по его рассказу, тоже был приверженцем старой веры.

Также можно сказать о присутствии гомосексуального либидо, которое принимает участие в образовании нарциссического Идеала Я. Если создаются условия, при которых субъект не может достичь этого идеала, то энергия гомосексуального либидо обращается в чувство вины (сначала это проявляется в виде страха потерять любовь родителей, затем – признание общества). Субъект будет стремиться избавиться от этих влияний, начиная с родительского, изымая свое гомосексуальное либидо и возвращая его Я.

В. М. Лейбин в своем словаре-справочнике по психоанализу (Лейбин, 2010) отмечает: «С точки зрения некоторых психоаналитиков, Я-идеал является бессознательным нарциссическим образованием, отличающимся от Идеала Я, который представляет собой, по сути дела, психическую инстанцию Сверх-Я. В плане дальнейшего уточнения различий между ними иногда выдвигаются такие представления, в соответствии с которыми Я-идеал включает в себя вовнутрь направленные садистские и агрессивные тенденции, в то время как Идеал Я, или Сверх-Я, олицетворяет собой внутриспсихическую инстанцию, свидетельствующую о стремлении человека к совершенствованию».

В своей работе, написанной позже, «Психология масс и анализ "Я"» (2018), З. Фрейд, основываясь на теории развития либидо, заявляет о том, что в случае, если субъект не доволен своим Я, то он предпримет попытки заменить его удовлетворяющим Идеалом Я (фигурой командира, Христа и т. д.). Но это опять же не говорит о присутствии развитой сексуальной любви, а свидетельствует о присутствии ее примитивной формы – идентификации. Таким образом, именно идентификация индивидов с лидером и друг с другом создает сплоченность толпы. Еще один важный момент заключается в том, что Я-идеал лидера настолько довлеет, что как бы стирает Я каждого члена группы, занимает их место. Основываясь на вышеизложенном материале, можно смело заявить, что община староверов-инглингов сформирована на эффекте грандиозности фигуры ее основателя Александра Хиневича и держится за ее счет.

Можно сказать, что создание общины и самого неоязыческого культа является нарциссическим путем переживания любви Хиневича к объекту через любовь к своему творению.

Насколько много энергии могут нести в себе влечения, можно увидеть на пути становления языческой общины Хиневича. С течением времени после начала своей общественной деятельности внимание главы центра «Джива» полностью сместилось на создание нового неоязыческого культа. Для этого была собрана община из преданных последователей, прошедших обучение в центре «Джива». Для дальнейшего развития общества были созданы мужская и женская духовные семинарии, воскресная храмовая школа, а также Храм Мудрости Перуна.

«Мудрость предков» дается последователям строго дозированно, в зависимости от уровня внутренней иерархии, до которой человек смог подняться. Вся система знаний строится на основании синкретизма, то есть смешения естественных наук и разнородных учений: телегонии, «энергетики священной символики», трехмерной математики, каббалистической астрологии, трансцендентной физики и других направленностей человеческих знаний.

Так что же такое инглиизм?

Стоит обратить внимание на то, что Патер Дий принципиально отделяет инглиизм и религию. Религия, в его понимании, считается искусственным образованием, восстановлением духовной связи с богами, тогда как инглиизм является вероисповеданием. Хиневич делает акцент на постоянном поддержании связи на уровне духа между людьми и богами.

Боги пантеона предстают в учении предками, а люди – их детьми (Александр, отец, 1993).

Отец Александр всегда акцентирует внимание на том, что не может согласиться с тем фактом, что его учение называют язычеством. Говоря про своих общинников, он заявляет, что они являются староверами-инглингами или православными славянами. В качестве обоснования говорится об исповедании Старой Веры Расы Великой, хранении священного огня Первопредков, славлении Прави, то есть мира Светлых Богов (Погасий, 1998).

Мифологической частью, которая поддерживает построение неоязыческого культа, является рассказ о прибытии на Землю первых людей Белой Расы, что «принесли мудрость и великие знания из созвездия Большой Медведицы».

Именно эти пришельцы, обладающие великой мудростью и божественным происхождением, являлись основой цивилизации на Земле, неся свет знания.

Стоит отметить, что Александр Юрьевич придает особое значение цвету кожи разных рас, различая белую, черную, красную, желтую и ныне вымершую расу с зеленой кожей. И по этому признаку разделяет все человечество на группы. Помимо разницы в цвете кожи он отмечает еще и соматические особенности этих рас, объясняя тем самым, что они потому разные, что их предки прилетали на нашу планету из разных созвездий. Именно по причине, описанной выше, инглизм запрещает межрасовые браки как таковые – так как считается, что потомство от смешанных браков будет слабым и не имеет будущего.

А. Хиневич старается поддерживать связь с максимально широкой аудиторией и собирать под крылом своей общины все направления современного язычества. Но все же считает, что изначальная мудрость предков сохранилась только в славянском язычестве, а русские – самый древний народ, потомки Белой Расы, хранители духовности и высшего знания.

Также отец Александр заявляет о сохранности древней инглистической церкви, несмотря на многолетние гонения и травлю. Интересный момент, на котором акцентирует внимание Александр Юрьевич (но, правда, это противоречит информации, приведенной выше), что он якобы в детстве был избран некими волхвами и у них же проходил обучение, а в 1982 году избран правопреемником Первосвященника Святослава. Уже в 1985 году Хиневич сам становится Первосвященником Инглистической церкви с целью доносить до простых людей древнюю мудрость предков.

В приведенном выше материале опять можно проследить тенденции, направленные к теме всемогущества. Это мир всемогущества, который опирается на ранние защитные механизмы, мир, в котором отношения с объектами строятся по нарциссическому типу, где нет места символизации, все основывается на принципе символического уравнивания. Мир, где основным защитным механизмом является проективная идентификация, которая постоянно используется для удаления из психической ткани переработанных бета-элементов, а горевание невозможно. Можно заключить, что это мир параноидно-шизоидной позиции, по теории М. Кляйн.

Инглинги следуют неким этическим основам, собранным в 99 заповедей, которые были даны богами Перуном, Сварогом и Рамхатом. Эти заповеди учат патриотизму, уважать жизнь на Земле и в других мирах, быть приверженным родовым идеалам, не идти к власти всеми доступными способами (смирение гордыни), а также вводят запрет на межрасовые браки (*Шнирельман, Мороз и др., 2001*).

Помимо вышесказанного заповеди инглингов говорят о совершенствовании своего духа, познании себя, своего и других миров. Согласно заповедям, инглинги должны жить по правде, чтить свой род, своих предков и Род Небесный, делать добрые дела и не навязывать свою веру другим людям, так как выбор веры – личное дело каждого.

Нравственность и патриотизм инглинги считают основой своей культуры, а также придерживаются мнения, что необходимо возрождение культуры, веры предков – инглиизма, которая могла бы направить народ на путь развития не только физического, но и духовного. В одном из постулатов Древнерусской инглистической церкви, а точнее, в «Книге Мудрости Перуна» об этом говорится так: «Русские никогда не были против культур других народов, но они создавали свою культуру, которая имела очень глубокие древние корни. Настало время вернуться к своим корням, иначе будущего не будет. Погибнет не только тело, но и душа. И никакие чужие люди и боги не спасут Вашу душу! Русскую душу может спасти только Русская Вера» (*Книга Мудрости Перуна, 1993*).

У инглингов также есть множество обрядов, примером которых могут являться крещение огнем, водой и Святым духом. А также есть ритуал общения с миром предков (похоже на притопление человека под контролем жреца, что также может свидетельствовать о фантазме контроля над смертью).

Вступая в общину отца Александра, человек дает обещание не предавать огласке знания, полученные в общине, так как знания инглингов открыты только для избранных. Возглавляет общину Духовная Миссионерия, находящаяся в Омске. Отец Александр считает город Омск едва ли не самым священным местом на земле, а вблизи рек Иртыш и Омь, по его мнению, в древние времена находилось основное святое место Белой Расы.

Отец Александр утверждает, что ранее на месте города Омска располагался древний город Асгард, священный город богов. Город, который простоял более ста тысяч лет, но был уничтожен кочевыми народами. Со слов Хиневича, именно в тех краях скрывались от преследователей волхвы инглингов и тайно готовили себе смену. Среди этих учеников был и сам А. Хиневич.

Отношение же к христианству у инглингов противоречивое, однако принимается вера Христова, так же как и вера в других богов. В христианстве, как и в инглиизме, есть масса похожих вещей, таких как священная иерархия в церкви, знания о едином Боге, догмат о Троице, есть много похожих праздников, к примеру Пасха. Однако инглинги считают, что современная христианская церковь искажила достоверность Христова учения, а также утвердилась на Руси как противник духа русских людей, через насилие, порабощение, обогатилась за их счет, собирая пожертвования

на строительство и возрождение храмов. Христианская церковь учит своих прихожан ненавидеть иноверцев, не принимая их точку зрения.

Из христианских писаний признаются инглингами апокрифы, в числе которых «Тайная книга Иоанна» и «Евангелие от святого апостола Фомы», так как считается, что остальные знания были искажены в корыстных целях представителями христианской церкви (*Владимир, отец*, 1993). В дополнение к вышеописанному стоит добавить, что в инглиистической идеологии считается, что христианство на Руси было установлено насильственным путем и в целом рассматривается как чуждое русскому духу и подрывающее национальные устои. При этом Хиневич также заявляет, что в христианстве заповеди являются законом, а в инглиизме рекомендацией.

Если рассматривать христианство, как и все поздние религии, как отгосок эдипальности, с точки зрения З. Фрейда, то контекст чужеродности христианства и его насильственного насаждения можно трактовать как сопротивление разделению матери и ребенка третьим, отцовской фигурой. Ребенок как будто не хочет выходить из симбиоза с матерью, не хочет разрывать эту монаду.

Учение А. Хиневича, конечно же, довольно специфическое, но при этом обладает характерными чертами, присущими и другим направлениям современного язычества. Среди них можно выделить:

– представление о мире, основанное на системе древних знаний о мире и его устройстве, приверженное религиозным догмам и указывающее на ограниченность современного научного знания. Но в то же время в таком подходе, за счет умелого манипулирования и даже жонглирования понятиями и фактами, происходит и объединение элементов веры и научного знания (что обычно в реальной жизни превращается в «философию», постулирующую невозможность научного познания мира и приводящую к смешению разнородных взглядов на устройство мироздания);

– философские концепции и тексты неоязыческих произведений, с одной стороны, обильно смешивают современные научные знания и перверсивное изложение мифов и фольклора. При этом, с другой стороны, они дают обещание, что через познание мудрости предков перед человеком открываются небывалые перспективы, о которых он и мечтать не мог, преобразование самой природы человека, которое поставит его на одну ступень с богами;

– знание, наследие предков, преподносится как тайное, доступное только посвященным или избранным. При передаче знаний акцент делается на некоей преемственности, то есть передаче этих знаний от неких волхвов, которые продолжили свою деятельность, несмотря на христианизацию и дальнейшую борьбу с ними Российской православной церкви;

– философия инглиизма строится на смешении национальных традиций, западных фольклорных произведений, учения Блаватской, каббалы, постулатов ведущих мировых религий, теософии, космологии, уфологии и так далее;

– инглиизм, хоть и заявляет о признании и терпимости ко всем религиозным направлениям, при этом активно им себя противопоставляет;

– англиизм преподносит обывателю «наличие» некоего древнего су-перзнания, существование некой основополагающей мудрости предков, на основании которой строились все современные религиозные учения. Благодаря этому англиизм без каких-либо сложностей привносит в свои философские построения фрагменты самых разных религиозных направ-лений.

По итогам данного раздела нашего исследования уже можно увидеть некоторое подтверждение гипотез, выдвинутых в начале статьи. Мы ви-дим подтверждение идей всемогущества, отсутствие символизации, по-строение грандиозного Я-идеала мышление строится по принципу сим-волического уравнения, когда текущие объекты уравниваются с объекта-ми прошлого. То, что мы можем наблюдать такой защитный механизм, как проективная идентификация, является еще одним аргументом, под-тверждающим гипотезу о фиксациях на оральной стадии. Похоже, что организованная община, неоязыческий культ являются для Александра Хиневича нарциссическим способом переживания любви к материнской фигуре через любовь к своему творению, что может говорить о некой ин-версии отношений между матерью и ребенком, что также, возможно, слу-жит подтверждением наличия фантазма о всемогуществе, способности влиять на реальность.

Как З. Фрейд когда-то проводил анализ доктора Шребера по его про-изведениям, так и мы продолжаем анализ деятельности Александра Хиневича.

Сначала хотелось бы обратить внимание на литературное произведе-ние, вышедшее из-под пера Хиневича – «Славяно-арийские веды» (явля-ется литературой, запрещенной на территории РФ). Хочу привести один абзац из введения этой книги, который поможет нам в анализе: «В Ведах говорится, что с первых шагов своего восхождения по Ступеням Веры че-ловек прислушивается в основном только к себе, потворствуя своим же-ланиям и прихотям, но чем выше он поднимается по ступеням Духовного развития, тем меньше он слушает свой внутренний голос, свои желания и ощущения, а более всего начинает прислушиваться к окружающему его миру Матери Природы. Поэтому самое главное для Духовного развития человека – научиться видеть и слушать окружающий мир. Когда чело-век научится видеть и слушать внешний мир, то внешний мир раскро-ет в нем такие Духовные качества, о которых он даже и не подозревал. Следование за гармоничным развитием окружающего мира по Ступеням Веры, действуя и созидая по желанию окружающего мира с любовью в Сердце своем, в древности называлось "следовать Судьбе", или "повино-ваться року"».

Этот отрывок служит иллюстрацией стремления субъекта к слиянию с Матерью-природой. Бросается в глаза тот аспект, что на пути к этому сли-янию человеку нужно отказаться от того, чтобы прислушиваться к сво-ему внутреннему миру, а слушать то, что находится снаружи. В данном случае, а также опираясь на материал, изложенный ранее, можно сде-лать вывод о психотическом функционировании, но не об остром пси-хозе. Проявляется характер объектных отношений – слияние, а природа

основного конфликта находится между бессознательным и реальностью. В этом случае мы можем наблюдать, как человек с психотическим функционированием может вести полноценную социальную жизнь и организовывать социальные движения.

Еще стоит обратить внимание на описание процесса зарождения мира, также изложенное в «Славяно-арийских ведах»: «Некогда, вернее, тогда, когда еще не было времен, не было Миров и Реальностей, нами, людьми, воспринимаемых, был, не воплощаясь, один только Великий Ра-М-Ха. Он проявился в Новую Действительность и от восприятия Новой Безкрайней Безконечности (*здесь стоит отметить, что в его тексте написано именно с «з», я только сохранил орфографию.* – Н. И.) озарился Великим Светом Радости... и от Него полился Великий поток Инглии – Первозданного Живого Света, то есть дыхание его несказанное, хлынул Свет несказанный и зазвучал в Нечто Великом...»

Очень похоже на описание процесса рождения ребенка. В приведенном примере несколько раз повторяется слово «несказанное», что говорит, возможно, о самых ранних воспоминаниях, довербальных, не исключая, что это воспоминания о его собственном рождении. А вот целью духовного роста, которую обозначает Хиневич, является восхождение по «Золотому пути развития», чтобы стать на равных с Создателем и заглянуть в ту «старую действительность», то есть как будто попытаться узнать, что было там до рождения, вернуться в «клоно» и увидеть начало начал.

Помимо автобиографических аспектов жизни, рассказанных Хиневичем, эзотерических постулатов его общины и литературных произведений я предлагаю высказывания Александра Юрьевича о различных аспектах действительности, взятые из интервью, которое он дал Народному славянскому радио 1 февраля 2021 года. Данные цитаты из интервью позволяют увидеть, как А. Хиневич видит этот мир, чем наполняет его (Хиневич, 2021).

На просьбу рассказать о душе и энергиях Хиневич приводит следующий пример со следующим описанием.

«Существует много слоев Реальности, и каждый живет в своем основном слое. Во время медитации или сна, когда тело нуждается в отдыхе, душа перемещается в параллельные или зеркальные миры, другие реальности. Все живые существа излучают энергию, каждый свою. Не только люди с белым цветом кожи. Люди с белым цветом кожи излучают энергию, которую в древности называли магической. Эту энергию вырабатывает сам организм, и пользоваться ей могут не только люди, но и все разумные существа. В той или иной мере. На этом месте думают про людей, но никто не думает про животных. Никто не задавался вопросом, почему, например, взгляд змеи гипнотизирует человека. То же самое взгляд гипнотизера, а это все пользование энергией. Ведь энергии бесследно нигде не исчезают. Мало кто помнит, но для того, чтобы поделиться какой-то информацией, знаниями или проблемами, человек подходил к дереву, обнимал его и передавал ему этот поток. Поэтому в сказках и были так называемые магические деревья. В этом ничего удивительного нет».

«Наши предки говорили, что весь мир, все миры, вся вселенная состоит из энергии, не из материи, а из энергии. А материя лишь плотно концентрированная энергия. Поэтому всё энергия. Никто же не задумывается, почему, например, экстрасенсы, не прикасаясь к человеку, просто руками находят сбои в организме, болячки. Это все работа с энергиями. Этим занимаются йоги, тибетские монахи во время медитаций. Просто последние два века об этом не принято упоминать. Последние упоминания по работе с энергиями публиковались в книгах XIX века, а потом по всему миру ввели табу на эту тему. Только в конце XX века стали вскользь говорить».

Вот некоторые рассуждения о космосе.

«У всех народов мира сохранились предания о небесных битвах богов. Когда с другой галактики прибыли захватчики и пытались захватить нашу солнечную систему. Битвы шли. Одна планета была разрушена. У славян никогда не стоял такой вопрос "есть ли жизнь на Марсе?". Наши предки знали – жизнь есть везде. В результате войн, которые происходили в течение тысячелетий, врага отбивали, он обстреливал землю, облучал, уходил, возвращался, и опять сопротивление. Когда люди говорят "есть ли пришельцы на Земле?", да они тут давно, живут и потомство имеют. Наши предки говорили "есть пришлые, есть люди, есть нелюди, есть змеелюди, есть собаколюди". Видов живых существ множество.

Для многих что-то фантастика, а другие считают, что это не фантастика, а реальность. Но это все зависит от человека, от его развития. Не в том смысле, что он неуч или прочее... нет... Развитие – это как в нем развит его родовой канал, его родовая память. Те, у кого открывается родовой канал, – они воспринимают как реальность даже то, что написано как фантастика».

О науке.

«Все, что не угодно ученым, объявляется подделкой. Хотя то, что объявляется как научно доказанный факт, также является подделкой, но научной. Никто из людей не задавался вопросом: "А почему сказки, рассказанные в школе, люди должны воспринимать как реальность, что это было на самом деле?" Ведь все мы учились в школе, нам рисовали нашу Землю в разрезе, 50 км земная кора, потом идет мантия, потом ядро... Откуда ученые это могут знать? Если самая глубокая Кольская (скважина) – это 12 км. И то прикрыли, сказали, что они до ада добурились. Ничего не зная о том, что внутри, они выдают то, что придумали, как научно доказанный факт. Но это их видение. Поэтому говорить, что ученые что-то там доказали... да ничего они не доказали, это все подается так, как нужно тем, кто находится у власти. Потому что историю пишут победители».

О перерождении.

«При перерождении мужчина может стать только мужчиной, а женщина – женщиной. При этом при рождении ребенок получает знания людей вокруг себя, а это и мужчины, и женщины, и даже животные. О существовании в данном "ареале проживания" различных разумных, поэтому многие в состоянии транса говорят: я в прошлой жизни был рысью, был дельфином, был леопардом и прочее... нет, это не они были, это знания

о жизни тех разумных существ были получены при рождении, только и всего. В старых источниках ничего не говорилось о том, что мужчина стал женщиной или, наоборот, в тех источниках, которые я читал».

«У наших предков кровь всегда была красная, а у потомков тех пришлых, кто остался после попытки захватить Землю, у них бывает так называемая голубая кровь, где медь преобладает, а не железо. И почему такое может быть только у рептилоидов? Никто никогда не задумывался, почему сейчас стараются задавить народную медицину? Почти во всех странах, кроме Индии, Индостана и других государств. Стоит посмотреть на эмблему – змея, либо вокруг шеста, вокруг звезды или рюмки. А змея кто – рептилия, значит, современная медицина принадлежит рептилоидам, вот и все. Их задача какая – поддерживать жизнь клонов и нелюдей, ну и своих. Поэтому обращаться к ним без толку. Ведь не зря кто-то в прошлом сказал, что миром правят символы – вот вам символы».

«Каждый человек идет к своей цели по жизни. Цель заложена в него при рождении. Как дойти к этой цели? Ему дана свобода выбора. Там, где трудно пройти, он создает гать через болота сомнения, то есть путь прокладывает. И каждый человек идет по своим гатям судьбы».

Про отношения со временем.

«Путь из Омска в Москву занял бы у меня три месяца, это пешком или на велосипеде. На поезде потрачу на этот же путь три дня, а на самолете три часа. Вылетая из Омска в восемь часов утра, в Москве я приземляюсь тоже в восемь утра. Значит, я на три месяца переместился. Поэтому время неоднозначно».

Вот такими словами Хиневич описывает цель своей жизни.

«Я пришел, чтобы передать знания. А как с ними поступать, личное дело каждого».

Вот так в несколько предложений Александр Юрьевич говорит о взаимодействии людей между собой.

«Главная роль людей – в первую очередь быть людьми. У славянских народов есть черта, с одной стороны, хорошая, с другой стороны, не очень, – всех воспринимать равными себе, вроде как они такие же, как я. Хотя на Земле живут не только люди. Живут нелюди, живут клоны, живут потомки пришлых, живут потомки драктов и сами дракты, то есть много видов разумных и неразумных тоже. Вот говорят, все мы люди, все мы человеки. Нет, не все люди, не все человеки. Поэтому наши предки и разделяли людей и нелюдей. У нелюдей нет человеческих качеств, таких как любовь, сострадание, взаимовыручка, взаимопомощь».

О духовном развитии.

«В третьей книге "Славяно-арийских вед" приведено описание Ступеней веры. Основываясь на этих данных, можно говорить, что для духовного развития в англиизме требуется пройти строго определенный путь и претерпеть некоторые психические изменения.

В англиизме говорится о возможности постепенного движения человека по пути духовного развития в его земном воплощении, именуемого ведах Ступенями Веры. Это обязательное условие для дальнейшего продвижения по Златому Пути Духовного развития через Миры Нави и

Слави к Божественному Миру Прави, способствующее духовному и душевному развитию человека.

Веды сообщают, что самое главное для человека для духовного развития – не заикливаться на себе, на своих ощущениях и на своих рассуждениях».

Конечно же, можно проанализировать каждое из представленных высказываний отдельно, но есть моменты, которые объединяют их. Это смешение науки и фантазий, отрицание границы между ними, у автора заметно ощущение способности управлять временем и пространством.

Хотя Александра и воспитывал отец, ранний детский опыт взаимодействия с первичными объектами, а именно с матерью, остается преобладающим и проходит красной нитью через всю его жизнь. Складывается впечатление, что жизнь возможна только в симбиозе с Матерью-природой (образ архаичной/«первичной» матери), а сепарация отождествляется со смертью. И тогда, опираясь на весь описанный материал, можно говорить о нарциссическом соблазнении по П.-К. Ракамье (*Racamier, 2014*). В нарциссическом соблазнении нет сексуальности, главная задача состоит в необходимости самосохранения. Нарциссическое соблазнение создает отношения, которые помогают скрыться от проблем мира. Разрыв таких отношений невозможен, потому что он несет в себе смерть. Можно предположить, что это будет фантазматическая смерть матери, без которой ребенок не сможет выжить. Ребенок всегда должен быть с такой матерью, даже если это только инкорпорированная отщепленная часть материнского имаго.

П.-К. Ракамье обратил внимание, что у психотиков есть общие черты: зависимость, монофантазм о самозачатии, спаянность с объектом. Схожие моменты мы можем проследить в описанном материале.

Так как реальность при нашем восприятии не представляет собой в полном объеме ни результата работы духа, ни продукции проекций, то это позволяет нам понять, что она не является простым продолжением нашего внутреннего мира (психической реальности), а находится с ним в конфликте и, возможно, даже в разрыве.

Еще З. Фрейд обозначил, что религия является неврозом общества. И уже это может говорить о том, как сложно определить норму, да и есть ли она вообще. Можно ли рассматривать эту норму как абсолютное здоровье? Но можно взять на себя смелость и заявить, что понятие нормы достаточно относительное и, конечно же, психотики могут вести полноценную жизнь, но какой ценой?

При психотическим функционировании очень сложно провести четкую границу между внешними и внутренними переживаниями. Субъект с психотическим уровнем функционирования чувствует себя незащищенным в этом мире и всегда готов поверить в то, что распад неизбежен. Природа их основного конфликта лежит в плоскости – жизнь или смерть, другого не дано, то есть либо существование, либо распад. Поэтому, чтобы выживать (ибо жизнью это сложно назвать) при психотическом функционировании,

субъекту приходится прокладывать дорогу в придуманный мир. Мир, который не будет подвергаться сомнениям, который будет оберегаться, обосновываться и при необходимости развиваться.

Еще со времен З. Фрейда психоаналитики не считают бред болезнью, его можно рассматривать как попытку исцеления. Бред придает смысл миру и целостность хаосу, в который может быть повергнут психотик. При психотическим функционировании конфликт находится между бессознательным и реальностью, Я находится во власти Оно, возникает состояние бреда, в котором Я начинает строить новую реальность в соответствии с требованиями Оно. Субъект использует примитивные защитные механизмы, которые не просто могут мешать восприятию, а в прямом смысле искажают окружающую действительность. Пока защиты работают, субъект имеет возможность достаточно хорошо функционировать.

Сегодня в мире происходят события, из-за которых можно сказать, что мир сошел с ума. Пандемия, изоляция, военные конфликты. Все это способствует тому, что рушатся границы, рвутся связи. И все мы, не имея возможности остаться в стороне, принимаем участие в этих событиях. И конечно, нельзя исключать тот факт, что все происходящее влияет на нас.

Когда человек испытывает сильные фрустрации, давление окружающего мира, как минимум он испытывает стресс, и включаются защитные механизмы, призванные защитить его психический мир. Если защиты не справляются, то субъект регрессирует к более ранним, жестким защитам.

А как бы сейчас мог себя чувствовать человек с психотическим уровнем функционирования?

На мой взгляд, именно сейчас он мог бы чувствовать себя вполне комфортно. Все то, что раньше проецировалось вовне и возникал конфликт, сейчас начинает восприниматься как нормальное состояние мира. Нет связей, там, где должна была быть метафора, находится вполне конкретная вещь.

Как показал пример, описанный в данной статье, человек, функционирующий на психотическом уровне, не обязательно будет являться тем, кто изолируется от общества. Он легко может функционировать в обществе и добиваться определенных успехов в сфере своих интересов. Вот только это будет даваться ему намного тяжелее, ведь так непросто построить новую надежную реальность.

Специфика психоаналитических концептов соответствует особенностям авраамических религий, что позволяет выделить популярность основных тезисов психоаналитической теории З. Фрейда в религиоведении. Доминанта закона, вины, подчинения, репрезентация Бога-отца и Сына может, с одной стороны, в теологическом аспекте критиковать психоанализ, а с другой стороны, обратиться к нему с целью поиска духовных оснований сближения природы человека и религии. Собственно, на эту тему доктор теологии Роберт Моррис пишет в своей статье о З. Фрейде (*Morris, 1973*), говоря о теологических основах его учения. Р. Моррис не может не отметить тот факт, что, несмотря на его научный атеизм, именно в учении З. Фрейда наблюдается тяга к изучению религиозности и религиозных отношений с точки зрения психических оснований.

При анализе работ З. Фрейда, в которых он подвергает психоаналитическому исследованию религии, меня заинтересовал тот факт, что образ лидера эзотерического объединения может становиться для его адептов таким же структурным образованием, как Идеал Я. Но раз он является центром этого объединения, то, соответственно, именно он является творцом той среды, в которую погружаются люди при попадании в такую неоязыческую общину. При анализе собранного материала стало понятно, насколько важную роль играет ранний опыт общения с важными для нас объектами. Как травматические события и фрустрации могут повлиять на всю жизнь человека и как наша психика старается защищать нас. В приведенном материале можно увидеть, что разрыв отношений, основанных на нарциссическом соблазнении, может нести смерть материнскому объекту и, соответственно, самому Хиневичу. Поэтому при пребывании в симбиотических отношениях смерть не пугает, ее как будто бы нет, есть только вечная жизнь и переход из одной реальности в другую.

Психические защиты человека – великолепный инструмент для защиты от психического распада. Создание нового, надежного мира может быть отличным способом защититься от психической смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александр, отец*. Инглиизм // Джива-Астра. 1993.
2. *Владимир, отец*. Русь православная, до принятия христианства и после // Джива-Астра. 1993. № 2–4 (9).
3. *Книга Мудрости Перуна* // Джива-Астра. 1993.
4. *Лейбин В.* Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010.
5. *Нюнберг Г.* Принципы психоанализа и их применение к лечению неврозов. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1999.
6. *Погасий А.* К вопросу о принятии Закона о свободе совести в Татарстане // Религия и право. 1998. № 4–5.
7. *Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю., Крюков А. Н.* и др. Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988.
8. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии. М.: АСТ, 2011.
9. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: АСТ, 2018.
10. *Фрейд З.* Введение в нарциссизм [Электронный ресурс] <https://psychic.ru/articles/classic21.htm>
11. *Фрейд З.* Тотем и табу. М.: Академический проект, 2007.
12. *Хиневич. А. Ю.* Интервью. <https://slavradio.org/casts/zhivie-yefiry/put-k-istokam-kniga-pyataya-neizvedannye-gati-sudby-chast-pervaya/>
13. *Шнирельман В. А., Мороз Е. Л., Яшин В. Б.* и др. Неоязычество на просторах Евразии. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001.
14. *Racatier P.-C.* (2014) On narcissistic perversion. International Journal of Psychoanalysis.

15. *Morris R. R. Freud and Theology* (1973) *Journal of Religion and Health*. Vol. 12. No 2 (Apr.).
16. *Britton. R, Feldman M., O'Shaughnessy E.* (1989) *The Oedipus Complex Today*.

Creating a religious cult as a defense against reality

N. I. Izotov

Izotov Nikolay I., psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor.

Perhaps with somewhat less intensity than in Freud's time, we often become willing or unwitting participants or witnesses of discussions about God, religion and its various directions.

And if discussions about religion cause so many feelings, then we can conclude that in everyone religious feelings are touched to some extent by some early, very deep memories, fantasies and experiences. Of course, psychoanalysis cannot ignore such an important aspect of human life.

A person's relationship with God can be viewed as an unconscious reproduction of his early relationship with parental figures.

In his work "The Future of One Illusion", Z. Freud points out that religion can be considered as a "universal obsessive neurosis", which, like a child's neurosis, originates in the Oedipus complex, namely in an ambivalent attitude to the father. At the same time, Z. Freud says very little about the relationship with the mother in relation to religion.

But religion can serve as a powerful protective reaction that allows the psychic through the construction of an alternative reality to maintain its integrity and continue to function.

Keywords: religion, cult, neo-paganism, Oedipus complex, relations with the primary object through religion, narcissistic seduction, incestuality, symbolic equation, narcissism, projective identification, neoreality.

Введение в психоанализ художественного творчества

И. Ю. Никитин

Никитин Илья Юрьевич – магистр искусств в области интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США), организационный психолог (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия).

В статье автор предпринял попытку введения в тему психоанализа художественного творчества – психоаналитической критики, озвучил мнения в пользу ограниченности метода и привел его критику, рассмотрел вопрос развития психоаналитической мысли в мире и России с начала XX века и по настоящее время.

Ключевые слова: психоанализ, художественное творчество, история развития психоанализа, психоаналитическая критика, психология искусства.

«Совершенно понятно, что оценка искусства будет всякий раз стоять в прямой зависимости от того психологического понимания, с которым мы к искусству подойдем. И если мы хотим решить вопрос о том, в каком отношении находятся искусство и жизнь, если мы хотим поставить проблему искусства в плоскости прикладной психологии, – мы должны вооружиться каким-нибудь общетеоретическим взглядом, который позволил бы нам иметь твердую основу при решении этой задачи».

Л. С. Выготский. «Искусство и жизнь»¹

¹ К. В. Сельчонок. Психология художественного творчества. Мн.: Харвест, 2003, 752 с. С. 438.

Художественное творчество и личность художника попали в поле интереса психоаналитического исследования еще на заре появления научной дисциплины психоанализа в конце XIX – начале XX века в работах непосредственно Фрейда,

«<...>который обращался к художественному тексту с целью выявления психических комплексов в сознании автора. Психические феномены <...> исследовались З. Фрейдом и его последователями через поиск в произведении образов-символов, отражающих вытесняемые влечения, бессознательные импульсы, желания, отвергнутые реальностью» (Ляшенко, 2020, с. 575).

Художественное творчество с психоаналитической точки зрения, указывает Шукуров (2010), представляет собой форму отражения вытесненных влечений, остающихся неизвестными самому художнику, но персонафицирующихся многообразными проявлениями: «От сюжетных линий литературных произведений и характерологических черт персонажей до специфической образности, граничащей с онейрической или психопатологической реальностью фактического автора» (с. 2). Как отмечает Петрушин (2017), «Фрейд оказался первым исследователем, который обратил внимание на значение бессознательной сферы для творческого процесса. Бессознательные мотивы, связанные со стремлением к власти, деньгам и славе, любви и смерти, на неосознаваемом уровне прорываются в художественное произведение, создавая при этом его главный выразительный художественный эффект» (с. 21). Ранние работы ученого, соразмерно, породили несколько мифов: «Миф первый: для психоаналитика искусство – это просто еще один симптом душевной болезни. И миф второй: все искусство выходит из сферы бессознательного» (с. 276), как удачно сформулировала Разгулина (2015).

Проблематике акта творения и биографиям выдающихся личностей основатель психоанализа посвятил ряд своих прижизненно изданных работ, получивших широкое распространение (Шухно, 2017). Позже в указанном русле работали такие ученые-психоаналитики, как Адлер, Бонапарт, Райх, Ранк, Юнг, Нойманн, Ранкур-Лаферьер, Абрахам, Эриксон, Фромм, Сакс, Рейк, Фрейнберг, Александер и другие. В отечественной науке, отмечает Золотарева (2015), «первые опыты анализа фрейдовского понимания художественного творчества, интерпретации конкретных произведений искусства связаны с именами В. П. Полонского, В. М. Фриче, Л. С. Выготского; позже – с именами М. Н. Афасижева, Ю. Б. Борева, А. Г. Егорова и др. [например, Т. К. Розенталь, В. А. Осипова, И. Д. Ермакова, И. П. Смирнова, С. Н. Шпильрейн, А. Халецкого, И. Григорьева. – И. Н.]» (с. 35).

Чем же психоанализ обогащает литературоведческие практики, «что может дать литературоведению фрейдовская теория динамического бессознательного?» – спрашивает Григорьев (Цит. по: Лейбин, 1994, с. 227) и соразмерно отвечает:

«Она может внести ясность в запутаннейшие вопросы психологии творческого процесса, в вопросы взаимоотношения между художником и созданным им произведением, между произведением и

действительностью; она позволяет установить органический взгляд на совокупность произведений художника как на некоторое единство» (Там же).

В западной научной традиции применение психоанализа в литературоведении обозначается термином «психоаналитическая критика» (англ. «psychoanalytical criticism»), в отечественной теории литературы не имеющим устойчивого перевода на русский язык (Долгополая, 2011). Значительно не углубляясь в исторический анализ, коротко отметим, что данная методология имела широкое распространение в Европе (в частности, в Англии) и США начиная уже с 1910-х годов. «В американском литературоведении психоаналитическая критика стала большим и влиятельным направлением, представленным работами таких исследователей, как Ф. Прескотт, В. Брукс, Г. О'Хиггинс, Дж. Крач, Л. Льюисон, Л. Фидлер. Среди английских литературоведов и критиков, внесших вклад в развитие этого направления, – Г. Рид, Ф. Лукас, Э. Джоунс, Д. Г. Лоуренс, М. Бодкин» (Мельниченко, 2012, с. 185). Впоследствии, с развитием экзистенциального и структурного психоанализа, направление получило новый импульс к развитию во Франции.

В широком смысле, отмечает Панова (2013), история психоаналитической критики как вида прикладного психоанализа может быть разделена на два этапа: на первом этапе, с 1910-х по 1930-е, еще не оформившиеся в строгие теоретические рамки научные устремления психоаналитиков осмысляли новейшее для своего времени художественное творчество (дадаизм, сюрреализм, экспрессионизм), исследовали классические литературные шедевры (Достоевский, По, Твен и др.) и применяли новообразованное учение Юнга, а на втором этапе (с начала 1930-х по н.в.) психоанализ

«<...> оформляется в отдельный метод в литературоведении. В это время исследователи окончательно отказываются от использования психоаналитического метода в чистом виде. Продолжается поиск возможностей соединения его с другими методами литературоведения. В 1940-е годы возникает неофрейдизм (К. Хорни, Г. Салливен, Е. Фромм), на становление которого существенно повлияли идеи К.-Г. Юнга и А. Адлера. Дальнейшее развитие психоаналитического направления происходит в русле постфрейдизма, чья философско-эстетическая специфика связана преимущественно с соединением психоаналитических и структуралистических методов исследования. К постмодернизму относят экзистенциальный (Л. Бинсвангер, Ж.-П. Сартр, А. Мальро, С. Дубровский) и структурный психоанализ (Ж. Лакан, К. Морон, Р. Барт, Ж. Деррида)» (Там же, с. 237).

Лелли и Заламбани (2016) отмечают, что прочная связь психоанализа с литературой в России приобрела особую важность и была обречена на успех ввиду российского литературоцентризма: «Русские ученые пытаются использовать психоаналитические идеи в сфере собственных дисциплин, и психоанализ превращается в способ прочтения и интерпретации биографий писателей и их произведений; в способ расшифровки искусства и литературы, что чаще имеет отношение не к клинической

деятельности, а скорее к филологическому или философскому подходу» (с. 16).

В целом же в России психоанализ ожидала непростая судьба, полная удивительных для науки перипетий: от головокружительного взлета (по объему переводов и изданий психоаналитической литературы Россия занимала одно из лидирующих мест в мире, что заставило Фрейда назвать происходящее в стране «эпидемией психоанализа») до трагического низвержения на уровне национального запрещения марксистско-ленинской идеологией. Так, вслед за Смилянец и Челноковой (2022) мы склонны назвать судьбу психоанализа в России драматичной, что становится еще более прискорбным с учетом того, как все многообещающе начиналось; так, Лелли и Заламбани (2016) пишут:

«Россия была одной из первых стран, где получила распространение теория психоанализа, в отличие от некоторых западных государств, которые на первых порах отнеслись к идеям Фрейда с большей осторожностью. Семя психоанализа упало в России на благодатную почву по многим причинам. Вначале русских, вероятно, очаровало само понятие "бессознательное" <...> Открытия Фрейда вполне соответствовали той культурной атмосфере начала века, что царила в стране, столь охочей до всего нового, упоенной мистицизмом и принципами, и идеалами символизма» (с. 10).

На первом этапе развития психоанализа в России – просветительском (1904–1910) – начало происходить основное знакомство русскоязычного читателя с ключевыми произведениями Фрейда и ближайших его соратников (*Васёнкин, 2020*). Были изданы практически все ключевые работы Фрейда. «В России, – отмечает Долгополая (2011), – основоположником психоанализа и психоаналитической школы считается психиатр И. Д. Ермаков (1875–1942), который за поиском примеров, иллюстрирующих различные комплексы в человеке, обращался к текстам художественной литературы» (с. 8). В России фрейдизм «был одной из важных составляющих русской интеллектуальной жизни сначала 1910-х и вплоть до 1930-х годов» (*Иванов, 1998*), в то время как популяризация идей фрейдизма началась уже в начале XX века – русские врачи и ученые проходили стажировки в западных психоаналитических учебных учреждениях и приносили его в свою клиническую практику, труды Фрейда и других психоаналитиков активно издавались на русском языке (*Шилкина, 2019*). Шукуров (2012) отмечает, что психоанализ получил широкое распространение в умах русской интеллигенции, что привело к появлению многочисленных профильных учебных заведений и началу выпуска научных журналов о психоанализе.

На втором этапе развития научной дисциплины в России – адаптационном (1910–1914), – отмечает Васёнкин (2020), «начинаются активное тестирование и апробация идей З. Фрейда в практических интересах. <...> Психоанализ на этом этапе сталкивается с трудностями, связанными с отечественными социально-политическими тенденциями» (с. 195).

На третьем этапе своего развития – дезинтегративном (1914–1922) – Первая мировая война внесла свои коррективы в историю развития

метода, интенсивность научных изысканий в России ожидаемо замедлилась (чему в числе прочего способствовало общемировое распространение антинемецких и антисемитских настроений); как отмечают Смилянец и Челнокова (2022), «многие врачи-психиатры оказались на фронте, наступило время преобладания антинемецких настроений – работы психоаналитиков временно перестают публиковаться» (с. 66), общие отношения России с Европой временно были приостановлены, российская наука начала пребывать в культурной изоляции (Лелли, Заламбани, 2016). Начало Первой мировой войны, отмечают другие исследователи, ознаменовало конец расцвета науки (Рибехер, 2018). Однако «уже к 1920-м годам XX века в стране сложилась оригинальная традиция фрейдовского учения. Из психиатрической и медицинской сферы психоанализ проник и в литературоведческую область. Исследователи активно начали изучение художественных произведений с психоаналитической точки зрения» (Лелли, Заламбани, 2016, с. 212). Рибехер (2018) отмечает:

«В 1921 году в Москве создается "Психоаналитическая ассоциация исследований художественного творчества". В названии Ассоциации был заключен определенный посыл: фрейдизм не должен быть прерогативой врачей и психологов, а должен стать предметом открытой дискуссии, в которой примут участие представители интеллигенции, поэты, театральные деятели, педагоги и профессиональные революционеры. Членами Ассоциации стали многие именитые ученые и общественные деятели <...>» (с. 104).

В 1922 году было сформировано Русское психоаналитическое общество (РПСАО), просуществовавшее до 1930 года; его судьба была также полна идеологических и политических противоречий, связанных с применением психоанализа в прикладной педагогике и идеями отечественной науки о создании нового советского человека (Рибехер, 2018). «По всей стране стали возникать разного рода психоаналитические кружки и школы. Психоаналитические методы осваивались в крупных научных психологических центрах <...>», пишет Шилкина (2019, с. 116).

Четвертый этап существования психоанализа в России – институциональный – (1922–1932), указывает Васёнкин (2020), «является наиболее плодотворным в русской истории как с точки зрения расширения русской традиции психоанализа, так и в целом как развития психологических идей» (с. 196): в печать выходит наибольшее количество монографий и сборников научных трудов, психоанализ переживает определенный подъем как научная дисциплина (Там же). В 1920–1930-х годах, в связи с интенсивным развитием социальных наук в мире, психоаналитическое движение совершило методологический поворот от «биологической обусловленности человеческого поведения к его социальной и культурной детерминации. Психоанализ оказался в поле зрения прикладных исследований, влияние идей З. Фрейда на культуру и искусство стало еще более очевидным и значительным. В частности, заметную роль в литературоведении многих стран стала играть психоаналитическая критика», указывают Корытова и Корытова (2016, с. 165). В феврале 1927 года в письме Осипову Фрейд писал: «Впрочем, дела у аналитиков Советской

России идут весьма скверно. Большевики с чего-то взяли, что психоанализ враждебен их системе. Им хорошо известно, что нашу науку вообще нельзя поставить на службу какой-либо партии, более того, для ее развития необходимо определенное свободомыслие» (Цит. по: *Драгунская*, 2013, с. 201).

К 30-м годам XX века, просуществовав в период своего расцвета не больше нескольких десятилетий («Серебряный миг русского психоанализа» пришелся «на период, совпавший по времени с дореволюционными событиями и становлением молодого советского государства» (*Корытова, Корытова*, 2016, с. 165)), научное психоаналитическое движение в России пришло в упадок: «Психоанализ с его стремлением вскрыть бессознательные страхи человека и довести до его сознания вытесненные идеологией и культурой естественные желания был обречен на изгнание и запрещение в системе, противостоящей любому инакомыслию» (*Лейбин*, 1994, с. 10) – так произошло ниспровержение авторитета научного направления вследствие доминирования в государственной идеологии тенденции отказа от наследия троцкизма (симпатизировавшего психоанализу; как указывает Васёнкин (2020, с. 197), «Л. Д. Троцкий оказывал всестороннюю поддержку психоанализу и немало способствовал его институционализации в стране») и буржуазных наук (*Корытова, Корытова*, 2016). «История психоанализа в СССР стала частью репрессивного механизма советской идеологии. Психоанализ, наряду с педологией и психотехникой, стал одной из первых жертв идеологического насилия над наукой. После 30-х годов советским психоаналитикам практически было запрещено заниматься своей научной деятельностью, многие из них подверглись аресту, ссылке и физическому уничтожению», – отмечает Шилкина (2019, с. 125). Содержательно, психоанализ в России приостановил свое развитие как в терапевтическом, так и в литературоведческом аспектах более чем на полвека: «С 1930-х гг. психоанализ попал под запрет как буржуазная идеалистическая теория, несовместимая с марксистско-ленинским учением» (*Смилянец, Челнокова*, 2022, с. 67). Под опалу попали видные деятели российского психоанализа, их научное наследие стало предметом едкой критики; так, Кацис и Руднев (1999) отмечают: «Замалчивание психоанализа в СССР, начиная с 1930-х годов, а в крайнем случае – злорадное глумление над ним и, в частности, его применением к художественному тексту, стало недоброй традицией отечественной филологии» (с. 15).

В указанном отношении иностранец-русофил (по собственному определению) и славист Ранкур-Лаферьер (2004) удачно высказался: «Насколько я понимаю, в традиционной русской культуре авторитаризма, коллективизма и нравственного мазохизма по-настоящему свободное, раскрепощенное мышление, в каком бы плане мы его ни рассматривали, реализуется с большим трудом. Но есть надежда, что в постсоветской России ситуация изменится к лучшему» (с. 5).

Лейбин (2017) отмечает: «В середине XX века развитие психоанализа достигло, пожалуй, своего апогея, особенно в США и Англии, куда в 1930–1940-х годах эмигрировало большинство психоаналитиков из

Австрии и Германии. Исключение составляли социалистические страны <...>» (с. 351). Как указывает Ганин (2013),

«в период после Второй мировой войны классический фрейдизм постепенно утрачивает свою авторитетность, в психоаналитической критике на первый план выходят направления, которые сочетают психоанализ с элементами, заимствованными у других литературоведческих школ. Значительный вклад в этот процесс внес французский философ Ж. Лакан, который сумел объединить в своем учении идеи Фрейда и опыт структурализма и постструктурализма» (с. 6).

К 1950-м годам завершился этап интенсивного интереса к психоанализу (как минимум на Западе), и последний стал закономерно угасать ввиду «недостатка научной строгости и присущей ему методологической слабости», – отмечают Корытова и Корытова (2016, с. 165); еще более категорично на данную тему высказывается Круглова (2022), отмечая: «Безусловно, недоверие к психоанализу как к методу исследования литературных произведений имеет под собой веские основания. Идеи психоанализа в течение всего периода его становления не раз пересматривались и дорабатывались З. Фрейдом и его учениками, в то же время они стремительно проникали в умы ученых и виделись им некоей панацеей, "универсальной отмычкой", которой можно вскрыть как бессознательное пациента в клинической практике, так и бессознательное автора, чей текст выступает продуктом его сублимации» (с. 228–229). При этом психоаналитическая критика «по-прежнему продолжает оставаться довольно влиятельной силой мировой психологии и как инструмент содержательного анализа продолжает свое существование в современном литературоведении многих стран Европы и Америки» (Корытова и Корытова, 2016, с. 165). На современном этапе развития научной дисциплины, пишет Галинская (2003), «психоаналитическое литературоведение есть не просто приложение психоаналитических теорий к изучению литературных произведений. Это междисциплинарное исследование, опирающееся на юнгианскую идею архаико-мифического способа мышления в сфере подсознательного и подчеркивающее коммуникативную природу искусства и психологический характер эстетического опыта [в качестве отдельного примера указанного подхода возможно, например, отметить архетипическую теорию Фрая и структурализм, см.: Куан и Ян, 2023. – И. Н.]. Отправным пунктом подхода исследователей остается фрейдовское понятие сновидения и фантазии, обряженное в эстетический наряд» (с. 22). При учете изложенного, добавляет комментарий Шевцова (2011), психоаналитическая критика сегодня представляется «старомодной»; так, «слишком монотонным и схематичным представляется стремление психоаналитиков в авторах произведений и их героях отыскать одни и те же психологические установки, в частности, сводить все и вся к пресловутому "эдипову комплексу"» (с. 14). Горелина (2008) еще более неутешительно резюмирует: «В современном литературоведении психоаналитическая методика практически не используется» (с. 25).

Важно отметить, считает Шукуров (2013), что психоаналитики на начальном этапе развития психоанализа художественного творчества не

были категоричны и не претендовали на окончательность своих интерпретаций; он добавляет: «З. Фрейд отвергает всякие попытки понять генезис и суть творческого начала; дар личности был для него необъяснимым феноменом, а вопрос о том, почему тот или другой психический комплекс находит творческое воплощение в искусстве, а не реализацию в невротической симптоматике, оставался для него без ответа» (с. 181).

При всем интересе к практическому применению психоанализа для изучения художественного творчества «психоанализ не является методом всестороннего исследования искусства, его возможности ограничены, – справедливо указывает Козырева (2017). – Он дает возможность проанализировать такие составляющие искусства, как его истоки, процесс создания художественного произведения, эмоции и символы» (с. 90). Юнг (1996) высказывался еще более категорично, говоря, что «только тот аспект искусства, который касается процесса создания произведения, может стать объектом психологического исследования, но никак не его специфическая сущность. Вопрос, чем же является искусство как таковое, должен рассматриваться эстетикой (с. 9); в некотором смысле подытоживая взгляды Юнга, Нестерова (2017) указывает: «Совершенно очевидно, что феномен творчества невозможно объяснить только в границах нашей рациональности» (с. 125). В определенной степени созвучную юнговской позицию занимал и сам Фрейд, утверждая ограниченность психоаналитического метода: «Перед проблемой художественного творчества [считал учёный. – И. Н.] психоанализ должен сложить оружие: сущность художественного творчества до конца ему недоступна» (Карцева, 2011, с. 370). Григорьев (Цит. по: Лейбин, 1994) обозначал схожую позицию:

«<...>Необходимо подчеркнуть, что психоанализ в точном смысле слова совершенно неприменим к истолкованию художественного произведения, когда мы сплошь и рядом не имеем автора в живых или не имеем возможности его расспросить. О психоанализе в применении к истолкованию художественного произведения можно говорить лишь условно, как о сходном методе» (с. 228–229).

Ходасевич и Трубецкой были еще более категоричны, отмечает Черниговский (2017): «Так, Ходасевич выступал против отождествления литературного персонажа, "реально существующей душевной сферой не обладающего", с живым человеком в качестве пациента психоаналитика. Трубецкой же, основываясь на том факте, что фрейдизм не в состоянии объяснить природу художественного таланта, писал: "Мы не можем признать никакой ценности за психоаналитическим методом... для литературоведения..."» (с. 48). Созвучную мысль со ссылкой на основателя психоанализа озвучивает Панова (2013), говоря: «Не следует смешивать задачи психоанализа с задачами литературы. Психоанализ рассматривает литературу только как сюжетно-иллюстративный материал, и сам по себе он не может объяснить разницу между шедевром и его пересказом, или между великим писателем и рядовым невротиком» (с. 236). При учете изложенного, как замечает Шевченко (2015), «психоанализ сегодня является одним из важнейших методов современного не только отечественного,

но и зарубежного литературоведения» (с. 995); похожее мнение выражает Золотарева (2015), отмечая:

«Практика "приложения" психоанализа к исследованию художественного творчества становится своеобразной традицией, влияние которой ощутимо и в наши дни. Все более увеличивается список имен художников и созданных ими произведений, подвергнутых психоаналитическому разбору (Б. Шоу, П. И. Чайковский, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь, П. Пикассо, Г. Гессе, Ф. Кафка, Д. Г. Лоуренс и др.)» (с. 41).

Зададимся вопросом: как все последнее соотносится с теми многочисленными оговорками, озвученными ранее, что должны приниматься во внимание при рассмотрении художественного творчества с позиций психоанализа? Ответ, как нам видится, кроется в том, что при всех своих ограничениях в прикладном аспекте психоанализ (и родственные ему школы, как аналитическая психология или индивидуальная психология) остается ключевым психологическим инструментом к пониманию бессознательного, богатейшего по своей глубине источника творчества, креативности и вдохновения – «из-за содержания в нем [(психоанализе). – И. Н.] истины, из-за разъяснений, которые он нам дает о том, что касается человека ближе всего, его собственной сущности, из-за связей, которые он вскрывает в самых различных областях его деятельности» (Фрейд, цит. по: Лейбин, 1994, с. 14).

Вернемся к истории развития психоанализа в России. «Только в общем контексте демократический перемен, – указывает Лейбин (1994), – наметившихся во второй половине 80-х годов, произошло возвращение Фрейда в Россию и возрождение психоанализа в нашей стране» (с. 11). Формальную реабилитацию психоанализа в России получил только в 1990-е годы по президентскому указу № 1044 от 19.07.1996 г. «О возрождении и развитии психоанализа» (Шилкина, 2019), что, однако, в части психоаналитической критики выглядело несколько иначе: «Его [(психоанализа). – И. Н.] "реабилитации" как литературоведческой методологии так в полной мере и не произошло до сих пор» (Круглова, 2022, с. 229). Как справедливо отмечают Смилянец и Челнокова (2022),

«<...> начинается реабилитация психоаналитического движения – учреждаются психоаналитические ассоциации и общества, открываются институты психоанализа, создаются исследовательские центры, отделения и школы. С одной стороны, это время можно считать самым настоящим "Возрождением" психоанализа в России, но, с другой стороны, чрезмерное количество организаций разного качества привело к обесцениванию психоанализа в представлении россиян на рубеже XX и XI вв. и резкому уменьшению количества психоаналитиков, работающих, главным образом, в частных кабинетах в Москве и Санкт-Петербурге» (с. 67).

В указанном периоде и по настоящее время интерес к психологии художественного творчества (в широком смысле слова) в России сохранялся на слабо-умеренном уровне, при этом некоторыми авторами даются осторожные оптимистичные прогнозы в его отношении:

«Психоаналитический подход к литературной критике в отечественной мысли, несмотря на непродолжительную пока историю развития, имеет

свою, в отличие от западной, специфику и свои интенции развития. Это дает возможность предположить, что оригинальная отечественная концепция психоаналитической литературной критики имеет все средства для того, чтобы обогатить философский дискурс, предложив ему новые аспекты понимания и интерпретации текста» (Городович, 2003, с. 19–20).

Согласно нашим сведениям, специализированных работ, отдельно посвященных психоанализу художественного творчества (что не стоит путать с частными примерами психоаналитических исследований конкретных образцов художественного), на русском языке не издавалось. Так, удивительным образом сохраняется положение дел, описанное Мейлахом еще в 1980-х годах: «<...> психология художественного творчества в качестве самостоятельной дисциплины не признается ни литературоведческими, ни искусствоведческими институтами, ни университетами. Очень мало и книг. За последние десятилетия их можно пересчитать по пальцам» (Цит. по: Мейлах, Хренов, 1980, с. 6).

Среди немногочисленных публикаций, затрагивающих тему и относительно легкодоступных современному читателю, в печать были выпущены: «Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль» (1994, под ред. В. М. Лейбина) с кратким историческим экскурсом в вопрос развития психоанализа в России и примечательной статьей И. Григорьева по теме исследования литературы, «Художник и фантазирование» (1995, под ред. Р. Ф. Додельцева и К. М. Долгова), собравшее внушительное количество работ основателя психоанализа в области исследования художественного творчества, «Психоанализ и искусство» К. Г. Юнга и Э. Нойманна (1996, под ред. С. Л. Удовика), включивший работы видных аналитических психологов по теме, «Классический психоанализ и художественная литература» (2002, под ред. В. М. Лейбина), включившая классические работы по теме за авторством Фрейда, Адлера, Райха, Юнга, Фромма и других аналитиков, а также значительный раздел с отечественными исследованиями художественного, «Психология художественного творчества» (2003, сост. К. В. Сельченко) с краткими работами Ранка, Выготского, Иванова и Мелетинского по темам психоанализа и аналитической психологии в приложении к литературоведению, «Русская литература и психоанализ» Д. Ранкур-Лаферьера (2004, под ред. В. М. Лейбина, В. И. Овчаренко и С. А. Ромашко), объединившая статьи разных лет посвященные известным русским писателям с позиций психоаналитической критики, «Психоанализ и искусство» (2011, сост. Е. А. Спиркина), включивший некоторые примеры прикладных психоаналитических исследований, «Психоанализ творчества и прикладные психоаналитические исследования» (2023, сост. Е. С. Мордас и Л. П. Фрейлих), собравший разнородные статьи по теме психоаналитических исследований художественных произведений. Иные же работы (например, «Психология процессов художественного творчества» (1980, под ред. Б. С. Мейлаха и Н. А. Хренова) или более современные «Основы психологии художественного творчества» А. Л. Гройсмана (2003), «Психология художественного творчества» Л. Р. Золотаревой (2015), «Психология и педагогика художественного творчества» В. И. Петрушина (2017) и

«Практическая психология художественного творчества» И. В. Лопатовой (2018)) посвящены в большей степени общепсихологическим аспектам художественного творчества и психоанализа практически не касаются.

Настоящая работа предприняла попытку дать общую характеристику психоаналитической критике, кратко рассмотреть ее и психоанализа историю развития, подсветить ограничения психоаналитического метода в приложении к литературоведению и дать сжатый обзор литературы, доступной в настоящий момент для русскоязычного читателя, по указанной теме. К каким основным выводам мы приходим по результатам исследования? В первую и основную очередь мы должны отметить, что психоаналитическая критика, пройдя относительно длинный путь развития, по состоянию на сегодняшний день оформилась в самостоятельный как для литературоведения, так и для психоанализа метод исследования. С уверенностью мы можем утверждать, что объем академических и прикладных публикаций (преимущественно западных, вынуждены отметить) по теме говорит о сохраняющемся на среднем уровне в научном сообществе интересе, хотя и не переживающем периода своего расцвета, что скорее было характерно для середины прошлого столетия, когда «психоанализ по-прежнему оставался очень продуктивным для западноевропейских филологов, и его понятийный и терминологический аппарат стал достоянием современного литературоведения» (Ломова, Ботатаева и Нуркасымова, 2021, с. 41).

В отечественной научной практике помимо отсутствия систематических исследований психоаналитической критики мы можем констатировать достаточно слабый интерес к теме; как убедительно отмечает Круглова (2022):

«Психоаналитический метод в настоящее время крайне редко используется в отечественном литературоведении. Это может быть связано с необходимостью владеть психоаналитическим языком описания, значительно усложнившимся с появлением неопрейдистских и постструктуралистских концепций. Но что еще важнее, в литературоведческой науке сложились определенные стереотипы благодаря скептическому отношению литературоведов и писателей в первой трети XX века к опытам первых психоаналитиков на поле интерпретации художественных произведений» (с. 228).

Так, мы можем выдвинуть предположение, что недопредставленность российских исследований в обсуждаемой области оставляет психологам, психоаналитикам и литературоведам поле для дальнейших научных изысканий: в частности, в интересах полноценного оформления отечественной психоаналитической критики остается открытым пространство определения основных принципов и понятий подхода, выработки общих методологических принципов выполнения соответствующих исследований, а также формулировки внутренне непротиворечивых образцов междисциплинарных исследований художественного творчества и художников.

Выскажем частное мнение, что изыскания в данной области обладают возможностью значительно обогатить российскую психоаналитическую мысль и внести весомый вклад в развитие отечественной науки и гуманитарного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васёнкин А. В.* Из истории психоаналитического движения в России, 1904–1932 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. № 2 (35). С. 192–200.
2. *Галинская И. Л.* Психология художественного творчества // Культурология. 2003. № 4(27). С. 18–27.
3. *Ганин В. Н.* Психоаналитическая критика как литературоведческий метод // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 3. С. 6.
4. *Горелина И. Ю.* Психоанализ и литература: от теории З. Фрейда к психиатрическому литературоведению В. П. Белянина // Гуманитарные науки. 2008. С. 24–27.
5. *Городович О. В.* Психоаналитический подход в литературной критике в России // Актуальные проблемы социальных наук: Материалы IV региональной межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук». 2003. С. 17–20.
6. *Долгополая М. С.* Русская классика в методологии английской психоаналитической критики // Филологический журнал. 2011. № 18. С. 7–9.
7. *Драгунская Л. С.* Изучение современного гуманитарного психоанализа и проблема университетского образования // Вестник РГГУ. 2013. № 18 (119). С. 197–215. (Серия «Психология. Педагогика. Образование».)
8. *Золотарева Л. Р.* Психология художественного творчества. Алматы: Эверо, 2015. 485 с.
9. *Иванов А. В.* Учебное пособие по изучению литературоведческих методологий XX века (психоаналитическая критика, структурализм, структурно-семиотический метод, мифологическая критика). Могилев, 1998. 45 с.
10. *Карцева Г. А.* Рациональное и иррациональное в процессе художественного творчества // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 12. С. 368–371.
11. *Кацис Л., Руднев В.* Две правды о профессоре Ермакове // Логос. 1999. Т. 5. С. 15.
12. *Козырева Т. В.* Психоанализ как метод исследования искусства и художественного произведения // Осмысливая современность: Сборник материалов I международной научно-практической конференции. 2017. С. 90–91.
13. *Корытова А. И., Корытова Г. С.* Психология литературного творчества как научное направление: этап становления (последняя треть XIX – первая половина XX в.) // Вестник ТГПУ. 2016. № 11 (176). С. 162–169.

14. *Круглова Е. Е.* Стратегии анализа и практика изучения И. С. Тургенева в психоаналитическом аспекте // *Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве.* 2022. С. 227–237.
15. *Куан С., Ян Ч.* Архетипическая литературная критика и структурализм // *Философия и культура.* 2023. № 5. С. 87–97.
16. *Лелли И., Заламбани М.* Федор Достоевский в интерпретации Татьяны Розенталь: предвосхищение Фрейда / Пер. с итал., электрон. текстовые дан. Ижевск: ERGO, 2016. 53 с.
17. *Лейбин В. М.* Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М.: Республика, 1994. 384 с.
18. *Лейбин В. М.* Психоанализ: история, современность и перспективы // *Психологические и психоаналитические исследования.* 2017. С. 347–367.
19. *Ломова Е. А., Ботатаева У. А., Нуркасымова А.* Рецептивно-эстетические изыскания англо-американского литературоведения при анализе художественного нарратива И. Тургенева // *Norwegian Journal of Development of the International Science.* 2021. № 59-2. С. 39–44.
20. *Ляшенко Т. М.* Юнгианский психоанализ как метод исследования литературного произведения в вузе // *Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XIII Международной научно-практической конференции.* 2020. С. 574–577.
21. *Мельниченко Т. В.* Психоаналитическая критика Англии и США первой половины XX века // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций.* 2012. № 4. С. 185–192.
22. *Мейлах Б. С., Хренов Н. А.* Психология процессов художественного творчества. Л.: Наука, 1980. 286 с.
23. *Нестерова О. Ю.* Природа творчества в философии психоанализа // *Манускрипт.* 2017. № 5 (79). С. 123–125.
24. *Панова Н. Ю.* К вопросу о психоанализе в литературе: теоретический аспект // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций.* 2013. №7-2. С. 234–242.
25. *Петрушин В. И.* Психология художественного творчества. М.: Юрайт, 2017. 232 с.
26. *Разгулина М. В.* Абстракция и бессознательное. Пит Мондриан // *Третьяковские чтения. 2014: Материалы отчетной научной конференции.* 2015. С. 275–282.
27. *Ранкур-Лаферьер Д.* Русская литература и психоанализ. М.: Ладомир, 2004. 1017 с.
28. *Рихебехер С.* Опасные связи с властью. Психоанализ в большевистской России // *Теория и практика психоанализа: Ежегодный сборник научных трудов.* Вып. 4. М.: Кредо. 2018. С. 101–116.
29. *Смилянец П. А., Челнокова А. В.* Психоанализ в России XX в. – специфика развития // *Будущее клинической психологии – 2022: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.* 2022. Вып. 16. С. 63–68.
30. *Шевченко Н. И.* Психоанализ как основа методологии изучения литературы // *Молодой ученый.* 2015. № 3(83). С. 995–998.

31. Шевцова Л. И. Теория литературы: учебно-метод. комплекс для студ. филол. фак. дневной и заочной форм обучения. Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова». 2011. 133 с.
32. Шилкина И. С. Психоанализ в послереволюционной России (1920–1930-е годы) // РСМ. 2019. № 3 (104). С. 108–129.
33. Шукуров Д. Л. Литература русского авангарда и психоанализ // Вестник ИГЭУ. 2010. №1. С. 1–6.
34. Шукуров Д. Л. Формирование психоаналитического подхода к изучению культуры на Западе и в России // Соловьевские исследования. 2013. № 2 (38). С. 175–188.
35. Шукуров Д. Л. Психоаналитические аспекты изучения истории русской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 213–215.
36. Шухно Е. В. Ограничения психоаналитического метода при изучении художественного творчества // Национальная философия в глобальном мире: Тезисы первого Белорусского философского конгресса. 2017. С. 204–205.
37. Черниговский Д. Н. Из истории изучения психоанализа литературы в русской эмиграции (об опыте исследования творчества А. С. Пушкина с точки зрения фрейдизма) // Advanced Science. 2017. № 4(8). С. 47.
38. Юнг К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М.: Ваклер, 1996. 304 с.

An introduction to the psychoanalysis of artistic creativity

I. Yu. Nikitin

Nikitin Iliа Yu., Master of Arts in Integral Psychology (John F. Kennedy University, USA), Organizational psychologist (National Research University Higher School of Economics, Russia).

In the article, the author provides an introductory word to the psychoanalysis of artistic creativity – psychoanalytic criticism –, voices opinions in favor of the limitations of the method and provides its criticism, examines the issue of the development of psychoanalytic thought in the world and Russia from the beginning of the XX century to the present.

Keywords: psychoanalysis, artistic creativity, the history of the development of psychoanalysis, psychoanalytic criticism, psychology of art.